

"Ураган любви (Индиго плэйс, 22; Дом, в котором нет тебя)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Сандра Браун

Ураган любви

Глава 1

Мотоцикл внезапно выскочил из-за виргинского дуба, где его скрывали лианы вьющейся глицинии. Густая тьма обволакивала Лору Нолан, сидевшую на крыльце, и она резко обернулась на звук режущего двигателя. Прижавшись в страхе спиной к входной двери, она подняла к груди кулак, сжимавший ключ.

— Это вы миссис Хайтауэр, агент по недвижимости?

— Нет, я не агент, я хозяйка дома. — Чуть более высокомерно она добавила: — Не могу сказать, что благодарна вам за то, что до смерти меня напугали. Почему вы притаились за деревом?

Мужчина повернул ключ зажигания, и мотор, поурчав, затих. Перекинув ногу через сиденье своего довольно потрепанного мотоцикла, он не спеша обошел его сзади.

— Я не прятался. Я ждал и совсем не хотел вас напугать.

Так он по крайней мере объяснил свое появление. Однако его неторопливые и уверенные шаги по ступеням крыльца вызвали у Лоры сомнение в правдивости его слов.

Она была одна. Вокруг не было ни души. Ей стало страшно.

Ведь любой человек мог заметить у дороги объявление о продаже, подъехать к дому, притворившись заинтересовавшимся покупателем. Кто же вот так, на мотоцикле, отправляется присматривать себе дом? Стараясь, чтобы в голосе зазвучали угрожающие нотки, она сказала:

— Если вы ожидаете миссис Хайтауэр, я думаю...

— Святые небеса! Да никак это мисс Лора Нолан собственной персоной.

Несколько мгновений Лора не в силах была вымолвить ни слова.

— От... откуда вы меня знаете?

В ответ раздался смешок — низкий, хриловатый, вроде бы и не злоеющий, но все равно очень опасный, и у нее побежали мурашки по коже. Незнакомец уже поднялся на крыльцо и стоял рядом с ней. Только он был гораздо выше ее, намного выше. Казалось, он просто навис над ней в густой темноте.

— Ну же, мисс Лора, не надо скромничать. Кто же не знает самую красивую и богатую маленькую девочку в Грегори, штат Джорджия?

Ее возмутили сразу несколько моментов. Например, тон незнакомца — далеко не почтительный. То, как он растягивал слова, уже звучало оскорбительно и слегка насмешливо. Лору также задел намек на богатство ее семьи. Упоминание подобных вещей было чрезвычайно дурным тоном и свидетельствовало о том, что этот человек был невоспитанным и мало заботился о приличиях, если это вообще его волновало. Но больше всего ее встревожило то, как он надвигался на нее, заставляя отступать, пока она не вжалась всей спиной в дверь, как будто пытаясь слиться с ней.

Мужчина стоял так близко, что Лора ощущала жар его тела и запах его одеколona. Мало у кого хватало смелости преградить ей путь, а тем более вторгнуться в ее родную среду. Ей совершенно не нравилась такая наглость. Этот незнакомец нарушал все нормы приличного общества. Кем он себя вообразил?

— Я по сравнению с вами в невыгодном положении, — холодно произнесла она, — потому что не знакома с вами. — Всем своим тоном она дала понять, что хотела бы сохранить такое положение и дальше. — Если вы хотите посмотреть дом, прошу вас подождать миссис Хайтауэр на крыльце. — Лора кивнула в сторону плетеного диванчика. — Она очень пунктуальный человек, поэтому, я уверена, вот-вот появится. А теперь прошу меня извинить. — Лора, пренебрегая правилами приличия, повернулась к посетителю спиной, чтобы открыть дверь.

Вероятно, это был не самый умный ее поступок, но сейчас она испытывала скорее смятение, нежели страх. Если бы он задумал что-то криминальное, то уже действовал бы. Поэтому в данный момент самым главным было держаться от него как можно дальше.

Лора вставила ключ в замочную скважину, мысленно поблагодарив небеса за то, что в темноте это ей удалось с первого раза. Повернув ключ в замке, распахнула дверь.

Как только она перешагнула через порог, ее рука автоматически потянулась к выключателю и щелкнула им. Зажегся свет на переднем крыльце. Оно освещалось тремя умело расположенными лампами, свисавшими с верхнего балкона на длинных медных цепях. Когда Лора повернулась, чтобы закрыть переднюю дверь, она удивленно ахнула, отчасти потому, что мужчина последовал за ней и уже был на пороге, но главным образом из-за того, что теперь она узнала его.

— Джеймс Пейден, — произнесла она хриплым шепотом.

Неторопливая усмешка едва тронула губы мужчины. Когда же наконец он улыбнулся, приподняв уголки упрямого, чувственного рта, это придало ему возмутительно самодовольный вид. Просунув пальцы в петли на поясе джинсов, он прислонился плечом к косяку двери и сказал:

— Вы помните меня.

Помнит его? Разумеется, она помнит его. Такие всегда запоминаются уже хотя бы потому, что резко отличаются от всех остальных, — словом, белые вороны.

И из всех других знакомых Лоры Джеймс Пейден выделялся тем, что был единственным на ее памяти, кого практически изгнали из города.

— Что вы здесь делаете?

— Пригласите меня в дом, и я скажу вам. Или мне по-прежнему запрещен доступ в святая святых — Индиго-плейс, 22?

Лору задел этот намек на ее снобизм и на то, что она далеко не всех рада видеть в своем доме. Хотя это действительно было так. Рэндольфа и Мисси Нолан хватил бы удар, если бы их единственная дочь на одну из своих многочисленных вечеринок пригласила кого-нибудь вроде Джеймса Пейдена.

— Конечно, вы можете войти, — сдержанно сказала она.

Пейден оттолкнулся от дверного косяка и небрежно прошествовал мимо Лоры.

— Благодарю.

Она скрипнула зубами от его саркастического тона, однако все же закрыла дверь и стояла в стороне, пока он неторопливо и внимательно изучал парадный вестибюль ее дома. И пока он был занят этим, Лора изучала его.

Джеймс Пейден. Необузданный, настоящий бунтарь, имеющий дурную славу. Он был сущим наказанием для всей школы в Грегори, пока наконец не окончил ее на несколько лет раньше Лоры. Местное полицейское отделение также было с ним хорошо знакомо. Нет, он, конечно, не был изгоем, просто считался совершенно неисправимым. Он и кучка ребят, следовавшая за ним на мотоциклах, как верные рыцари за своим изгнанным королем. Своей территорией они считали зал при городском бассейне. Они проводили время или там, или мотались по городу. От этой компании были одни неприятности, и все, если это вообще было возможно, старательно ее избегали. Эти ребята славились тем, что много пили, громко ругались, быстро ездили и вели разгульный образ жизни — ну прямо «Ангелы ада» («Ангелы ада» — мотоциклетная банда, впервые появилась в 1949 году в Калифорнии. Название позаимствовано у группы американских пилотов времен Второй мировой войны, которых объединяла любовь к мотоциклам фирмы «Харлей». В настоящее время особенно широко распространены в Дании.), только в масштабах этого небольшого городка.

Джеймс Пейден, их бесспорный лидер, рос без всякой дисциплины, без видимых целей в жизни, ни на йоту не считаясь с кем-либо или с чем-либо. Порядочным молодым людям рекомендовалось держаться от него подальше, чтобы не нажить себе неприятностей. Молодым девушкам советовали то же самое, только в данном случае риск общения с ним мог иметь гораздо более неприятные последствия. Хорошая репутация и общение с Джеймсом Пейденом были двумя абсолютно несовместимыми понятиями.

По иронии судьбы он притягивал к себе людей. И мужчин, и женщин одинаково тянуло к нему, как обычно влечет к любому пороку. С Джеймсом было волнующе и весело. Он был порочен и, значит, по-особому, опасно привлекателен. И стоило ему только бросить один призывный взгляд, многозначительно приподнять бровь, сделать всего лишь одно манящее движение пальцем, как легкие жертвы, люди, не обладающие сдержанностью и силой воли, собирались вокруг него. Пейден притягивал к себе не только характером, но и приятной внешностью. Обтягивающие джинсы, футболки, кожаная куртка с поднятым воротником и сапоги были его обычным стилем задолго до того, как все это стало общепринятой и модной одеждой.

Его темно-каштановые волосы всегда были длиннее, чем принято, и он не стремился к тому, чтобы придать стрижке стильный вид. Джеймс взирал на мир задумчивыми зелеными глазами под густыми темными ресницами. Нижняя губа его откровенно чувственного рта была чуть более пухлая, чем верхняя. Его рот мог выглядеть совершенно капризным, когда насмешливая улыбка не касалась одного его уголка... как сейчас, когда он обернулся и обнаружил, что Лора пристально его рассматривает.

Она вяло улыбнулась ему и предложила:

— Не хотите ли подождать миссис Хайтауэр в гостиной?

Пейден подхватил ее официальный тон:

— После вас, мисс Лора.

Лора с удовольствием стерла бы с его лица эту самодовольную ухмылку. У нее даже зачесалась ладонь — так ей хотелось вlepить ему пощечину. Вместо этого она повернулась к нему спиной и повела его в переднюю гостиную. По пути она всюду включала свет.

Войдя, Джеймс тихо и протяжно присвистнул. Стоя в центре комнаты, он засунул ладони в задние карманы джинсов и медленно повернулся на каблуках на триста шестьдесят градусов.

Лора не могла не заметить, что, хотя стиль его одежды и остался прежним, качество ее явно изменилось. Сапоги, например, были дорогими. Они слегка потерлись и были в пыли, но в качестве Лора знала толк.

А вот чего ей совершенно не хотелось замечать, но проигнорировать было просто невозможно, так это то, как мало изменилась фигура Джеймса за те десять лет, что она не видела его. Он возмужал, достиг самого расцвета, но не растолстел. Он был по-прежнему стройным и подтянутым. Талия у него была по-спортивному тонкая, живот плоский, бедра узкие, он раздался в плечах и груди. И по-прежнему двигался плавной, бесшумной походкой, словно хищник. Казалось, он никогда не торопится.

— Да, комната что надо.

— Спасибо.

— Я всегда хотел побывать внутри этого дома. — Без приглашения он небрежно опустился в одно из кресел. — Но меня так ни разу и не пригласили.

— Наверное, просто не было подходящего случая. — Лора скованно села на стул, устроившись на самом краю мягкого сиденья, как будто ей предстояло в спешке покинуть его.

— Ну не забавно ли? Я припоминаю несколько случаев, когда я мог бы быть приглашен.

Лора холодно взглянула в его сторону. Да, снисходительности от него не дождешься. Он что, хочет, чтобы она прямо призналась, что людям его сорта никогда бы не обрадовались ни на одном общественном мероприятии, которые устраивали ее родители? Она ни за что не поступит столь бестактно, как бы он ее ни провоцировал. Вежливость была неотъемлемой частью ее воспитания.

— Вы были старше. У каждого из нас были свои друзья.

Пейден счел ее тактичность забавной и громко рассмеялся:

— Чертовски верно, мисс Лора. — Склонив голову набок, он взглянул на нее, прищурясь. — Насколько я понимаю, вы по-прежнему мисс Лора Нолан.

— Да.

— Отчего же?

— Простите?

— Почему вы все еще мисс?

— Предпочитаю жить как одинокая женщина. Каждой клеточкой тела излучая возмущение его бестактным вопросом, она в упор посмотрела на Пейдена холодными голубыми глазами и взмахом головы перебросила волосы за плечи.

Он откинулся на вышитые подушки кресла, положил руки на спинку и скрестил ноги.

— Вообще-то, мисс Лора, — протянул он, — я лично всегда считал, что единственная разница между одинокой женщиной и старой девой заключается в количестве любовников. Сколько их у вас?

Лицо Лоры даже порозовело от гнева. Ее осанка стала еще более прямой, она буквально испепеляла нахала взглядом, который, как она надеялась, выражал полное презрение, потому что именно это она и ощущала в данный момент.

— Достаточно.

— Кто-нибудь из общих знакомых?

— Моя жизнь вас не касается.

— Так, посмотрим. — Джеймс поднял глаза к потолку, всем своим видом показывая, что решает серьезную проблему. — Насколько я припоминаю, парни этого городка делятся на две категории. Они либо возвращаются сюда после колледжа, чтобы управлять делом своих папочек, либо уезжают и никогда не возвращаются, отправляясь на поиски лучшей жизни. И что-то среди тех, кто вернулся, я не припомню холостяков. Я слышал, все они женаты и у каждого куча детишек. — Его взгляд явно подстрекал ее. — И это заставляет меня недоумевать: где же вы берете всех своих дружков?

Лора вскочила на ноги с полным намерением отчитать наглеца, поставить его на место и потребовать, чтобы он покинул ее дом. Но в этот момент она увидела торжествующий огонек в его глазах и тут же отказалась от этой идеи. Она не хотела, чтобы он понял, что ее удалось разозлить.

Лора была в таком напряжении, что губы едва слушались ее, когда она спросила:

— Не хотите ли чего-нибудь выпить, пока ждете? — Она сделала несколько шагов в сторону старинной горки для вин, которая была заставлена хрустальными графинами и очень дорогой посудой из стекла.

— Нет, спасибо.

После его отказа ей ничего не оставалось делать, кроме как вернуться на свое место, и Лора почувствовала себя еще глупее. Она держалась скованно, стараясь не замечать, как Джеймс наблюдает за ней. Молчание затянулось.

— У вас была назначена встреча с миссис Хайтауэр? Он издал какой-то нечленораздельный звук, который она восприняла как подтверждение.

— Вы действительно хотите купить этот дом?

— Он ведь продается, да?

— Да, продается. Просто... то есть... — Лора запнулась, когда он пристально и холодно посмотрел на нее. Нервничая, она облизала губы. — Не могу представить, что могло задержать миссис Хайтауэр. Обычно она так пунктуальна.

— А ты совсем не изменилась, Лора.

У нее побежали мурашки по телу уже только от того, что Пейден назвал ее по имени. В его голосе больше не было насмешки, напротив, он звучал мягко, хотя и хрипло. Она запомнила этот голос еще с тех давних пор, когда они встречались на улице и Джеймс заговаривал с ней. Лора всегда отвечала вежливо, скромно опускала глаза и торопилась уйти, чтобы никто из случайно увидевших их не мог принять ее дружелюбие за заигрывание.

По какой-то причине случайные встречи с Джеймсом Пейденом всегда смущали и волновали ее. Она чувствовала себя скомпрометированной уже оттого, что он произносил ее имя, как будто он дотронулся до нее. Может быть, потому, что глаза его подразумевали нечто большее, чем просто приветствие. Какова бы ни была причина, эти встречи всегда оставляли свой отпечаток.

Она и сейчас так себя чувствовала — неловкой, косноязычной и виноватой неизвестно в чем.

— Я стала старше.

— Ты стала красивее.

— Благодарю. — Пальцы ее рук, лежавших на коленях, судорожно переплелись. Ее ладони настолько вспотели, что оставили влажный след на юбке.

— Все по-прежнему упругое и компактное. — Его глаза пробежались по ней сверху донизу с непринужденной легкостью человека, привыкшего мысленно раздевать женщин. Подняв вновь глаза, он посмотрел на нее из-под густых бровей.

— Я стараюсь следить за весом.

Ей было неловко от того, что Пейден изучает ее с таким откровенно чувственным интересом, но почему-то она не решалась отчитать его за это. Безопаснее было сделать вид, что ничего не замечаешь.

— Твои волосы все такие же блестящие и мягкие. Помнишь, когда я сказал тебе, что они у тебя цвета кожи олененка?

Солгав, она отрицательно покачала головой.

— Ты уронила учебник по химии в холле школы, и я поднял его. Твои волосы упали тебе на щеку. Вот тогда я и сказал, что они как кожа олененка.

На самом деле это был ее учебник по алгебре, и были они в тот момент в школьной столовой, а не в холле. Но Лора промолчала.

— И они все того же нежного цвета. И вокруг лица пряди по-прежнему светлее. Или ты теперь их красишь?

— Нет, это мой естественный цвет.

Джеймс улыбнулся ее внезапной реакции. Лора, следуя приличиям, застенчиво улыбнулась в ответ. Долгое время он пристально смотрел на нее.

— Как я уже сказал, ты самая красивая девушка города.

— Самая красивая богатая девушка.

Он пожал плечами:

— Черт побери, тогда в сравнении с Пейденами любой был богач.

Лора опустила глаза, испытывая неловкость за Джеймса. Они были в буквальном смысле из разных миров. Его семья жила в лачуге, кое-как сбитой из старья, которое удалось найти на свалке его отцу-пропойце. Снаружи этот крошечный домишко напоминал стеганое одеяло — словом, был бельмом на глазу и всеобщим посмешищем. Лора часто недоумевала, как Джеймс, живя в такой лачуге, умудрялся всегда быть чистым.

— Мне жалко было вашего отца, — тихо сказала она. Старый Гектор Пейден умер несколько лет назад. Его кончина осталась почти незамеченной, и, уж конечно, никто в городе не оплакивал покойного.

Джеймс засмеялся саркастически:

— Ну, тогда ты была единственной, кто его жалел.

— Как поживает ваша мать?

Он внезапно встал, тело его напряглось.

— Думаю, она в порядке.

Лора была шокирована его явным безразличием. Пока Джеймс подрастал, Леона Пейден где только не работала, чтобы содержать сына и мужа. Но из-за постоянных отлучек и болезней за ней закрепилась репутация человека ненадежного. Однако вскоре после смерти мужа она переехала из лачуги у железной дороги в небольшой аккуратный дом в приличном районе. Теперь Лора редко встречала миссис Пейден. Она жила уединенно. Ходили слухи, что Джеймс поддерживает ее деньгами, так что сейчас Лору поразило то, как он отмахнулся от матери безразличным жестом.

Пейден прошелся по комнате, то и дело беря в руки какой-нибудь предмет и внимательно изучая его, прежде чем поставить на место и перейти к другому.

— Почему ты продаешь дом?

Лоре не нравилось, что он допрашивает ее, словно прокурор. Поэтому она тоже встала и подошла к окну, надеясь увидеть машину миссис Хайтауэр.

— Отец умер в феврале, так что я осталась здесь одна. Одному человеку просто нелепо жить в таком большом доме, как этот.

Он внимательно наблюдал за ней, и Лора постаралась сделать лицо непроницаемым.

— До смерти отца вы жили здесь с ним вдвоем?

— Да, мама умерла несколько лет назад. — Она отвела глаза. — Конечно, Бо и Глэдис Бертон жили на половине для слуг, — добавила она, имея в виду супружескую пару, которая работала в ее семье столько, сколько она себя помнила.

— Они больше здесь не живут?

— Нет, я отпустила их.

— Почему?

— Они мне больше были не нужны.

— Тебе не нужна экономка, чтобы помогать управляться с этим огромным домом? И ведь Бо, кажется, делал всю работу по дому да еще ухаживал за садом?

— Мне нравится все это делать самой.

— Гм-м...

По его односложной реакции Лора поняла, что он явно не поверил ей, и это ужасно действовало ей на нервы.

— Послушайте, мистер Пейден...

— Да ладно тебе, Лора. Я знаю, что мы давно не виделись, но ради Бога, зови меня по-прежнему Джеймсом.

— Хорошо, Джеймс. Похоже, что вы с миссис Хайтауэр, вероятно, не поняли друг друга. Почему бы вам не назначить новую встречу, скажем, на завтра?

— Я хочу осмотреть дом сегодня вечером.

— Сожалею, но ее нет, и похоже, что она не появится.

— Я долго ждал там, на улице, в темноте, пока ты не появилась. Ты сама можешь показать мне дом.

— Не думаю, что это прилично.

Бровь Джеймса поползла вверх, пока не образовала вопросительную дугу.

— А что, мисс Лора, разве вы имели в виду что-то неприличное?

— Разумеется, нет, — резко ответила она. — Я только хотела сказать, что дом числится в списке миссис Хайтауэр. Она спросила меня сегодня, можно ли вечером показать дом клиенту. Я согласилась и пообещала не путаться под ногами. И вернулась я только потому, что надеялась уже не застать вас к этому времени. Я совершенно уверена в том, что ей не понравилось бы мое вмешательство.

— Мне все равно, понравится это ей или нет. Я — клиент. Заказчик всегда прав, а я был бы рад твоему вмешательству. Кто смог бы показать дом лучше, чем ты? Ведь ты живешь в нем с самого рождения.

Эти слова пронзили Лору, словно острые осколки стекла.

Действительно, кто же? Кто лучше знает и любит каждый укромный уголок, каждую скрипучую половицу дома, который построил еще ее прадед? Кто чистил фамильное серебро задолго до того, как это было необходимо, просто ради возможности подержать его в руках? Кто полировал старинную мебель до тех пор, пока она не начинала блестеть в лучах солнца? Кто знал историю буквально каждого предмета в доме? Кто не в силах вынести расставание с домом, терзаясь из-за необходимости продать его? Лора Нолан.

Сколько она себя помнила, дом всегда завораживал ее. Бабушка рассказывала ей истории, которые маленькая Лора все время просила повторить и не уставала слушать. Сейчас Лора изо всех сил старалась не заплакать, когда ей напомнили, что вскоре она будет вынуждена расстаться с домом.

— Может, я и знаю о доме больше, чем миссис Хайтауэр, но все равно мое вмешательство — не очень удачная мысль.

— А может быть, дело в том, что клиент кажется тебе не слишком удачным?

Лора быстро взглянула на него.

— Не понимаю, что вы хотите сказать, — произнесла она неуверенно.

Пейден сделал вперед шаг, потом другой, пока не приблизился к ней настолько, что Лоре пришлось откинуть назад голову, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Ты считаешь, я недостаточно хорош, чтобы купить твой дом.

Джеймс так точно угадал ее мысли, что она даже вздрогнула.

— Ничего такого я не думаю.

— Нет, думаешь. Но что бы ты ни думала обо мне, мои деньги тоже зеленые, и я могу позволить себе купить этот дом.

Чувствуя себя в ловушке, Лора отодвинулась от него.

— Я слышала о твоём успехе с этими... как их...

— Магазинами автомобильных запчастей.

— Я была очень рада за тебя.

Он коротко и презрительно хохотнул:

— Ага, уверен, что все в городе радовались моему успеху. Ведь когда я десять лет назад уехал, все они были уверены, что я закончу тюрьмой.

— Ну а чего же ты от них ожидал? Ведь ты так... а, ладно.

— Нет, ты продолжай, — сказал он, вновь встав перед ней. — Так что же я делал? Скажи мне.

— Ты так носился на машинах и вечно в них копался.

— Я работал в гараже. Я зарабатывал себе на жизнь возней с машинами.

— Но ты обожал пугать других водителей — неожиданно выскакивал перед ними на своих колымагах и мотоциклах. Вот от чего ты получал наслаждение. Точно так же, как сегодня, — сказала она, указывая через широкое окно на лужайку. — Почему ты прятался в кустах, ожидая меня? Хотел напугать до смерти? Он ухмыльнулся:

— Я ждал не тебя, а миссис Хайтауэр.

— Ну так ты и ее бы напугал — выскочил бы из темноты на своем ужасном и шумном чудовище. Она бы в обморок упала. Тебе должно быть очень стыдно.

Джеймс наклонился вперед, мягко засмеявшись:

— Ты все так же способна чертовски разозлиться, да, Лора?

Она резко выпрямилась.

— У меня чрезвычайно спокойный характер. Пейден снова засмеялся:

— Ну да, я помню, как ты налетела на Джо Дона Перкинса, когда он опрокинул твой стакан с кока-колой у стойки с газированной водой в аптеке. Мы с парнями зашли туда, чтобы купить... Впрочем, это не важно, что мы покупали, но я никогда не забуду, как Джо Дон поджал хвост и выполз из аптеки, когда ты ударила по нему из всех орудий. Ты назвала его огромным и неуклюжим придурком.

Джеймс склонился над Лорой, почти прижав ее к подоконнику. Подняв руку, он шутливо потянул прядь ее светло-золотистых волос, а потом прижал руку к ее щеке.

— Помню, как думал, что ты меня чертовски волнуешь, когда злишься. — Он понизил голос. — Ты и сейчас меня волнуешь. — Он погладил ее щеку.

— Не надо! — сказала она резко, отворачивая голову.

Чувственная улыбка на губах Джеймса сменилась горестной гримасой. Он убрал руку.

— Ты не хочешь, чтобы я дотрагивался до тебя? Почему? Разве эти руки недостаточно чистые? — Он вытянул руки с широко расставленными пальцами, держа их прямо перед ее лицом. — Посмотри, Лора. Я больше не работаю в гараже, ремонтируя машины богачей. Видишь? У меня больше нет грязи под ногтями.

— Я не хотела...

— Черта с два ты не хотела. Но вот что я тебе скажу. Теперь я достаточно чистый, чтобы переступить порог Индиго-плейс, 22. И я достаточно чистый, чтобы дотронуться до тебя.

Его горячее дыхание обжигало ей губы. Она смотрела на него испуганными голубыми глазами. Он приблизился к ней еще на один шаг.

Внезапно их осветил свет фар автомобиля, подъехавшего к дому по дороге, образывавшей полукруг у входной двери. Первым порывом Лоры было спрятаться, как можно дальше отодвинуться от Джеймса Пейдена.

Но она не могла сделать ни шагу до тех пор, пока он не уйдет с ее дороги, а он не двигался целую вечность. И все время, пока он выпрямлялся во весь свой огромный рост и освобождал ей путь, он не сводил глаз с ее лица.

Испытывая смутение, Лора пригладила волосы и провела влажными руками по юбке, прежде чем направилась к двери, чтобы впустить миссис Хайтауэр.

— Здравствуйте, дорогая. — Агент по недвижимости — пухленькая, жизнерадостная и дружелюбная — с шумом ворвалась в дом. — Прошу прощения за опоздание, но я задержалась не по своей вине. Я пыталась позвонить... О, здравствуйте! Вы, должно быть, мистер Пейден. —

Надвигаясь на него, словно танк Шермана, она все же остановилась, протянула руку и энергично обменялась с ним рукопожатием. — Еще раз прошу прощения за опоздание. Как удачно, что вы застали Лору дома, правда? Я должна была быть здесь, чтобы представить вас, но вы ведь сказали по телефону, что уже знакомы с ней, так ведь?

— Да, — сказал Джеймс тихим, вкрадчивым голосом. — Мы знаем друг друга целую вечность.

Лора старалась не смотреть на него.

— А вы уже осмотрели дом?

— Мы ждали вас, — ответил он.

— Ну тогда я не буду вас задерживать и приступим к осмотру. Дом — просто прелесть. Лора, вы ведь так хорошо знаете историю дома. Составьте нам компанию, пожалуйста.

— С удовольствием, — ответила Лора, не обращая внимания на Джеймса, всем своим видом показывавшего, что другого он и не ожидал. Следующие полчаса они осматривали прекрасные комнаты дома. Дом заботливо и любовно сохранялся, несмотря на то что в нем прожило уже несколько поколений Ноланов. Конечно, кое-что требовало внимания, но в целом дом был безупречен. В нем было четырнадцать комнат, не считая парадного вестибюля и центрального зала на втором этаже. Каждая комната была прекрасно обставлена в стиле эпохи греческого возрождения.

Лора старалась казаться бесстрастной, расхваливая «свой товар». Но вскоре она уже увлеклась. Так всегда случалось, когда речь заходила об Индиго-плейс. Ее слушали очень внимательно. Джеймс был очарователен и любезен с миссис Хайтауэр, которая просто млела от его внимания. Лора скрипела зубами каждый раз, когда его слова приводили даму в восторг. Они завершили осмотр в парадном вестибюле. Миссис Хайтауэр улыбнулась Джеймсу:

— Ну, разве он не чудесен, мистер Пейден? Как вы считаете, я не преувеличила его достоинства, когда говорила с вами по телефону?

— Нет, не преувеличили, миссис Хайтауэр. Да и потом, я ведь был знаком с этим адресом. Я всегда восхищался домом издалика.

Лора прекрасно поняла, кому адресована эта колкость, но проигнорировала многозначительный взгляд, который он бросил в ее сторону.

— Сегодня вечером я все тщательно обдумую.

— Очень хорошо. Прошу, звоните мне, если у вас возникнут какие-то вопросы. — Миссис Хайтауэр повернулась к Лоре: — Спасибо, что позволили осмотреть дом сегодня вечером. Как только мистер Пейден сообщит свое решение, я свяжусь с вами.

— Благодарю вас, миссис Хайтауэр.

— До свидания, Лора.

Лора посмотрела на протянутую ей руку. Она действительно была чистой. И загорелой. И сильной. Приятная мужская рука, подумалось ей, которая может быть очень сильной и которая может доставить женщине неопишуемое наслаждение.

— До свидания, Джеймс. — Она быстро пожала эту приятную руку и тут же убрала свою. — Еще раз добро пожаловать в Грегори.

Пейден улыбнулся так, что Лоре тут же все стало ясно. Он прекрасно представляет себе: в Грегори ему обрадуются примерно так же, как, скажем, скунсу на выставке цветов.

Глава 2

Лора проснулась поздно и с тяжелой головой, что было и неудивительно, ведь прошла целая вечность, прежде чем она смогла заснуть. Она чувствовала, что ей снилось что-то тревожное, но вспоминать не хотелось. Инстинкт подсказывал ей, что она просто не хочет знать, о чем был ее сон, вернее, о ком.

Ей уже было не в диковинку просыпаться в тоскливом настроении. Весь тот долгий период, пока болел ее отец, и потом, после его смерти, когда Лора узнала о своих финансовых проблемах, она старалась на людях выглядеть невозмутимой. Но сейчас она уже почти не помнила, что значит вставать утром с предвкушением радостного дня. В последнее время каждый новый день приносил ей только новые проблемы.

Лора поплелась в ванную комнату рядом со спальней и встала под душ, сначала обжигающе горячий, а потом настолько холодный, насколько могла вытерпеть, чтобы как-то взбодриться. Навалившиеся на нее проблемы сделали ее апатичной, но душ все-таки немного помог.

Она натянула старые обрезанные джинсы и футболку с надписью «Так много мужчин, так мало времени». Футболку ради хохмы ей подарила подруга, купившая ее по дороге в Новый Орлеан. Лора отправилась босиком на кухню, чтобы сварить так необходимый ей сейчас кофе. Волосы все еще были обернуты полотенцем.

Звонок в дверь вывел ее из оцепенения, в которое она погрузилась под звуки капавшего из кофеварки кофе. Ее шаги были едва слышны, пока она шла к входной двери по деревянным половицам и старинным персидским коврам. Когда сквозь прозрачные занавеси в столовой она увидела, кто был ее столь ранний посетитель, Лора закрыла глаза, сжала кулаки и тихо выругалась.

Осмелившись бросить взгляд в зеркало в прихожей, она застонала и пожалела, что вообще решилась на это. Никакой косметики, босиком, мокрые волосы, обернутые полотенцем. Здорово. Просто отлично.

А он, черт бы его побрал, выглядел великолепно.

Лора открыла дверь, но ничего не сказала, лишь окинула его мрачным, под стать ее настроению, взглядом.

Джеймс, увидев ее наряд, позволил себе непростительную наглость рассмеяться.

— Доброе утро.

— Здравствуй.

Ей пришлось стоять и смотреть на него, пока он читал надпись на ее футболке, а потом — вытерпеть его скептическую ухмылку. Как хотелось пощечиной стереть ее с этого лица! Вместо этого она изобразила на лице невозмутимость и скуку.

Взглянув поверх его плеч, ширина которых впечатляла, Лора увидела, что Пейден сменил мотоцикл на серебристый спортивный автомобиль, марку которого она даже и не знала. Автомобиль был таким низким и вытянутым, что было непонятно, как Джеймс с его ростом умещается в нем.

— Ты меня пригласишь войти?

— Нет.

— Можно мне войти?

— Зачем?

— Разве миссис Хайтауэр не звонила?

— Нет.

Едва она это произнесла, зазвонил телефон. Джеймс подмигнул ей:

— Наверняка это она звонит.

Лора продолжала сердито смотреть на него, загораживая телом вход.

— Думаю, тебе стоит взять трубку, — сказал он после того, как она не сдвинулась с места.

Сохраняя достоинство, несмотря на свой затрапезный вид, Лора повернулась к нему спиной и пошла к телефону, стоявшему в нише у лестницы.

— Алло... А, доброе утро, миссис Хайтауэр. — Она посмотрела на Джеймса, вошедшего в дом без приглашения. Закрыв дверь, он встретился с ней взглядом и довольно улыбнулся. — Он уже здесь, — сердито сказала Лора. — Жаль, что вы... а, звонили?.. Наверное, я была в душе... ну... я, право... — Она тяжело вздохнула, затем, помолчав, добавила: — Хорошо... Да, я уверена. Никакого беспокойства. До свидания. — Она положила трубку на рычаг и медленно повернулась лицом к своему непрошеному гостю. — Она говорит, что ты хочешь снова посмотреть дом. Зачем? Ты же видел его вчера вечером.

— Если я решу купить его, это будет серьезное вложение капитала. Тебе не кажется, что я должен увидеть то, что покупаю, при дневном свете?

— Да, пожалуй.

Господи, ну надо же так ужасно выглядеть! Она пожалела, что ее футболка такая старая и так ее облегает и что она сразу после душа не надела лифчик. А когда Пейден начал ощупывать ее глазами, ей вообще захотелось оказаться в этот момент закутанной с ног до головы в какой-нибудь балахон. Лора не предполагала, что можно чувствовать себя такой обнаженной. Даже собственные ноги в джинсовых шортах показались уязвимыми, когда она опустила глаза.

— Ну, располагайся, — сказала она, пятясь к столовой. — Я готовила кофе...

— Спасибо, выпью с удовольствием.

Слегка приоткрыв рот, Лора уставилась на него. Она не приглашала его пить кофе. Джеймс Пейден был совершенно невоспитанным человеком. Любой другой непременно почувствовал бы ее смущение и занялся своим делом как можно незаметнее. Ей следовало бы знать, что не

стоит ожидать от него подобной предупредительности.

— На кухне, — сказала она нелюбезно.

— Отлично. Мне все равно нужно ее посмотреть еще раз.

Джеймс прошел за ней через парадную столовую в залитую солнечным светом кухню, откуда доносился аромат свежесваренного кофе.

— Прошу садиться.

Хотя губы ее и сложились в напряженную улыбку, само приглашение прозвучало подчеркнуто холодно.

— Сейчас, — сказал он рассеянно. Он изучал кухню с придирчивостью главного шеф-повара. — Вся техника останется?

— Я как-то не думала об этом.

Лора потянулась к верхнему шкафчику за чашками и блюдами и тут же поняла сразу несколько вещей.

Во-первых, это движение еще отчетливее обозначило ее грудь. Во-вторых, она ощутила, насколько ее обтягивают короткие шорты. И в-третьих, она почувствовала, как хорошо пахнет Джеймс Пейден. Его кожа благоухала мылом и терпким лосьоном. А рот его наверняка пахнет мятой.

Не приведи Господи иметь возможность ощутить вкус его губ, но...

— Ну так как же?

— Что — как же?

Лора старательно наполнила чашки кофе, хотя руки ее тряслись. Раньше она всегда злилась из-за того, что кухня очень большая и приходится делать много лишних движений. Сейчас же казалось, что помещение катастрофически уменьшается с каждой минутой.

— Техника? Спасибо, — сказал Джеймс, беря одну из чашек у нее из рук.

— А... ну, наверное, все останется. Все приборы установлены, когда переделывали и модернизировали кухню. Мне они точно не понадобятся, а если их продать, то вряд ли я получу приличную сумму. Сливки, сахар?

— Нет, спасибо. — Отпив глоток кофе, он спросил: — Куда ты поедешь?

Она взглядом проследила за струйкой пара, поднимавшейся от ее чашки, и в конце концов их взгляды пересеклись.

— Поеду? Когда?

— Когда продашь дом.

— Куда-нибудь еще, — туманно ответила она. Несколько минут они молча изучали друг друга.

Лора первой отвела взгляд.

— Как видишь, вся техника в хорошем состоянии и прекрасно работает.

Пейден придирчиво рассматривал каждую мелочь. Лору гораздо больше устраивало, что он рассматривает дом, а не ее саму, но все же его скрупулезность нервировала и раздражала ее. Он нашел щербинку в цементном шве кафеля и ковырнул ее указательным пальцем.

— Это просто отошел кусочек цемента, — нетерпеливо сказала она.

— Знаю. Это я мог бы и сам привести в порядок. — Он посмотрел на ее грудь, даже не пытаясь скрыть своего восхищения. Взгляд Пейдена долго был прикован к ее бюсту, прежде чем он вновь посмотрел ей в лицо. — У меня очень умелые руки.

Несколько мгновений Лора была в плену его пристальных зеленых глаз, потом сердито отвернулась. Кто бы сомневался, язвительно подумала она.

Хотя кофе и был обжигающим, она выпила его одним большим глотком и с громким стуком поставила чашку на кухонный стол. Она не хотела, чтобы Пейден оставался здесь. Он сбивал ее с толку, заставляя нервничать и всячески оправдываться. Но не могла же она его вышвырнуть из дома. Он был клиентом миссис Хайтауэр. Единственный выход — как можно быстрее закончить эти затянувшиеся переговоры.

— Что бы ты еще хотел увидеть?

Скрестив ноги в лодыжках, он прислонился бедрами к кухонному столу и неторопливо пил кофе, по-прежнему не спуская с нее глаз.

— Я пока мало что видел. А что бы ты хотела мне показать?

Эта двусмысленность не ускользнула от внимания Лоры, но она проигнорировала ее. Он что, больше ни о чем не способен думать? Значит, его репутация ловеласа не была преувеличением. Если все, что болтают о Пейдене, правда, то просто чудо, подумала Лора, что у него вообще застегиваются брюки.

И с этой мыслью взгляд ее скользнул вниз. Джинсы сидели на Джеймсе как влитые, плотно облекая тело. Очень плотно. И хотя они были нормально застегнуты, это не скрывало его пола. И если ей недостаточно было бы выпуклости под ширинкой, чтобы убедиться в том, что перед ней настоящий мужчина, то можно было бы взглянуть на сильные, стройные бедра.

Великолепное телосложение! Рубашка Джеймса даже не сморщилась на плоском животе, только немного натянулась на широкой груди. Лора притворилась, обманывая сама себя, что не видит в вырезе его рубашки столь завораживающие каштановые волосы с золотистыми кончиками.

И все же, внимательно рассмотрев своего назойливого визитера, она не в силах была заговорить, и первым нарушил тишину он:

— Как насчет подвала?

— А что насчет подвала?

— Ты упомянула о нем вчера вечером, но я не видел его. Эта дверь ведет в подвал?

Он пересек кухню и подошел к двери, пытаясь открыть ее.

— Ключ висит вон там, на гвозде, — сообщила ему Лора, заставив ноги двинуться по выложенному плиткой полу. Ей пришлось встать рядом с ним, чтобы дотянуться до ключа, который был спрятан между холодильником и стеной. — Ты всегда запираешь дверь? — Да.

— Почему? Там что, спрятаны все семейные тайны?

Лора мрачно взглянула на него через плечо, открывая дверь ключом.

— Нет, но это единственное место в доме, которое я никогда не любила.

— Почему?

— Не знаю, — ответила она, пожимая плечами. — Там страшновато.

— Ну тогда, думаю, лучше мне пойти первым. Джеймс протиснулся мимо нее. Лора изо всех сил прижалась спиной к дверной ручке, но их тела все равно соприкоснулись. Везде и сразу. Он прижался к Лоре, и ее тело затрясло, словно ее ударило током. Она бы не удивилась, если бы полетели искры.

Спустившись на вторую ступеньку, он обернулся:

— Ты идешь?

Она когда-то слышала подобное вступление в каком-то фильме, и ответ героини был столь же бойким и многозначительным. Лора же только кляла себя за то, что подобные мысли приходят в голову, и пробормотала:

— Гм... нет, ты иди. А я, пожалуй, выпью еще чашечку кофе, пока ты осматриваешься.

— Пожалуйста, пойдём. Там как-то неприятно. И потом, ты мне нужна, чтобы все показать. Вдруг я там заблужусь? Или если у меня возникнет вопрос...

— Ну ладно, — сказала Лора раздраженно. Она осторожно поставила босую ногу на деревянную ступеньку.

— Давай я тебе помогу.

И прежде чем Лора поняла, что он собирается делать, теплая рука Джеймса крепко сжала ее руку. Медленно он свел ее вниз по ступеням.

— Осторожно, — предупредил он.

— Внизу, справа от тебя, выключатель, — поспешила сообщить Лора, и ее голос причудливым эхом отразился от стен. Пейден нашел выключатель и повернул его. Но свет не зажегся. — Извини. Наверное, лампочка перегорела.

— Ничего. С открытой дверью я вижу достаточно хорошо.

Лора надеялась, что без света Джеймс все-таки отложит осмотр подвала. Она даже стала поворачиваться, чтобы подняться обратно, но Пейден продолжал крепко сжимать ее руку. У нее не осталось выбора, пришлось последовать за ним в подвал.

Ее босые ноги ступили на сырой пол. В подвале стоял запах свежескопанной земли. Воздух был затхлым. Ей сразу подумалось о пауках, мышах и прочих неприятных созданиях.

— А что там во всех этих банках на полках?

— Консервы и джемы. Фрукты и овощи. Глэдис поставила их сюда перед отъездом.

— Они хоть съедобные?

— Они великолепные. Глэдис замечательно готовит.

— Жаль, что тебе пришлось ее отпустить. Лора тут же вскинулась:

— Почему пришлось? Просто я сама так решила. На этот раз Джеймс не стал комментировать ее слова, а задал вопрос, потом еще и еще, до тех пор, пока его любопытство не было удовлетворено. Все это время он держал ее за руку, и лишь когда они направились обратно к лестнице, Лора поняла, как крепко она в него вцепилась. Из кухонной двери на них падал свет, и она расслабилась.

— Тебе здорово не нравится этот подвал, да? — мягко спросил он, остановившись у подножия лестницы.

— Да, не нравится.

— И ты успела замерзнуть.

Джеймс начал энергично растирать ей руки от локтей до плеч. Какое-то мгновение она была ошеломлена, почувствовав его руки. Она просто стояла и позволяла этим уверенным рукам деловито скользить от ее локтей до плеч и обратно, снова и снова — пока она не начала согреваться. Или же источником тепла было ее смущение? Потому что Джеймс смотрел не на ее лицо и даже не на покрывшиеся гусиной кожей руки. Он смотрел на ее грудь. Вот откуда он узнал, что она замерзла.

Быстро сбросив его руки, она взобралась по лестнице.

— Думаю, мне не помешает еще чашечка кофе. — Миновав дверь, Лора кинулась к чашке и налила себе еще кофе. — А ты?

— Я в порядке, спасибо. — Он запер дверь в подвал и вернул ключ на его потайное место. — Но я, пожалуй, знаю, что тебе поможет гораздо лучше, чем кофе.

Лора медленно обернулась и так же медленно опустила чашку. Голос Джеймса звучал низко и глубоко, как бы намекая на высокую степень близости между ними. Глаза его обещали нечто запретное, походка была решительной, когда он двинулся к ней. Зная, что ей нужно бежать, Лора словно приросла к месту. Она не пошевелилась даже тогда, когда он поднял руки и протянул их к ней.

Медленно он развязал узел на полотенце, обернутом вокруг головы Лоры, и снял его. Ее влажные волосы водопадом упали ей на лицо и на плечи. Отбросив полотенце, Джеймс снова поднял обе руки и, скользнув пальцами сквозь ее волосы, убрал их от лица. Он расчесывал пальцами эти пряди влажных волос, распутывая их. Несколько раз таким образом расчесав их до самых кончиков, Джеймс сомкнул руки вокруг ее шеи и пальцами стал массировать позвонки.

— Ну разве это не сняло некоторого напряжения шеи?

Еще как сняло и, кроме того, так на нее подействовало, что ноги совершенно ослабли, а где-то глубоко внизу начало бушевать настоящее пламя. Жар медленно поднимался, охватывая все тело.

— Да, спасибо. — Сейчас ее главной задачей было не пасть жертвой несомненного шарма этого пройдохи. Она сбросила его руки и заставила себя обойти его. Каким-то образом ей удалось благополучно поставить чашку с блюдцем на стол, не уронив их. — Почему... почему бы нам сначала не осмотреть комнаты внизу? А потом, если ты захочешь посмотреть что-нибудь еще, я тебе помогу.

— Хорошо, веди.

Отсутствие полотенца на голове совершенно не вселяло уверенности. Влажные волосы придавали ей очень домашний вид. Каждый раз, когда он смотрел на нее, Лора чувствовала себя уязвимой, однако полагалась на свою выдержку, которую в ней воспитывали годами.

Нет, все это, конечно, шутка. Она не собирается подписывать контракт о продаже дома Джеймсу Пейдену, даже если бы он утроил запрошенную сумму. Казалось, само его присутствие здесь оскверняет дом. Лора вздрогнула, представив себе Джеймса и его буйных дружков, врывающихся в дом так, как они врывались по субботам в кинотеатр, хулиганя там, пока их не выгонял управляющий. Нет! Не бывать этому! Только через ее труп!

— Это кабинет отца, — сказала она, вводя этого развязного покупателя в просторную, обитую деревом комнату в задней части дома. Мебель была из кожи и тяжелого дуба и до сих пор пахла трубочным табаком. Перед камином на полу лежала медвежья шкура, а несколько охотничьих трофеев молча скалились на них со стены над каминной полкой. Весь центр комнаты занимал старинный стол для игры в бильярд со старомодными кожаными мешками для шаров.

— Он играл в пул? (Пул — разновидность бильярда.)

— Часами, — ответила она, улыбнувшись нежным воспоминаниям.

— А, вот в чем, значит, различие. Удивленная его язвительным тоном, Лора обернулась:

— Различие?

— Между джентльменом и бездельником. Если болтаешься в зале для игры в пул, тебя называют никчемным человеком. А вот если играешь часами в бильярд в собственном доме, то тогда ты, конечно, джентльмен. — Джеймс еще раз с горечью взглянул на бильярдный стол, затем на Лору и сказал резко: — Пошли наверх.

Ей совсем не понравились зловещие нотки в его голосе. Плохо уже то, что приходится вести мужчину, особенно мужчину с репутацией Джеймса Пейдена, к спальням, когда в доме, кроме них, никого нет.

Но когда в его словах «пошли наверх» прозвучала скрытая угроза — словно вот там он и собирается наказать хозяйку за всю ту несправедливость, которая выпала на его долю, — неприятное чувство в животе у Лоры усилилось.

Однако к тому моменту, когда они добрались до второго этажа, выражение его сердитого лица

немного смягчилось. Лора сначала показала ему парадную спальню, подумав, что это как-то умиротворит его. Но когда они вышли оттуда, Джеймс остановился в холле, вопросительно глядя на нее, пока она не показала ему еще две спальни с общей ванной комнатой. Затем она засеменила к лестнице:

— А теперь я покажу тебе...

— А там что?

Даже не оборачиваясь, Лора знала, что он имеет в виду. Конечно, он показывал на угловую спальню.

— Это моя спальня, — неохотно ответила она.

— Могу я взглянуть на нее?

— А это необходимо?

— Думаю, да.

Ну почему миссис Хайтауэр не делает того, что ей положено за те шесть процентов комиссионных, которые ей причитаются? Лора корила себя за то, что согласилась показать ему дом без риэлтера. Экспансивность этой женщины вызывала раздражение, но ее присутствие сейчас, когда Джеймс Пейден просил показать ему спальню Лоры, было бы очень кстати.

— Я уверена, что если ты сделаешь серьезное предложение, то миссис Хайтауэр наметит...

— Но я уже здесь.

Он засунул руки глубоко в карманы, склонил голову набок и всем своим видом показывал, что готов стоять так до второго пришествия или уж, во всяком случае, до тех пор, пока не добьется своего, — смотря какое из этих двух событий произойдет раньше. Такая наглость была просто несносной, но спор с ним только затянул бы его визит, и Лора уступила:

— Ну хорошо.

Не пытаясь даже скрыть свою враждебность, она повела Джеймса назад по коридору и остановилась, пропуская его в дверь. Его взгляд тут же устремился к постели. У Лоры не было сил убраться, когда она утром встала, и теперь на подушке четко виднелось углубление от ее головы, простыни были смяты. Постель казалась сейчас удобной и манящей.

Пейден прошел прямо к кровати и сел, проведя ладонями по простыне.

— Меня всегда интересовало, как выглядит постель Лоры Нолан.

Ее так и подмывало сказать что-нибудь типа: «Если бы я не была совершенно разорена, ты бы не узнал этого до самой своей смерти». Вместо этого она произнесла:

— Извини, что постель не убрана. Я не успела утром.

— Ничего. Я предпочитаю мои постели неубранными.

Она судорожно сглотнула, подавляя в себе нервное возбуждение, возникшее при виде рук

Джеймса, гладивших ее постель. Посмотрев на нее взглядом, который буквально пылал, он встал и подошел к ее туалетному столику. Там он внимательно осмотрел флаконы с духами, нить жемчуга, которую Лора забыла положить на место в бархатную коробочку, ее коллекцию старинных шляпных заколок и хрустальную коробочку для колец, подаренную ей бабушкой.

Его внимание привлек шезлонг в углу спальни. Он долго смотрел на него, прежде чем окинуть Лору таким взглядом, от которого у нее сложилось впечатление, что сейчас он думает о чем-то крайне непристойном.

Он прошел к широким окнам и долго стоял там, повернувшись к Лоре спиной. Окна ее спальни выходили на просторный задний двор, причал, элинг, а за ними виднелись воды залива Сент-Грегори.

— Приятный вид.

— Мне всегда он нравился.

— Здесь все время была твоя спальня?

— Кроме тех четырех лет, когда я училась в колледже.

Джеймс крутанулся на каблуках.

— Ты здесь спала, когда мы только познакомились?

Она кивнула.

— Ты всегда выглядела такой... безупречной, такой недоступной, словно кукла. И комната эта как кукольная. — Он снова посмотрел на кровать. — Ты всегда спишь одна?

Лора слегка вздернула подбородок:

— А вот это уж не твое дело! Пейден ухмыльнулся:

— Я только имел в виду котенка, щенка или медвежонка, а?

— Нет, — ответила она напряженно, скрестив руки на животе и тут же пожалев об этом, потому что этот жест вновь привлек внимание Джеймса к ее груди.

— Мне нравится эта комната. Она уютная. Интимная.

Лора старалась сдержаться, хотя ее щеки горели и безумно стучало сердце. Слова его были достаточно безобидны, но она знала, что он вкладывает в них непристойный смысл. Ей хотелось бежать из этой комнаты, прикрыть руками грудь, которая против ее воли откликалась на слова Джеймса и выдавала ее. — Там ванная? — Да.

Он направился к приоткрытой двери и вошел в ванную. Лора не осмелилась последовать за ним. Хватит того, что ей пришлось терпеть его присутствие в спальне. Она не намерена вновь поставить себя в неловкое положение.

Через несколько мгновений он вышел.

— Это висело на перекладине в ванной. Все сухое. У него на ладони лежали ее чулки, лифчик и трусики, при виде которых ее лицо побелело от испуга.

— С... спасибо, — растерянно сказала она, протягивая руку к кружевному белью. Оно еще хранило тепло его рук. Лора бросила белье на стул так, как будто это было обличающее ее свидетельство какого-то грязного преступления.

— Ну, думаю, на сегодня это все, — сказал он.

Лора последовала за ним из комнаты, все еще слишком шокированная и смущенная, чтобы заговорить. Она и двигалась-то с трудом. Пейден подождал, пока она догонит его внизу лестницы, затем позволил ей проводить его до парадной двери.

— Мы свяжемся с тобой — либо я, либо миссис Хайтауэр.

— Хорошо.

У Лоры не было желания разозлить его сейчас, поэтому не было смысла говорить, что она не примет его предложение купить дом, каким бы заманчивым оно ни было. Вообще-то она сомневалась, что он серьезно настроен на покупку имущества. Зачем человеку с его средствами, с его непоседливостью обременять себя такой обузой, как дом, имеющий историческую ценность?

Очевидно, Пейден хотел посмотреть дом просто так, ради нездорового любопытства — или же его подхлестывало тщеславие. Раньше его никогда сюда не приглашали. А теперь, разбогатев и прославившись, он считал возможным делать, что ему заблагорассудится, не испытывая тяжести классовых различий. Несомненно, ему доставляло удовольствие утереть всем нос — теперь, когда они поменялись местами. И поскольку в Индиго-плейс его ни разу не приглашали, он пришел сам, чтобы подразнить Лору Нолан своим успехом.

Размышляя подобным образом, Лора ехидно заметила:

— Надеюсь, ты получил все, за чем приходил.

В ту же секунду она пожалела, что вообще заговорила — особенно когда Джеймс замер у двери и медленно обернулся.

Это уже был не тридцатилетний миллионер. Это вновь был восемнадцатилетний мальчишка, неистовый, необузданный и опасный. Непокорный вихор упал ему на бровь. Этот насмешливый изгиб губ, считавшийся у него улыбкой, был так же хорошо знаком ей сейчас, как много лет назад, когда его лицо смотрело на Лору со страниц ежегодника средней школы.

Он вновь захлопнул дверь, которую только что открыл, и решительно заявил:

— Не совсем.

Одним плавным движением Пейден схватил Лору за плечи, развернулся вместе с ней кругом и прижал ее спиной к двери. Широко расставив руки по обе стороны от ее головы, он склонился над ней, одновременно пытаясь раздвинуть ее бедра коленями.

Рот Джеймса коршуном устремился к ее губам. Она уклонилась, мотая головой из стороны в сторону:

— Нет, нет.

Но он был неумолим и настойчив, и, хотя даже не обнимал ее, как только его рот захватил ее

губы в невысказанно горячем поцелуе, Лора почувствовала, что не сможет устоять. Его умелый язык одновременно и требовал, и ласкал. Жар этого поцелуя заглушил последний возглас сопротивления.

Раньше Лора думала, что такие жаркие, жадные поцелуи бывают только в кино. Джеймс был ненасытен и припал к ее рту так, словно это неповторимый по вкусу десерт. Он никак не мог насытиться ею, вновь и вновь припадая к ее губам. И все это время его колени мягко двигались между ее бедер.

Когда он наконец поднял голову, губы Лоры были розовыми и влажными, глаза блуждали, тело стало теплым и податливым, грудь резко вздымалась. Джеймс перевел взгляд на ее грудь, беззастенчиво коснулся одного из возбужденных сосков и еще больше возбудил его тремя ленивыми круговыми движениями.

— Малышка, как ты хороша! — прошептал он и, застонав, вновь припал к ней губами.

Лора чувствовала себя униженной из-за тех вольностей, которые он себе позволял, и еще больше из-за своей покорности. Ей удалось наконец оттолкнуть Пейдена. Тело ее все напряглось от гнева, когда, задыхаясь, она спросила:

— Зачем ты это сделал?

Лору буквально трясло от возмущения, а его это, похоже, только развеселило.

— Я просто подумал, что тебе необходим хороший поцелуй.

И он ушел, прежде чем она успела придумать достаточно язвительный ответ.

— Я не понимаю, Лора.

Лора, потирая лоб в тщетной надежде избавиться от жуткой головной боли, прижала трубку к уху. Она боялась этого звонка миссис Хайтауэр. Как она и предполагала, разговор оказался трудным.

— Мне жаль разочаровывать вас, но контракт для меня неприемлем.

Лора даже представила себе, как на том конце линии агент по продаже недвижимости считает про себя до десяти.

— Но он предлагает ровно столько, сколько вы просите! — воскликнула миссис Хайтауэр. — Вплоть до десятых долей.

— Знаю, знаю, — сказала Лора, покусывая нижнюю губу. — Дело не в деньгах.

— У вас есть сомнения относительно целесообразности продажи?

— Нет, конечно.

Вопрос риэлтера был риторическим, потому что ей прекрасно были известны причины продажи Индиго-плейс.

— Но тогда что же?

Лора заерзала на стуле.

— Дело не в деньгах. Дело в покупателе, — тихо сказала она.

— Понимаю.

— Нет, думаю, не понимаете, миссис Хайтауэр. Пожалуйста, не подумайте, что я сноб. Поймите, этот дом всегда принадлежал моей семье. Для меня это не просто предмет собственности. Его значение для меня не может быть измерено долларами и центами. Иметь такое поместье — большая ответственность. Я хочу быть уверенной, что человек, купивший его, понимает это.

— Я сомневаюсь, что мистер Пейден будет небрежным владельцем. У него репутация проницательного бизнесмена.

И ловеласа, подумала Лора с горечью. Она все еще была возмущена собственным поведением утром. Как она могла просто стоять и позволить ему так обращаться с ней?

Лора училась на несколько классов младше Джеймса, но и она, и каждая девочка в средней школе Грегори знали о том, как потрясающе целуется Джеймс Пейден. Девочки, испытавшие его поцелуи, имели обыкновение хвастаться. Им, конечно, втайне завидовали, но навсегда навешивали ярлык «плохих». Любая девочка, дорожившая своей репутацией, обходила таких стороной.

Так кто же теперь Лора Нолан после этого? Она ведь не просто приняла его поцелуи, она, похоже, активно участвовала!

— Я говорю не о деловых способностях, — резко сказала Лора, перенося свое раздражение на риэлтера.

Затем гораздо более примирительным тоном добавила: — Я говорю о чувствах. Привязанностях. О таком качестве, как постоянство. Простите, миссис Хайтауэр, но я не думаю, что Джеймс Пейден — тот покупатель, которому я хотела бы продать дом.

— У меня сложилось впечатление, что положение у вас отчаянное, — холодно произнесла миссис Хайтауэр.

— Это так, — столь же холодно ответила Лора. — Но если вы не уважаете традиции наследия, то есть

другие...

— Приношу извинения, — поспешно сказала миссис Хайтауэр. — Конечно, я понимаю вашу сентиментальную привязанность к дому. Жаль только, что именно сейчас нам приходится быть столь разборчивыми. Что я должна сказать мистеру Пейдену?

— Передайте ему, что я ответила «нет» на его предложение.

— Этому человеку нелегко отказать. Это еще было мягко сказано.

— Сделайте все, что сможете.

— Очень хорошо, — кисло согласилась миссис Хайтауэр.

Лора жалела, что создает трудности риэлтеру, но ее решение было непоколебимо. Если это будет зависеть от нее, Джеймс Пейден никогда не получит ее дом.

Но как и предсказывала миссис Хайтауэр, он не собирался смириться с отказом. Миссис Хайтауэр еще дважды звонила Лоре в этот день с поправками к первоначальному варианту контракта. Лора упорно отказывалась от предложений. В конце концов, устав от настырности Пейдена и тонких намеков риэлтера, она ушла из дома, чтобы не отвечать на телефонные звонки.

Была вторая половина дня пятницы, и улицы были заполнены людьми, торопившимися сделать покупки перед выходными. Рабочие спешили в банк, чтобы получить деньги по чекам, а молодежь собиралась погонять на автомобилях, что было одним из главных развлечений в таком маленьком городке, как Грегори.

Теплый ветерок с залива наполнил воздух влагой. Лору пугала сама мысль о горячем обеде, поэтому она остановилась у лотка со свежими продуктами, чтобы купить фруктов для салата.

Она выбирала самые сочные персики, когда позади нее остановился автомобиль. Правая дверь автомобиля открылась, чуть не ударив Лору по икрам ног. Она обернулась и наткнулась на задумчивый взгляд Джеймса Пейдена, нагнувшегося из двери машины.

— Садись.

Глава 3

Лора проигнорировала обращение Пейдена, повернувшись к нему спиной.

— Я сказал «садись».

Ее внимание по-прежнему было безраздельно приковано к персикам.

— Ты ведь меня знаешь, Лора. Мне ничего не стоит устроить сцену. Но мне кажется, тебе не очень понравится, если я затащу тебя в машину за волосы. Так что если ты не хочешь, чтобы у добропорядочных граждан Грегори появилось нечто пикантное для обсуждения за ужином, лучше устраивай свою прелестную попку в этой чертовой машине.

Пейден говорил тихим, вкрадчивым голосом, но Лора безошибочно почувствовала в нем угрозу и посчитала разумным не спорить. Пока еще никто не заметил, что сидящий за рулем разговаривает с ней, но он в мгновение ока мог это изменить. Ко всем ее проблемам не хватало только, чтобы ее имя оказалось хоть как-то связанным с ним. Пусть этот неотесанный мужлан и разбогател, но слава у него по-прежнему дурная. А жители Грегори ничего не забывают.

При теперешнем настроении этого типа лучше поехать с ним, пока окружающие его не узнали, чем рисковать и дожидаться, что он устроит сцену.

— Я приду попозже, мистер Потти, — сказала Лора владельцу лотка. Он был занят с другим покупателем и только кивнул в ответ.

Она села рядом с ним в спортивный автомобиль и поспешно закрыла дверь. Джеймс включил первую передачу, и машина рванула с места, как ракета, отбросив Лору назад на мягком кожаном кресле, в котором она и так уже почти лежала.

Пейден вел машину быстро, но мастерски. Тем не менее у Лоры все равно перехватило

дыхание от бешеной скорости, с которой он летел по улицам города, пока они наконец не выехали за его пределы на прямое шоссе.

— Ты собираешься сказать мне, куда мы едем? — спросила Лора, обращаясь к его профилю.

Если молчаливый лихач и был зол, то ничем этого не показывал. Он тоже практически полулежал в своем кресле. Когда он не переключал скорость, рука его свободно лежала на кожаном чехле руля. Локоть левой руки высывался из открытого окна. Казалось, он не замечал, что ветер треплет его волосы. И тем более он не обращал внимания на то, что творит ветер с волосами Лоры. Прежде чем ответить, он быстро взглянул на нее:

— На стоянку.

— На ст... — Лора даже не смогла выговорить это слово. Во рту у нее внезапно пересохло. Она повернула голову и уставилась в ветровое стекло. Дорога, на которую свернул Пейден, вела к берегу залива Сент-Грегори. Вдали, за деревьями, виднелась водная гладь.

Дорога сузилась и наконец уткнулась в заросший берег небольшой бухты. Джеймс выключил мощный мотор. Они были в безлюдном месте, и казалось, что окружающие деревья угрожающе наступают на них. Толстые лианы обвивали стволы деревьев и свисали до земли. Сосны росли до небес.

Сам пляж был всего лишь узкой полоской песка, усыпанной кучками водорослей. В сумерках ночные птицы еще только начинали собирать свой хор. Насекомые носились над самой водой, лениво бившейся о берег.

Лора невольно подпрыгнула, когда Джеймс вытянул руку на сиденье у нее за спиной.

— Расслабься.

— Держу пари, что ты говоришь это всем девушкам, которых привозишь сюда, — язвительно заметила Лора, прижимаясь к двери.

Он засмеялся глубоким, обольстительным смехом.

— Если подумать, то да, действительно.

— Ну и как они? Расслаблялись?

Его глаза казались ленивыми и сонными, когда он перевел взгляд на губы Лоры.

— Да, большинство из них.

— А остальные?

— А остальные были слишком возбуждены, чтобы расслабиться.

— Возбуждены?

— Сексуально возбуждены.

Ну что, довольна? Спросила, идиотка?

— Ну и просто возбуждены от одного моего присутствия.

Его тщеславие было просто невыносимым, и Лора презрительно хмыкнула:

— Ну а я и не расслаблена, и не возбуждена. Я просто зла как черт. Пожалуйста, будь так любезен и отвези меня обратно на рынок, чтобы я могла забрать машину и поехать домой.

— Нет, не сейчас. Сперва мы чуть-чуть поболтаем.

— Мы могли бы поболтать по телефону. Только для тебя это было бы слишком общепринято и вежливо. А ты ведь никогда в жизни не сделал ничего вежливого или общепринятого.

— Верно. — Улыбаясь, он наклонился вперед. — И знаешь что? Я думаю, этим-то я тебе и нравлюсь. Я думаю, тебе такое поведение как раз по душе. Поэтому твое сердце колотится, как у испуганного кролика.

Лора не хотела достаивать его ответом, главным образом потому, что он был прав в обоих своих выводах. И еще потому, что он мог увидеть, как бьется ее сердце, только посмотрев на колыхавшуюся на груди ткань. На всякий случай, ради безопасности, она просто вновь слепо устала в ветровое стекло.

— Почему ты не приняла мое предложение купить дом?

— Оно оказалось неприемлемым.

— Я предложил столько, сколько ты просила.

— Помимо денег, мне нужно нечто большее от человека, купившего Индиго-плейс.

— Например?

— Обязательства.

— Не хочешь пояснить?

— Не хочу, чтобы какой-нибудь непоседливый тип купил его, а потом бросил в запустении.

— Я не собираюсь этого делать.

— Я уверена, что он скоро тебе надоест. Он слишком изолирован. В Грегори нет и намека на ту искрящуюся ночную жизнь, к которой ты наверняка привык. Тебе наскучит и город, и ответственность, которую накладывает владение таким поместьем, как Индиго-плейс.

— Я хочу уйти на покой и жить там.

— На покой? — спросила Лора, не скрывая своего скептицизма. В тридцать два года?

— Да, на покой, — сказал он с улыбкой, медленно тронувшей его губы. — Пока я не придумаю интересный способ заработать мой следующий миллион.

Ни один воспитанный человек не стал бы открыто говорить о своих финансовых успехах. Эти слова лишь подтвердили отсутствие у Пейдена хороших манер. Но не он один может быть резким.

— Я не хочу продавать тебе дом. И точка.

— Существуют законы против дискриминации, — ответил он спокойно.

— Я придумаю, как их обойти.

— Я могу позволить себе поместье.

— Знаю. Но Индиго-плейс не трофей, причитающийся тебе за хорошо выполненную работу.

— То есть? — Тело его резко напряглось, и Лора поняла, что задела его за живое.

— А то, что тебе не столько нужно само поместье, сколько респектабельность, синонимом которой оно является. Ты только, похоже, не понимаешь, что честь и благородство не продаются. Даже ваши миллионы не смогут купить вам уважение, мистер Пейден.

От гнева у него заходили желваки на скулах, но он не стал ей возражать. Помедлив, он сказал:

— Хорошо, ты видишь меня насквозь. Но и ты сама прозрачна как стекло. Я знаю истинную причину твоего нежелания продать дом мне.

— И какова же эта истинная причина? — мило поинтересовалась Лора.

Ее скромность разозлила Джеймса. Он так быстро схватил ее за руки, что она подпрыгнула от страха.

— Мои деньги недостаточно хороши для тебя, вот почему.

— Это не...

— Дослушай меня. Мои деньги нельзя назвать старыми. Их не накапливали в сейфах банка поколения аристократов. Они заработаны не возделыванием этих драгоценных земель, а продажей товара. С твоей точки зрения, я не лучше бродячего торговца. Я даже не знаю, как звали моего деда, а тем более не могу сказать, сколько у него было денег. Мою генеалогию нельзя проследить до Гражданской войны и дальше. Я был отщепенцем, сыном городского пьяницы. Так что кто я такой, черт побери, чтобы купить Индиго-плейс, 22? Ведь ты так думаешь, да?

— Нет, — солгала Лора. Он слегка встряхнул ее.

— Ну так позволь мне сказать тебе кое-что, мисс Лора Нолан. Ты уже больше не можешь смотреть на других свысока. Мне все известно о твоих финансовых проблемах. Твоя голубая кровь не помогает тебе оплачивать счета, так? Когда ты оказалась на мели, банку было наплевать, кем был твой дед. Ты сейчас без гроша. Так что же, черт побери, дала тебе твоя родословная?

Слезы унижения заблестели в глазах у Лоры. Ей было просто невыносимо от того, что он знает: она в долгу и без гроша.

— Как мерзко с твоей стороны даже упоминать это! — Она вырвалась из его рук. — Я не нуждаюсь ни в тебе, ни в твоих деньгах.

— Черта с два ты не нуждаешься! — прорычал он. — Ты в долгу по самый нос, который вечно задирала передо мной. Нравится тебе это или нет, но я спасу твою задницу. Что-то я не вижу очереди из других клиентов — люди не толпятся, чтобы освободить твои аристократические ручки от Индиго-плейс. У тебя нет иного выбора, кроме продажи дома такой швали, как я, и

это-то тебя и гложет.

— Отвези меня домой, — процедила Лора сквозь сжатые зубы.

— Что тебя больше всего заедает? Что у меня есть деньги, а у тебя нет? Что музыку теперь заказывает Джеймс Пейден? Что я буду жить в твоём доме? А ведь несколько лет назад даже тени моей не позволялось коснуться порога этого дома! — Он сделал паузу, чтобы особенно выделить свой следующий вопрос: — Или то, что я поцеловал тебя сегодня и тебе это понравилось?

Лора посмотрела на него, кипя от негодования:

— Дом — твой, черт бы тебя побрал! Только отвези меня к моей машине. Сейчас же.

Внезапно Пейден подался вперед и обхватил руками ее лицо. Когда она попыталась отвернуться, он с силой повернул ее лицо к себе:

— Знаешь, это ведь был уже не первый поцелуй. Лора закрыла глаза.

— Пожалуйста, отвези меня в город.

Джеймс долго смотрел на нее, лицо у него было мрачное и напряженное. Наконец он отпустил Лору и откинулся на своем сиденье. Мотор заработал, как только он повернул ключ зажигания. Оба не проронили ни слова.

Когда они подъехали к рынку, он уже был закрыт. Как только Джеймс затормозил, Лора открыла дверь и вышла из машины.

— Я позвоню миссис Хайтауэр сегодня вечером. — Она стремительно захлопнула дверь. Пейден не тронулся с места, пока Лора благополучно не покинула автостоянку.

Полная луна наполнила ее комнату скорбными тенями. Лора лежала в кровати, думая о том, как мало ночей ей осталось спать в этой комнате. Боль была просто невыносимой. Сердце ее было разбито; она сомневалась, что эта рана когда-нибудь заживет. Разлучиться с Индиго-плейс — все равно что вырвать сердце из груди. Как она сможет жить без него? Но именно это ей и придется сделать, потому что через два дня у дома будет новый законный владелец. На документе о покупке будет стоять имя Джеймса Пейдена.

Как она и предполагала, восторгу миссис Хайтауэр не было предела, когда Лора сообщила ей о том, что принимает последнее предложение Джеймса Пейдена. Она не рассказала, через что ей пришлось пройти, прежде чем она уступила. Единственное, что волновало риэлтера, — это предстоящая продажа дома и щедрые комиссионные, которые она получит.

— Контракт у меня готов. Если вы и мистер Пейден сегодня поставите свои подписи, мы можем закончить все оформление послезавтра. Конечно, мне придется завтра оформить жуткое количество бумаг, но он особенно настаивал на том, чтобы оформление закончить как можно быстрее.

— Послезавтра! — в панике воскликнула Лора. — Но у меня не будет времени даже упаковать вещи.

— Время у вас будет. Контракт дает вам тридцать дней на то, чтобы освободить дом.

Это уже было утешением, хотя и небольшим. Через тридцать дней ей придется покинуть Индиго-плейс, 22, навсегда. Сама мысль об этом была невыносима. Как и мысль о том, как целовал ее Джеймс Пейден тем утром. Или воспоминание о том поцелуе, о котором Джеймс упомянул позже. Много лет после случившегося Лора пыталась избавиться именно от этих воспоминаний о Джеймсе. Но сейчас Джеймс вновь всколыхнул их, и ей что-то нужно с этим делать. Может быть, теперь, став взрослой, она увидит то давнее происшествие в ином свете. Но стоило только вспомнить о той ночи после футбольного матча, как ею вновь овладело двойственное чувство.

Она тогда училась в средней школе, только что перешла в старшие классы. Был холодный ноябрьский вечер, пятница. Лора сбежала по ступенькам здания, где обычно репетировал оркестр, и направилась к школьному автобусу. Внезапно взревели сразу несколько мотоциклов, появившиеся как будто из-под земли, и окружили ее плотным кольцом. Лора оказалась зажатай между ними и кирпичной стеной здания.

— Ну-ка, что у нас тут? — протянул один из мотоциклистов. — По-моему, это одна из артисточек. Как тебя называют, детка?

— Тамбурмажор, балда, — ответил один из его дружков.

— И смотрится на все сто. Ну прям балерина, ага?

Все они сочли это жутко смешным и громко захохотали. Но все же недостаточно громко для того, чтобы их услышали другие члены оркестра, садившиеся в автобус на стоянке. Оркестранты направлялись на вечеринку после матча. Поскольку их футбольная команда выиграла, у всех было праздничное настроение. Автобус сотрясался от смеха и ликующих возгласов. Кто-то взял с собой в автобус барабан и отбивал на нем ритм марша. Лора оказалась в глубокой тени здания и сомневалась, что ее можно заметить. Она ушла из здания последней, так что за ней уже больше никто не выйдет.

— Пропустите меня, — сказала она как можно более высокомерно. Ее сердце билось так же громко и быстро, как тот барабан. Она узнала мотоциклистов. Это были парни из компании, бесцельно мотавшейся по улицам города, нарываясь на неприятности. По отдельности они, может, были не такими отпетыми, но вместе, подначивая друг друга, могли быть по-настоящему опасными. У Лоры хватило ума испугаться.

Один из парней — тот, что заговорил первым, — подкатил свой мотоцикл еще ближе к ней.

— Только когда ты потанцуешь перед нами, артисточка. Мы ведь мало чего видели во время игры. Так, парни?

Его дружки засмеялись, оценив такую сообразительность, и дружно согласились с ним. Ободренный, он протянул руку и сорвал с нее жакет. Лора осталась в коротком сверкающем костюме тамбурмажора. С трибун стадиона блески смотрелись нарядно. Вблизи же, они выглядели пошлыми и аляповатыми. Лора увидела сальные взгляды окружающих ее парней, и страх сковал ей горло.

Она резко повернулась, намереваясь бежать, но тут же налетела на еще один мотоцикл, который не заметила раньше. Расставив ноги, на нем восседал Джеймс Пейден, признанный лидер компании. Лицо у него было мрачное, с губ свисала сигарета. Лора редко видела его с тех пор, как он, ко всеобщему удивлению, окончил школу.

Лора знала, что он работает в каком-то гараже на окраине города, но никогда не имела

возможности побывать в подобном месте. Запасными частями к автомобилям их семьи всегда занимался Бо. Она встречала Джеймса Пейдена в городе, но только от случая к случаю. Она говорила с ним, только если он первый заговаривал с ней.

Однажды в магазине «Сейфуэй», когда автомат проглотил ее монеты, но не дал ей кока-колу, Джеймс подошел сзади, изо всех сил стукнул кулаком по автомату, открыл появившуюся банку с напитком и передал ей. Лора поблагодарила его. Он улыбнулся ей многозначительно и нагло — и ушел, не сказав ни слова.

Сейчас Лора встретила с ним лицом к лицу и на его территории. Джеймс о чем-то размышлял; он сдвинул брови и в задумчивости полуприкрыл глаза. Поднятый воротник черной кожаной куртки обрамлял подбородок. Он широко расставил ноги, оседлав мотоцикл. Казалось, Джеймс вот-вот заурчит, словно кот, только что загнавший в угол свою жертву.

Джеймс глубоко затянулся сигаретой и выпустил дым колечком, образовавшим призрачный нимб над его головой. Затем он бросил сигарету на асфальт.

— И куда же вы так торопитесь, мисс Лора?

— На... на вечер оркестра. — Она нервно облизнула губы, чувствуя, как пять других мотоциклистов окружают ее, отрезая путь к бегству. Один из них похотливо отозвался о ее ногах.

Джеймс дернул подбородком в сторону своих дружков:

— Мы с ребятами можем устроить тебе вечеринку. Парни злобно захихикали.

— Еще как можем, черт побери, — подтвердил один из них.

Лора задрожала от холода и страха.

— Я должна оставаться с группой.

— Ты всегда делаешь то, что должна? — спросил Пейден.

Прежде чем она успела ответить, их внимание привлек автобус. Он медленно тронулся и выехал со стоянки. Лора в ужасе смотрела на удаляющийся свет задних подфарников, пока автобус не исчез из вида.

— Нет, ну какое безобразие, а, артисточка? Уехали и бросили тебя одну.

Запаниковав, Лора взглянула на Джеймса.

— Пожалуйста. — Ее глаза наполнились слезами.

— Ну-ка, покажи нам класс, девочка. — Говоривший шлепнул ее по ягодицам.

Она резко обернулась.

— Прекратите! Не смейте до меня дотрагиваться! Пейден нахмурился:

— Ну, не могу сказать, что мне нравится твое высокомерие. Чего это ты так задаешься?

— Она расстроена потому, что забыла своей жезл. Думаю, мне придется дать ей другую

длинную палку — пусть покрутит.

При этих словах все они оглушительно захохотали. Тот парень, что говорил последним, слез с мотоцикла. — Давай посмотрим, как ты умеешь находить новых друзей. — Он резко шагнул вперед и схватил Лору за плечи. — Нет!

Лора закричала и стала бороться с обидчиком. Она сумела врезать ему кулаком по скуле. Разозлившись, тот ругнулся и удвоил усилия, чтобы справиться с ней. Когда оказалось, что Лора оказывает больше сопротивления, чем они ожидали, его дружки пришли к нему на помощь. Она судорожно сопротивлялась, продолжая при этом жалобно звать на помощь.

— Отпустите ее.

Тихо произнесенные слова рассекли темноту, словно рапира. Все парни отступили — кроме одного. А тот продолжал упорно тереться своим ртом о губы Лоры, одновременно больно сжимая ее ягодицы.

— Я велел отпустить ее.

На этот раз слова Джеймса прозвучали более жестко. Горе-любовник поднял голову и посмотрел через плечо на своего лидера:

— Почему?

— Потому что я так решил.

— Да ладно тебе, она просто выпендривается, а на самом деле ей это нравится.

— Я не намерен повторять снова.

Парень хотел было поспорить, но все же здравый смысл взял верх. Он знал, как жестоко может драться Пейден, и ему вовсе не светило сталкиваться с ним на этой почве.

Как только парень опустил руки, Джеймс схватил Лору за запястье и дернул на себя с такой силой, что у нее чуть шея не сломалась.

— Забирайся, — сказал он, указывая на заднее сиденье мотоцикла.

Не теряя ни секунды, Лора взобралась на сиденье позади него. Холодная кожа обивки так неожиданно коснулась ее голых ног, что она вздрогнула. Она с наслаждением вдыхала ртом морозный воздух, избавляясь от пивного привкуса поцелуя, которому ее подвергли.

— Отдайте ей жакет, — приказал Джеймс.

Один из его приятелей так и сделал. Джеймс дал ей время просунуть руки в рукава, прежде чем сказал своим верным друзьям:

— Увидимся позже. — Затем он включил двигатель мотоцикла и на бешеной скорости вылетел со стоянки на улицу. Как они не перевернулись на повороте, Лора просто не понимала.

Она ничего не чувствовала, кроме страха не удержаться на сиденье. Джеймс, вероятно, опасался того же, потому что он повернул голову и прокричал:

— Держись за меня.

Она заколебалась, но, понимая необходимость, скользнула руками по его талии. Под кожаной курткой его тело было теплым. И мужским. Пугающе мужским. Лора никогда не дотрагивалась до мальчика с подобной вольностью. Кроме того, перед ней был не мальчик. Это был мужчина.

— Где вечеринка?

— Я не хочу туда идти! — прокричала она в ответ. — Отвезите меня домой, пожалуйста.

Пейден не стал спрашивать, как проехать к ее дому. Он знал, что ее дом — это Индиго-плейс, 22.

Как бы стремительно он ни несся, все равно Джеймс не мог обогнать ее страх. До Лоры наконец дошел весь ужас того, чего ей только что удалось избежать, и она заплакала. Слезы лились у нее по щекам, почти замерзая на пронизывающем ветру.

Чтобы укрыться от ветра, Лора зарылась лицом в воротник Джеймса. От него исходил запах одеколона «Олд Спайс» и кожи. Его волосы хлестали Лору по лицу. Когда они покинули улицы города и дорога стала неровной, она еще сильнее вцепилась в Пейдена, бессознательно прижимаясь к нему всем телом.

Она почувствовала, когда Джеймс свернул к Индиго-плейс, но не подняла головы до тех пор, пока он не подъехал к двери по дороге, делавшей полукруг у переднего входа дома номер двадцать два. В доме было темно. Ее родители с друзьями отправились отдохнуть после футбольного матча, думая, что Лора будет вместе с оркестром.

Мотоцикл уже остановился, а она все еще продолжала прижиматься к самому грубому парню из всех, что появлялись когда-нибудь на улицах Грегори. Постепенно Лора ослабила свои вынужденные объятия, а затем опустила руки.

— Ты в порядке? — спросил ее Джеймс, откидывая назад голову. Встретившись с ним взглядом, Лора кивнула, подумав, что у него красивые ресницы. — Уверена?

Опершись на его плечи руками, Лора слезла с сиденья мотоцикла.

— Да, спасибо. — Ее голос дрожал. В лунном свете на ее лице были заметны влажные дорожки. Глаза все еще были полны слез и блестели.

Джеймс перекинул длинную ногу через сиденье мотоцикла и встал перед ней, вглядываясь в ее лицо. Уголок его губ дрогнул в мимолетной улыбке.

— У тебя размазалась помада. — Он поднял руку к ее щеке и провел большим пальцем по ее губам, вытирая размазанную губную помаду, которой Лора пользовалась, только когда выступала на футбольных матчах. Он несколько раз провел по ее губам, следя при этом за каждым неторопливым движением пальца.

Его странно трогала уязвимость Лоры. Джеймс никогда не встречал таких мягких губ. Он посмотрел в ее широко распахнутые глаза. Они были наивными, растерянными и блестели от переполнявших их слез.

Действуя чисто инстинктивно, Джеймс нагнул голову и поцеловал ее. Это был нежный поцелуй, мягкий, полный сострадания. Но поцеловал он ее прямо в губы, потеревшись чуть открытым ртом о ее рот.

Никогда в жизни Лоре не приходилось испытывать столь интимного и чувственного поцелуя. Возбуждение волной прокатилось по ее телу, достигнув средоточия ее женственности. Грудь ее затрепетала. Но, почувствовав неодолимое желание обнять его, Лора резко отскочила. Она страшно испугалась необузданности своего желания, и ее охватила ненависть к мужчине, который заставил ее почувствовать себя такой уязвимой и неуверенной в себе.

— Вы спасли меня от ваших друзей только для того, чтобы самому позабавиться?

Ее ожесточенность, казалось, удивила Джеймса. Он даже отшатнулся от Лоры. Но затем знакомая наглая улыбка тронула его губы, и он презрительно осмотрел ее с ног до головы:

— Вы слишком холодны для меня, мисс Лора. Перекинув ногу через сиденье мотоцикла, он нажал на сцепление. Когда мотор взревел, он рванул с места, обдав гравием белые лаковые сапоги Лоры.

Больше его Лора не видела вплоть до вчерашнего вечера, когда он неожиданно вышел из темноты у порога ее дома. Как и всегда, Джеймс Пейден принес с собой неприятности. Он вновь выступал в роли ее спасителя, но, как и много лет назад, Лору это вмешательство не радовало.

Лора была в том же костюме, что и на похоронах отца, и это полностью соответствовало ее настроению.

Выпрямив спину, с высоко поднятой головой она вошла в здание компании по землевладению и наследованию. Только исключительно хорошо знавшие ее люди могли бы догадаться, что внутри у нее все рыдает.

— Доброе утро, Лора, — сказал Джеймс Пейден, входя через несколько минут в кабинет, куда ее проводили.

Она натянуто улыбнулась ему:

— Джеймс.

— Надеюсь, это время удобно для тебя.

Лора заскрежетала зубами, чтобы сдержаться и не крикнуть ему, что никогда не найдет действительно удобного времени для того, чтобы отдать Пейдену свое семейное поместье. С трудом доверяя своему голосу, Лора произнесла:

— Я хочу закончить все это как можно быстрее. Джеймс сел рядом с ней. Ее обезоружило то, как «нормально» он выглядит. Нормально в том смысле, что он был одет как обычный бизнесмен. На нем был хорошо сшитый коричневый костюм-тройка, безупречная рубашка цвета слоновой кости, со вкусом подобранный галстук в коричневую полоску. Запонки на рубашке были золотыми, как и заколка у накрахмаленного воротничка рубашки. Его коричневые ботинки были начищены до блеска. Он был само воплощение юппи. (Юппи — сокращение по первым буквам англ. слова уирру — молодой честолюбивый профессионал, работающий в городе) Даже Мэдисон-авеню (Мэдисон-авеню — улица в Нью-Йорке, известная как центр американского рекламного бизнеса.) не смогла бы создать более совершенный образец преуспевающего бизнесмена. Лора не помнила, чтобы Пейден носил раньше что-нибудь иное, кроме джинсов.

Но хотя он стал одеваться, как подобает руководящему работнику, выражение его лица было все таким же вызывающим и бунтарским, когда Лора осмелилась посмотреть ему прямо в глаза.

Миссис Хайтауэр закончила разговор с сотрудником компании по наследованию и с напускной важностью заторопилась к столу, за которым сидели Лора и Джеймс:

— Все в порядке и готово для подписания. Лора бегло просмотрела гору документов и быстро подписала каждый из них. Затем миссис Хайтауэр передала их Джеймсу, и он поставил свою подпись в подчеркнутых пунктиром пробелах.

Лора старалась не вникать в процедуру подписания. Если бы она только задумалась о том, что делает, то не смогла бы пройти через все это. Она пыталась представить, что это просто ритуал, вроде визита к зубному врачу, когда необходимо преодолеть испытание как можно безболезненнее, чтобы потом было лучше.

Наконец чиновник компании передал Лоре банковский чек. Пока миссис Хайтауэр бурно поздравляла Джеймса с новым приобретением, Лора взглянула на чек.

— Здесь какая-то ошибка, — вдруг произнесла она. Три пары глаз удивленно уставились на нее. — Сумма, — сказала она, протягивая чек, — она слишком большая.

— Я уверен, что не может быть никакой ошибки, — сказал чиновник компании, надевая очки.

— Здесь не вычтены комиссионные миссис Хайтауэр и те суммы, которые должен заплатить продавец, — пояснила Лора. Для такой дорогой недвижимости, как Индиго-плейс, эта сумма была внушительной.

— О, об этом позаботился мистер Пейден, — улыбнулась миссис Хайтауэр с облегчением. — Это было оговорено в контракте.

Лора сидела как оглушенная. Она взглянула на Джеймса, который с виноватым видом разглядывал носки своих ботинок.

— Должно быть, я просмотрела этот пункт, — пробормотала она.

Все-таки Лора как-то сумела вынести эту затянувшуюся встречу. Когда настало время уходить, она незаметно подвинулась к Джеймсу и спросила, едва шевеля губами:

— Можно мне поговорить с тобой наедине? Взглянув на нее с высоты своего роста, он улыбнулся:

— Конечно, малышка. Я как раз собирался просить тебя о том же.

Поскольку машинистки вдруг перестали работать и с любопытством смотрели на них, Лора позволила Джеймсу взять ее под локоть и проводить через кабинеты на улицу.

— Как насчет ленча? — спросил Джеймс, как только они вышли из здания.

— Я не нуждаюсь в твоей милостыне, — прошипела Лора сквозь зубы. Она все еще улыбалась на тот случай, если кто-то из любопытных все еще продолжал наблюдать за ними, но слова ей давались с трудом. Он прислонился к кирпичной стене здания.

— Думаю, вряд ли можно рассматривать приглашение на ленч в качестве милость/ни.

— Прекрати притворяться. — Лора была вне себя от злости и чувствовала, что на щеках появился предательский румянец. Она только надеялась, что этого больше никто не заметит. — Я говорю о той дополнительной сумме, которую я получила от продажи. Комиссионные миссис Хайтауэр должна была заплатить я, И я должна была...

— Я счел, что я твой должник.

— Ты мне ничего не должен.

— Я принудил тебя продать поместье мне и решил как-то отблагодарить тебя.

— Не делай мне никаких одолжений. Это было деловое соглашение и больше ничего. Как ты столь нелюбезно подчеркнул на днях, у меня не было иного выхода, кроме продажи. Но будь я проклята, если возьму хотя бы один лишний цент от тебя.

— Дело сделано, Лора. Банковский чек у тебя. Советую впредь более внимательно читать контракты.

— А я советую тебе убираться к черту. — Она резко повернулась и зашагала по тротуару.

— Значит, ленч отменяется?

Нет, этот человек просто невыносим.

Лора приехала домой, кипя от негодования. Раздеваясь, она стягивала одежду и бросала ее на пол, словно та была в грязи. Подумать только, ленч! Да как он смел еще выказывать учтивость?!

Немного остыв, она позвонила своему адвокату, чтобы сообщить о том, что чек уже у нее и она готова его депонировать.

— Ну что ж, начало положено, — сказал он явно без энтузиазма.

— Начало?! Я думала, это конец нашим мучениям.

— Этой суммы, конечно, хватит, чтобы погасить те кредиты, которые ваш отец брал под поместье, но всех долгов она не покроеет. — Адвокат стал читать ей цифры.

— Хорошо, хорошо, — мрачно произнесла Лора, когда он наконец закончил. — Похоже, я не до конца осознала, насколько велики мои долги. Но дом — мой единственный источник. Больше у меня ничего нет.

— У вас есть обстановка, картины, — тихо сказал адвокат.

— Но они мои. Это фамильные ценности.

— Очень дорогие фамильные ценности, Лора. — Он дал ей несколько мгновений подумать над сказанным. — И кроме того, какой вам сейчас от них прок? Где вы их разместите?

В этом он был прав. Лора уже разослала заявления о приеме на работу в качестве учителя в ряд частных школ Юга. Ничего другого делать она не умела. Да ей и понравилась идея тихого существования в какой-нибудь привилегированной школе для девочек. Но на такой службе не заработаешь достаточно для того, чтобы купить дом, где можно было бы разместить всю

мебель, заполнявшую просторные комнаты Индиго-плейс. Хранить же мебель на складе — это совершенно не нужные ей дополнительные расходы.

— Да, наверное, вы правы, — признала она. Дом уже был потерян для нее. Так почему бы не избавиться и от мебели? Ей хотелось заплакать, но она упрямо сдерживала слезы. — Что я должна предпринять, чтобы продать мебель?

— Позвольте этим заняться мне.

— Я не хочу, чтобы об этом знал весь город.

— Понимаю. Я предлагаю скромный аукцион где-нибудь вне города. Можно в Атланте. Или в Саванне, но это, пожалуй, слишком близко к дому.

— В Атланте. И пожалуйста, что-нибудь респектабельное. — Лора в ужасе представила себе разбитного аукциониста, орущего что есть мочи: «Кто больше за этот шератонский (Шератон — стиль мебели XVIII века.) буфет?»

Поверенный твердо пообещал, что обо всем позаботится и сделает так, как она просит. Перед тем как положить трубку, он напомнил ей, что у нее есть всего тридцать дней, чтобы освободить поместье.

Той ночью Лора плакала до тех пор, пока ее не сморил сон.

Когда она проснулась рано утром, то сначала подумала, что у нее стучит в голове из-за пролитых слез и бессонной ночи. Но вскоре она поняла, что в стуке явно слышится звон металла — так, когда забивают молотком гвоздь.

Откинув в сторону одеяло, Лора побрела к окну и раздвинула шторы. И раскрыла рот от удивления, когда увидела Джеймса Пейдена, забивающего гвоздь в планку беседки, которую отец Лоры распорядился соорудить в качестве подарка к ее двенадцатилетию.

Она стремительно повернулась и, выбежав из спальни, бросилась вниз по лестнице. Было еще очень рано, и в комнатах было сумрачно и прохладно. В рекордно короткое время Лора добежала до задней двери, поспешно открыла замок и распахнула дверь.

— Что ты, черт возьми, тут делаешь? — резко спросила она, вылетев на террасу, выложенную каменной плиткой.

Его рука с молотком замерла где-то на полпути к шляпке гвоздя. Пейден посмотрел на нее через плечо и улыбнулся:

— Доброе утро. Тебя разбудил стук молотка?

— Что ты делаешь? — повторила она.

— Сохраняю свое имущество, — спокойно ответил Джеймс. Положив молоток на землю, он пошел к террасе, вытирая рукавом пот со лба. — Сегодня будет жаркий денек.

— Мистер Пейден, — упорно гнула свою линию Лора, — я хочу знать, почему вы здесь в такое время и почему устроили такой жуткий грохот. Я полагала, что у меня есть еще тридцать дней, чтобы выехать отсюда. — Тридцать спокойных дней. Тридцать дней, когда не придется видеть его. Она-то надеялась, что больше вообще не возникнет необходимости встречаться с

Пейденом.

— Да, у тебя действительно есть еще месяц, но за это время я намерен здесь кое-что починить. Есть ряд вещей, требующих моего внимания. Я не хочу, чтобы имение пришло в еще большее запустение.

Лора испытала облегчение, узнав, что Джеймс не собирается сносить прелестную беседку, но критика задела ее. Конечно, несколько планок в беседке требовали замены, но у нее не было денег, чтобы организовать ремонт и проследить, чтобы все было сделано как следует. Ее нерадивость была вынужденной.

— Ты не можешь делать ремонт, пока я здесь, — упрямо заявила она.

Пейден поставил ногу на низкий парапет, окружавший террасу, и оперся обеими руками о бедро. Наклонившись вперед, он вкрадчиво спросил:

— И кто же это запретит мне? Ведь я владелец. Лора резко вздохнула, поняв, что он прав. У нее не было сейчас никаких прав требовать, чтобы Джеймс ушел. А поскольку было необходимо еще составить перечень всех вещей, выставляемых на аукцион, сама она не могла уехать раньше установленного срока.

Она сжала губы, страшно недовольная тем, что должна подчиняться. А еще больше ее злило то, что Джеймс понимает это и всю пользуется ситуацией.

— Ну тогда, значит, я ничего не могу изменить, хотя думаю, что с твоей стороны это нечутко.

— Никто никогда не мог обвинить меня в чуткости.

— Будь любезен, в следующий раз сообщи мне заранее, когда тебе понадобится посетить дом, — сказала она как можно более высокомерно. — Не хочу, чтобы ты появлялся внезапно.

— Это почему? Боишься, что я, как вот сейчас, застаю тебя в одной ночной рубашке — да еще в придачу с рюмлянцем на прелестном личике?

Опустив глаза и взглянув на себя, Лора взвизгнула. Джеймс очень точно описал ее. Она выскочила из спальни, даже не подумав набросить халат.

Ее босые ноги буквально пролетели по террасе, когда она поспешно ретировалась через заднюю дверь. Вслед ей раздался низкий хрипловатый смех Пейдена.

Глава 4

Если уж он намерен расхаживать по ее дому, вернее, по своему дому, то мог бы по крайней мере надеть рубашку, сердито подумала Лора, выглядывая из окна кухни, где готовила завтрак.

Уже второе утро подряд, просыпаясь, она обнаруживала, что Джеймс Пейден, этот отпетый бездельник, славившийся раньше своими попойками, уже давно и напряженно работает в Индиго-плейс, 22. Этим утром он трудился на пирсе в заливе.

Говоря по справедливости, пирс давно нужно было отремонтировать, но Лора не могла себе этого позволить, и сейчас ее злило и то, что Пейден имеет возможность оплатить ремонт, и то, что он сейчас владеет ее домом, что давало ему право разгуливать в чем заблагорассудится.

Сейчас он шатающейся походкой приближался как раз к той двери на террасе, через которую Лора украдкой поглядывала на него. Лора отступила от двери и сосчитала про себя до десяти, прежде чем открыла дверь на его стук.

— Привет.

— Привет. — В голосе Лоры было значительно меньше радости, чем в его приветствии. Сегодня она потратила время на то, чтобы одеться, прежде чем спустилась вниз, не желая, чтобы Джеймс вновь застал ее в ночной рубашке. На ней были старые джинсы и бесформенная футболка. Волосы она завязала шарфом.

— Хорошо спала? — Тон его был вежливым, улыбка приятной. Лишь глаза выдавали в нем прежнего бунтаря. Нагло и без всякого извинения они ощупали ее тело.

— Да, хорошо. Тебе что-нибудь нужно?

— стакан воды со льдом, пожалуйста. Я хотел привезти с собой термос, но забыл.

Не пытаясь даже притвориться гостеприимной, Лора принесла ему воды со льдом.

— Спасибо. Пахнет чем-то очень вкусным, — сказал он, взяв у нее стакан и залпом выпив холодную воду.

— Бекон. Ой, кажется, горит! — Она кинулась к плите, выключила конфорку и взяла щипцами хрустящий бекон со сковородки.

— Я сегодня утром не успел поесть, — с сожалением сказал Джеймс от двери. Лора сжала зубы, понимая, что он напрашивается на завтрак. — Пожалуй, мне придется попозже съездить в город и купить пирожков. Правда, к тому времени они уже могут зачерстветь, ведь их начинают выпекать около четырех утра...

— Ну ладно, — простила она, обернувшись. — Ты яйца как любишь?

Пейден широко улыбнулся и натянул рубашку, которую держал в руках.

— Я уж думал, что не дождусь приглашения. А яйца я буду есть в любом виде — как приготовишь.

— В холодильнике есть апельсиновый сок. Угощайся.

Ее руки дрожали, когда она разбивала еще порцию яиц в миску. Кусочек скорлупы упал туда, и ей пришлось вылавливать неуловимого и скользкого маленького демона кончиком пальца. Лора безжалостно взбила яйца в пену, выместив на них все свое раздражение и смятение.

По крайней мере он надел рубашку. Чуть раньше, прячась за шторой кухонного окна, она наблюдала, как на солнце его загар становится еще темнее, когда он согнулся над досками, которые менял на пирсе. Спина Джеймса была сплошной бронзовой массой крепких мускулов.

Взглянув на него сейчас, Лора заметила, что он оставил почти все пуговицы на рубашке расстегнутыми. От вида его груди слюнки текли больше, чем от восхитительных ароматов завтрака. Эта грудь — твердые мускулы и густая поросль мягких каштановых волос, в которых могли бы затеряться женские пальчики, — весьма способствовала пробуждению всяческих нескромных фантазий.

Лора подумала, что Джеймс надел старые, мягкие джинсы специально, чтобы подразнить ее. Они были запачканы маслом и краской, потертые в некоторых местах и очень неприлично обтягивали тело. Его пупок отчетливо виднелся над поясом джинсов, спущенных на самые бедра. А уж думать о чем-нибудь, что находится ниже его талии, Лора и вовсе не решалась. — Ты любишь их твердыми? Лора уронила лопаточку. — Что?

— Яйца в омлете. Я не люблю их мягкими.

— О да, конечно, твердыми.

Не дожидаясь ее просьбы, Пейден передал ей две тарелки, и она наполнила их воздушным омлетом, который рассеянно двигала по сковородке.

Когда все было поставлено на стол и кофе налит, они принялись за еду.

— Вкусно, — пробормотал Джеймс, проглотив кусочек омлета.

— Спасибо. У меня вошло в привычку готовить отцу завтрак каждое утро, еще до прихода Глэдис.

— А еще кому-нибудь?

Она вопросительно взглянула на него.

— Ты когда-нибудь готовила завтрак для другого мужчины? — Он отпил глоток кофе.

— Моя личная жизнь вас не касается, мистер Пейден, как я уже неоднократно указывала вам.

— Ты хорошо готовишь. И хорошо смотришься. — Зеленые глаза нагло и оценивающе скользнули по Лоре. — Из тебя получилась бы хорошая жена.

— Спасибо.

— Почему ты так и не вышла замуж?

— А ты почему не женился?

— А кто сказал, что я не женился? Она быстро взглянула на него: — Ты женат? — Нет.

Лора изо всех сил постаралась скрыть облегчение. Она не представляла, почему ее должен волновать брачный статус Пейдена — разве что ужасала мысль, что она целовалась с женатым мужчиной. Правда, это Джеймс целовал ее, а не наоборот. И тем не менее, как ни трудно было признаться в этом самой себе, ей нравилось, что он не женат.

— Но мы говорим не обо мне, а о тебе, — сказал Джеймс. — Расскажи-ка, почему такая красивая девушка, как ты, до сих пор не замужем?

— Я женщина, — чопорно заявила Лора. — И я не хотела выходить замуж.

— Гм-м... Нравилась свобода действий в выборе партнеров?

— Что-то в этом роде, — сказала она, закрывая тему.

— Извини, но я как-то не представляю тебя девушкой, у которой на уме только флирт.

— Женщиной, — вновь повторила она, делая ударение на слове. — И пожалуйста, не могли бы мы поговорить о чем-нибудь другом, кроме моих романов?

— Конечно, — ответил Джеймс, хитро улыбаясь. — Хочешь поговорить о моих? — Нет!

Ее категорический ответ только рассмешил Пейдена. Чтобы скрыть свое раздражение, она понесла тарелки к раковине.

— Прошу меня извинить, но у меня очень много дел.

— А почему бы не отдохнуть денек?

— Отдохнуть денек?

Джеймс подошел к раковине, и Лора, подняв голову, недоверчиво посмотрела на него:

— Я не могу. У меня миллион дел.

— А почему бы тебе не выйти на пирс и не составить мне компанию? — Он заправил прядь ее выбившихся волос под шарф, потом провел пальцем по ее щеке.

— Целый день сидеть на пирсе, на этом пекле, чтобы только смотреть, как ты работаешь? Нет уж, спасибо.

— Ты можешь позагорать. А чтобы все было по справедливости, я посмотрю, как ты загораешь. — Кончиком пальца он потеревил мочку ее уха.

— Нет, не получится.

— Или можешь поплавать. Тогда, когда я освобожусь, и я с тобой искупаюсь. Ну разве не заманчиво?

Это звучало опасно. Любая женщина, имеющая хотя бы крупицу здравого смысла, рядом с ним предпочла бы костюм из брони, а не купальник.

— Я же сказала тебе, что у меня работа. Ты собираешься путаться под ногами все следующие тридцать дней?

— Двадцать девять.

Лора сбросила его руку и отвернулась, рассердившись из-за бестактного напоминания о том, что менее чем через месяц ей придется навсегда покинуть родной дом.

— Послушай, извини. — Взяв ее за плечи, он повернул Лору лицом к себе. — Я не должен был говорить этого. Это нехорошо.

Ее плечи уныло обмякли, и она совсем упала духом.

— А почему бы и не говорить? Все равно от этого никуда не уйдешь.

Какое-то мгновение они пристально смотрели друг на друга, затем глаза Джеймса скользнули вверх, на ее макушку.

— А зачем шарф? Что у тебя сегодня за работа?

— Мне нужно переписать всю мебель для аукциона. — Для аукциона? Она мрачно кивнула. — Все?

— Почти все. Может, мне удастся оставить что-нибудь самое дорогое для меня, но я собираюсь продать как можно больше.

Отворачиваясь, Пейден пробормотал что-то себе под нос. Лоре показалось, что он произнес имя ее отца и еще какое-то грубое ругательство, но она не совсем уловила связь между ними.

Джеймс вышел из кухни. Удивившись, Лора последовала за ним через столовую и обнаружила его в прихожей. Уперев руки в бока и покусывая нижнюю губу, он задумчиво смотрел в сторону гостиной.

— Послушай, — сказал он, — вместо того чтобы проводить аукцион, ты могла бы продать всю обстановку мне.

— Я... — На мгновение Лора растерялась и не могла произнести ни слова. — Ты не спрашивал о мебели.

— Вот я и спрашиваю сейчас. Мне нужно было подумать об этом раньше. Где я найду мебель, которая подходила бы к дому лучше, чем та, что уже стоит здесь? И даже если бы я ее и нашел, потребовалось бы черт знает сколько времени и сил. А результат все равно был бы хуже.

— Это так, только...

— Деньгами я тебя не обижу. Если хочешь, мы будем оценивать каждый предмет отдельно.

Адвокат объяснил Лоре, что она получит больше денег, продавая отдельно каждую вещь на аукционе, нежели оптом одному покупателю.

— Согласна, — сказала она, внезапно приняв решение. Хотя она и уедет отсюда, ей будет спокойнее оттого, что Индиго-плейс сохранится в своем нынешнем виде.

— Хорошо. — Джеймс энергично потер руки. — С чего начнем?

— Что, сейчас?

— А почему нет? Ты ведь все равно собиралась заняться этим сегодня, так ведь?

— Да, но... — Чтобы составить подробный список всего имущества, уйдут часы, даже дни. И все это время ей придется провести в компании Джеймса Пейдена. — А как же пирс?

— Этим я смогу заняться в любое время.

— Тебе нет необходимости возиться со списком самому, — сказала Лора. Эта мысль только что пришла ей в голову. — Я составлю список и везде укажу ту цену, которую считаю разумной. А ты сможешь посмотреть всю эту опись, когда я закончу. Тогда и поторгуюсь, если понадобится.

Джеймс окинул ее неторопливым и вызывающим взглядом с головы до ног. — А откуда я знаю, что тебе можно доверять? — Что?!

— Я разбогател не тем, что покупал кота в мешке.

— Кота...

— Нет, — сказал Пейден, не обращая внимания на душивший ее гнев, — мне будет гораздо спокойнее, если мы составим список вместе.

— Ты сомневаешься в моей порядочности? — спросила Лора, не веря своим ушам. — Да ведь это тебя застукали, когда ты таскал печенье из школьного буфета, не меня.

— Ты помнишь это?

— Еще бы.

— Я не таскал печенье. Дама, раздававшая десерт, украдкой совала его мне. Просто она не призналась в этом.

— Я не верю тебе.

Он лениво улыбнулся:

— Поверила бы, если бы знала, что дама получала взамен.

И вот тут-то Лора поверила. Ее щеки залил яркий румянец. Чтобы вновь вернуться к предмету их разговора, она сказала:

— Я предельно честна.

— Ну тогда ты не будешь возражать, если я буду заглядывать тебе через плечо, пока ты составляешь список.

Лора глубоко вдохнула, затем медленно и раздраженно выдохнула:

— Я возьму блокнот и два карандаша. Она сердито зашагала к секретеру эпохи королевы Анны, стоявшему в гостиной.

— А перерыв на ленч нам не положен?

Лора отложила блокнот и сурово посмотрела на своего добровольного помощника:

— Ты завтракал.

— Ага, часов пять назад. Я проголодался.

Он смотрел на ее рот. Лора смущенно отодвинулась подальше от него. Ее собственный желудок свело спазмом, и совсем не от голода.

Они начали составлять опись со столовой. Записав все предметы мебели, они занялись фарфором и серебром. Это был трудоемкий процесс, требовавший много времени, а Джеймс тормозил работу шутками и болтовней. Он проявил немалый интерес к тем событиям, что произошли в ее жизни за десять лет со времени их последней встречи.

— Мне нужно чем-то подкрепиться, — жалобно сказал он.

— Что ты предлагаешь? — Когда Лора взглянула на него, она тут же пожалела о своих словах.

Судя по выражению его лица, еда была лишь одним из вариантов.

— Из еды? — спросил он.

— Конечно, из еды.

— Пикник.

— Пикник?

— Оставайся тут. — Джеймс оттолкнулся от стула, на котором сидел верхом, положив подбородок на спинку. — Я чего-нибудь наскребу и принесу.

— А ты что, мне уже доверяешь? — спросила Лора, с притворной невинностью хлопая ресницами.

— Примерно так же, как и ты мне, — ответил он через плечо, неторопливо выходя из комнаты. Лора скорчила ему гримасу, но он ее не увидел.

Джеймс вернулся через несколько минут с подносом, на котором были фрукты, сыр, несколько сортов крекеров и два высоких стакана чая со льдом. Он поставил поднос на пол у широкого окна и сел рядом с ним.

— Иди сюда.

— Ты и правда имел в виду пикник, да?

— Ага, только еще лучше. Никаких муравьев.

— Летом мама, папа и я обычно устраивали пикники по воскресеньям, — задумчиво произнесла Лора, садясь рядом с ним и опираясь о подоконник.

Он намазал крекер мягким сыром и передал его Лоре.

— Никто никогда не слышал, чтобы Пейдены устраивали воскресные пикники. — Джеймс говорил без всякой озлобленности. — Наверное, сейчас я наверстываю то, что упустил в детстве.

Лора покусывала крекер, сожалея, что необдуманно затронула тему семьи. Теперь неизбежны сравнения их общественного положения. Лора признавала, что родилась, как говорится, с серебряной ложкой во рту.

Было просто удивительно, что Джеймс не ненавидит ее. Или ненавидит? Поэтому ему нужен ее дом? Знает ли он, что продажа дома именно ему станет для нее самой горькой пилюлей? Может, он наказывает мисс Лору Нолан за то, что она олицетворяет тех, кто презирал его?

— Я уверена, что твоя мать рада, что теперь вы можете вместе устраивать пикники, да?

Искоса взглянув на него, Лора увидела, как напряглась его челюсть.

— Понятия не имею. — Ты не видел ее? — Нет. — Совсем? — Да.

— Она знает, что ты вернулся? Он пожал плечами:

— Может, эти слухи дошли до нее.

Лора была несколько разочарована в нем из-за того, что он не повидал мать. Когда она последний раз видела миссис Пейден, та, конечно, была одета лучше, чем много лет назад, но по-прежнему выглядела такой же утомленной, одинокой и печальной, какой ее всегда помнила Лора. Как он может так бессердечно игнорировать единственного родного человека?

Внезапно Джеймс протянул вперед руку и сорвал шарф с головы Лоры, отчего ее чуть выгоревшие на солнце волосы рассыпались по плечам.

— Вот так-то лучше.

— Зачем ты это сделал? — спросила она раздраженно.

— А зачем ты замотала голову этой штуковиной? — выпалил он в ответ.

— Я хотела...

— Ты хотела выглядеть как можно менее привлекательной.

— Какой абсурд! С какой стати мне это делать?

— Чтобы я не жаждал твоего тела.

От неожиданности Лора так резко закрыла рот, что даже зубы лязгнули.

— Ведь так? — Джеймс как ни в чем не бывало с хрустом откусил кусок яблока. Прошло несколько мгновений, но она так и не нашлась что ответить. — Что, язык проглотила?

— Никогда не слышала ничего более нелепого. Пейден хохотнул низким и глубоким смехом:

— Я вижу тебя насквозь, мисс Лора. Ты прозрачна, как та ночная рубашка, что была на тебе вчера утром. Ты надеялась, что я забуду, какой ты была восхитительной?

— Жаль, что ты не забыл об этом.

— Очень маловероятно. Я надолго запомню, как ты выглядишь, только что проснувшись. — Ничуть не смущаясь, он посмотрел на ее грудь. — Как все выглядит.

— Все, я сыта. — Лора положила кусок сыра обратно на поднос.

Джеймс мгновенно протянул руку и схватил ее за запястье, прежде чем она успела встать.

— Я еще не закончил.

— А я больше не хочу.

— Куда ты направляешься?

— Снова работать.

— Остайся со мной.

— Не хочу. — Боишься? — Что?

— Ты слышала меня.

— Конечно, не боюсь.

— Раньше боялась. Ты по-прежнему все тот же маленький испуганный кролик, Лора?

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Кого ты боишься: именно меня или вообще всех мужчин в целом?

— Я никого не боюсь. И уж конечно, не тебя.

— Вот и хорошо. Тогда ты останешься здесь со мной, пока я доем мой ленч, — ласково сказал Джеймс, отпуская ее руку. Вытянувшись на боку, он подпер щеку рукой. Продолжая жевать, он в то же время не спускал глаз с Лоры. Этот взгляд, точно так же как стальная хватка несколькими мгновениями раньше, словно парализовал ее, не позволяя сдвинуться с места. Да она и не собиралась унизить себя, отодвинувшись от Пейдена именно сейчас.

Внешне Лора казалась хладнокровной и слегка высокомерной, но внутри у нее все кипело.

— Почему ты считаешь, что я боюсь тебя? — спросила она, не удержавшись.

— Потому что либо причина в этом, либо ты просто сноб.

— Почему ты это говоришь?

— Потому что ты всегда убегала, как только я приближался.

— Ты был неприятным типом. И на мой взгляд, таковым и остался.

Это развеселило Джеймса, и он громко рассмеялся:

— Черт побери, ты мне нравишься! Всегда нравилась.

— Но ты совсем не знал меня.

— Да, но мне нравилось то небольшое, что было известно. Застенчивая, благонаправная маленькая мисс Лора Нолан может показать острое жало, если ее вывести из себя. — Кончиками пальцев он провел по ее руке. — Мне всегда хотелось узнать, как далеко я могу зайти с тобой.

— Ты и узнал в тот вечер, когда привез меня домой на мотоцикле. Когда я не разрешила тебе меня целовать, ты сказал, что я бесчувственная.

Взгляд Джеймса замер на ее губах.

— То было тогда. Сейчас совсем другое. — Он проник рукой в ее рукав и погладил изгиб локтя. — Что нужно, чтобы ты заполыхала?

Она отдернула руку и отодвинулась подальше, чтобы он не мог дотронуться до нее. Лора и не знала, что внутренняя поверхность локтя такая сверхчувствительная.

— Кстати, об огне, — не к месту заметила она. — Я однажды видела тебя в гонке по телевидению. Твоя машина перевернулась и загорелась.

Пейден ухмыльнулся тому, как ловко она переменяла тему, но не стал это комментировать.

— Тебе придется быть более конкретной. Такое случалось несколько раз.

— У тебя были серьезные травмы?

— Никаких обширных повреждений.

— А тебе когда-нибудь было страшно?

— Нет. — Он засунул в рот еще один крекер.

— Никогда?

Он покачал головой:

— Волнение — было. Может, возбуждение, но страха — никогда. Когда тебе все равно, жить или умереть, то бояться-то особенно нечего.

Лора безмолвно смотрела на Джеймса, как бы взвешивая его искренность. Эти глаза, устремленные на нее, были требовательными и правдивыми. Он не шутил. Он действительно так думал.

— И тебе было все равно?

— Да, на протяжении нескольких лет.

— Но сейчас это тебе уже не безразлично?

— Теперь да.

У него, похоже, не было желания объяснять свои слова, и Лора не стала настаивать.

— Насколько я понимаю, ты был очень хорошим автогонщиком. Должно быть, это приносило тебе наслаждение.

— Я обожал гонки.

— С чем это можно сравнить?

— С сексом. — Джеймс усмехнулся, увидев ее удивленное выражение. Откинувшись на спину, он заложил руки за голову и, глядя в потолок, продолжал говорить: — Вся эта огромная мощь постепенно нарастает, пока все вокруг тебя не начинает дрожать. Жар. Выбросы двигателя. Трение. Затем наступает минута, то мгновений, когда должен отдать все, что в тебе есть. Тебе все равно, что там, по ту сторону от финишной черты: сейчас ты готов рискнуть чем угодно, чтобы оказаться там. Ты выжимаешь педаль газа до упора и даешь машине волю. У тебя нет выбора. Так же, как и в самый пик любовной страсти.

Когда он замолчал, тишина казалась осязаемой. Очень медленно Джеймс повернул голову и посмотрел на Лору. Ее глаза затуманились. Эти колдовские слова, произнесенные хриплым голосом, потрясли ее.

Чуть подвинувшись, он положил руку на ее бедро и слегка сжал его:

— Понимаешь, что я имею в виду?

— Думаю, да.

Одним плавным движением он вновь сел. Он был так близко. Зеленые глаза манили ее, приглашая раствориться в них.

Искушение было велико. Притягательность Джеймса Пейдена — юноши была ничем по сравнению с его нынешним магнетизмом. Лора ощущала силу его чар, когда еще была школьницей, только тогда не осознавала, что же ее притягивает в этом человеке. Теперь она понимала. Это были страсть, вожделение. Окружавшая его постоянно аура опасности, мрачное выражение его лица обещали еще непознанное наслаждение — если женщина была достаточно смела, чтобы познать его, рискуя последствиями.

Расплата за подобное безрассудство была, как правило, очень высока. Лора знала множество девушек, которые на протяжении многих лет пытались избавиться от той репутации, что помог им заработать Джеймс Пейден. Она что, совсем обезумела? Почему она сидит тут и обсуждает с таким человеком вопросы сексуального наслаждения?

С трудом сбрасывая оцепенение, Лора встала и нашла в себе силы сказать:

— Думаю, нам нужно вернуться к работе. Джеймс поднялся вместе с ней и обхватил ее запястья твердыми цепкими пальцами:

— Ты уверена? Как это там говорят: много работы и никаких удовольствий. — Его губы слегка коснулись ее щеки. — Я бы с наслаждением отдохнул с тобой.

Лора высвободила руки.

— Я думала, ты здесь, чтобы работать. Если не хочешь, можешь уходить. А я занята.

Она отвернулась, но успела все же заметить предательскую ухмылку, появившуюся на его задумчивом лице. Ее отповедь совсем не смутила Пейдена, а только позабавила.

Работа заняла у них три дня. Три дня, проведенные почти исключительно в компании друг друга. На следующее после их пикника утро Джеймс приехал с пакетами продуктов, объяснив бурно протестовавшей Лоре, что раз он собирается есть вместе с ней, то будет привозить часть продуктов.

Лора не хотела ничего делить с этим типом — ни время, ни еду, ни место. Но ничего не могла поделать с таким его поведением, как и с тем, что он старался коснуться ее, причем весьма часто.

Джеймс все время изобретал причины, чтобы любым способом дотронуться до нее. Ведь по правде говоря, просто невозможно, чтобы человек, особенно такой подвижный, как он, был настолько неуклюжим. Часто он спотыкался, как незадачливый комик. Чтобы не упасть, он крепко хватался за Лору и прижимал к себе.

И она знала, что вовсе не обычная, с таким трудом дававшаяся ему воспитанность обязывает Джеймса помогать ей сойти с лестницы, или же пройти через дверь, или обойти препятствие на пути. Но тем не менее Пейден все время проявлял учтивость. Но больше всего Лору беспокоило то, что ей нравится чувствовать его руки.

За эти три дня он стал нравиться ей все больше и больше — так, как она раньше никогда не могла и представить себе. Он был забавный рассказчик и еще более удивительный слушатель. Он постоянно побуждал Лору рассказывать истории об Индиго-плейс, которые она слушала еще на коленях у бабушки. Поразительно, но его по-настоящему интересовала история этого дома. Лора обнаружила у Джеймса острое, довольно язвительное чувство юмора и поняла, что при этом он не лишен сентиментальности.

При составлении описи предметов обстановки парадных апартаментов им много раз попадались фамильные портреты нескольких поколений Ноланов в серебряных рамках. Лора тщательно отмечала их в блокноте.

Через несколько минут Джеймс взял у нее блокнот и вычеркнул их из списка.

— Что ты делаешь? — спросила Лора, когда он без слов отдал ей блокнот.

— Эти фотографии много для тебя значат, ведь так?

— Я могу вынуть фотографии.

— Но ведь рамки были сделаны специально для них. Оставь себе рамки. Подарок от меня.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Джеймс взял одну из рамок и посмотрел на фотографию в ней: — Кто это?

— Бабушка и дедушка со стороны отца. Фрэнклин и Мейдел Нолан. — Лора почувствовала огромную нежность к Пейдену, глядя, как он рассматривает старую фотографию. — Джеймс, ты сказал мне на днях, что даже не знал имени своего деда. Это правда?

Он поставил одну рамку и взял другую.

— Со стороны моего старикана — да, не знал. Дедушка мой был ублюдок, и не только в буквальном смысле этого слова. Пейден — это девичья фамилия моей бабушки. Она умерла, когда отец еще был ребенком, во время депрессии. Это все, что мне известно.

Лора не смогла найти те слова сочувствия, которые бы не звучали банально, поэтому промолчала. Джеймс взял еще одну фотографию и улыбнулся:

— Это ты?

Она наклонилась через его руку, чтобы посмотреть на фотографию.

— Да, это я. Тощая и беззубая. Дед тогда только что повесил мне качели на большом виргинском дубе.

— Те, что все еще там висят?

— Да. Мама тогда побежала в дом за фотоаппаратом. Я рада, что она решила снять нас вместе. Наверное, это единственная... В чем дело? — спросила вдруг Лора, когда случайно взглянула на своего внимательного собеседника. Он пристально смотрел на нее.

— Я просто подумал о том, какой ты была прелестной малышкой.

— Да что ты, наоборот: я выглядела ужасно. Посмотри на эти хвосты. — Она засмеялась, указывая на фотографию. — И коленки у меня были вечно в ссадинах.

Джеймс вновь посмотрел на фотографию и засмеялся:

— Да, теперь я вижу, что ты тут немного тощая. Наверное, мне просто нравятся маленькие девочки, как бы они ни выглядели.

— И большие тоже.

Он выразительно посмотрел на ее грудь, касавшуюся его твердой руки, и только после этого взглянул ей в глаза и ответил:

— Да, большие девочки мне тоже симпатичны. Лора попятилась от него. Краска бросилась ей в лицо.

— Когда мы сделаем опись еще вот здесь, работа будет завершена.

Они проработали еще час, прежде чем управились со столь утомительной задачей. Лора повела Пейдена вниз.

— Если ты не возражаешь, я еще раз посмотрю на пирс, прежде чем уеду. Хочу уточнить, сколько досок мне еще понадобится.

— Хорошо. А пока ты делаешь это, я суммирую эти цифры на калькуляторе. — Она показала на блокнот с длинным списком. — Я хочу утрясти это как можно быстрее.

— Скажи мне сумму сегодня к вечеру, и утром я привезу тебе чек.

Лора прошла в кабинет отца и несколько раз проверила сумму на калькуляторе, пока окончательно не удостоверилась в правильности цифр. Сумма оказалась внушительной. Этих денег вполне хватит на уплату ее долгов. Она надеялась, что еще кое-что останется, если только Джеймс сильно не урежет ее.

Когда он вернулся после осмотра пирса, Лора, нервничая, приготовилась вручить ему результат своих вычислений.

Увидев, что новый хозяин дома идет через двор, она вышла на крыльцо и приготовилась к спору. Однако Джеймс едва взглянул на список, который она так старательно проверяла и перепроверяла.

— Отлично. — Он свернул листок и положил его в нагрудный карман рубашки.

Лора чувствовала себя так, словно ее лишили законной победы. — Отлично? Это все, что ты можешь сказать? — Да.

Она указала на его карман:

— Но ты даже не проверил список.

— Я доверяю тебе. Я просто шутил, когда говорил, что не доверяю. — Он потрепал ее подбородку. — Я куплю все за полную стоимость, но ты можешь оставить то, что хочешь, себе на память.

— Подожди секунду! — воскликнула Лора, когда он повернулся и стал спускаться по широкой лестнице крыльца. — Если ты собирался купить все, то зачем же мы столько дней описывали каждый предмет под этой крышей? И зачем вообще тебе понадобилось, чтобы я делала этот чертов список цен?

Джеймс прислонился плечом к колонне и сложил руки на груди.

— Ты уверена, что действительно хочешь узнать это?

Нет, ей совершенно не хотелось знать истинную причину — тем более когда он улыбался такой похотливой улыбкой и его затуманенные глаза так много обещали.

— Это была бесполезная трата времени, — сердито пробормотала она.

— А вот с этим я не согласен, мисс Лора. Теперь я знаю, где что находится — вплоть до елочных игрушек. Я знаю все истории о доме, которые иначе никогда бы не узнал. И, — подчеркнул он, — я хорошо провел время. — Ну а я — нет. Я могла бы заняться... — Чем?

Лора судорожно пыталась придумать, чем бы могла заняться.

— Ну чем-нибудь. Думаю, что как продавец я сделала намного больше, чем мне положено, — так что прошу прощения, но вынуждена откланяться. — Она сердито направилась к парадной двери.

— Думаю, сейчас не самый подходящий момент, чтобы просить об одолжении?

Лора остановилась как вкопанная. Придав лицу высокомерное выражение, она медленно повернулась к Пейдену.

— Что? — холодно спросила она.

— Ты не против, если я привезу свою девочку посмотреть дом?

Несколько секунд Лора тупо смотрела на него. Если бы половицы крыльца выдернули у нее из-под ног — все равно падение не принесло бы ей такую боль, которую она испытывала сейчас.

— Твою девочку?

Джеймс оттолкнулся от колонны и улыбнулся:

— Да, мою девочку. Я зову ее Трикс. (Трикс — от англ. *trick* — фокус, трюк.) — Он подмигнул. — Она просто умирает от желания увидеть дом с того самого момента, как я купил его. И думаю, она должна взглянуть на него, прежде чем мы переедем.

«Только через мой труп», — хотелось сказать Лоре, но вслух она этого так и не произнесла.

— Тебе удобно будет завтра?

Она прикусила язык, чтобы не послать его к черту вместе с этой самой Трикс. Но Джеймс — владелец дома. И он не мелочился из-за стоимости обстановки. Он имел право привести кого угодно, чтобы посмотреть дом. Что она могла сказать, чтобы помешать ему сделать это? До невозможности дурной вкус Пейдена не мог служить основанием для того, чтобы отказать ему. И вообще она сомневалась в том, что отрицательный ответ принесет какую-то пользу.

Однако бестактность его просьбы глубоко задела Лору. Ей было по-настоящему больно от такой наглости. Она не просто разозлилась, она не могла ни сдвинуться с места, ни заговорить. Лора даже испугалась, что ее вырвет прямо здесь, на крыльце.

То, что причиной этого внезапного приступа тошноты была обыкновенная ревность, казалось просто невыносимым, и тем не менее чувство, бушевавшее в ней, очень походило именно на ревность.

— Во сколько? — Лора все-таки заставила себя выговорить эти слова.

— Где-нибудь до полудня. Она любит подольше поспать.

Лора кивнула:

— Это меня вполне устроит.

Глава 5

— Дура, идиотка, — ругала себя Лора на следующее утро, одеваясь.

Почему это она оказалась такой покладистой? Почему, когда Джеймс попросил ее об «одолжении», она не объяснила ему, какой он гнусный человек? На протяжении долгой бессонной ночи она обзывала его, как только могла. Почему она не сказала все это ему в лицо? Лора жалела, что не выразила Пейдену все свое презрение, когда он предоставил ей такую великолепную возможность.

— Трикс! Могу себе представить, — пробормотала Лора, натягивая через голову вязаную хлопчатобумажную кофточку без рукавов.

Эту Трикс Лора представляла себе как обычную избалованную любовницу богатого человека: с непременным неглиже, отделанным перьями марабу, и возлежащей на целой горе обшитых кружевом подушек. Спит она, конечно, до полудня, вставая только затем, чтобы смотреть «мыльные оперы», и, плясь на экран телевизора, запихивает в рот шоколадные конфеты. Лора сердито расчесывала волосы, уверенная в том, что Трикс окажется наглой пустоголовой блондинкой. Лора подушилась самыми легкими, едва уловимыми духами с цветочным ароматом, думая при этом, что вскоре Индиго-плейс, 22, насквозь пропитается мускусом.

Новую хозяйку поместья зовут Трикс!

Даже думать об этом было невыносимо. Все предки Лоры, должно быть, в гробу перевернулись! Если бы ее отец представлял себе все последствия своей деловой небрежности, то, конечно, он бы более аккуратно обращался с деньгами. Разве кто-нибудь когда-нибудь мог себе представить, что поместье Ноланов падет так низко?

Но больше всего бесило Лору то, что ей уже стал нравиться Джеймс.

— Ха! — прокричала она стенам, спускаясь по лестнице воинственным шагом. — Из шелкового уха... шелковый кошелек... а, все равно, — раздраженно закончила она, не сумев вспомнить, как звучит старая поговорка. («Из свиного уха шелковый кошелек не сошьешь» — английская поговорка.) Она только знала, что поговорка очень подходит.

Вчера, когда они рассматривали фотографии ее дедушек и бабушек, Джеймс даже вызвал у нее сочувствие. Он выглядел таким уязвимым; его волосы падали на лоб, и Лора вспомнила, что

еще в школе эта челка сводила девочек с ума. Его нижняя губа казалась еще полнее, чем обычно, а глаза — еще более задумчивыми. В какой-то момент тогда у нее возникло искушение погладить его волосы, утешить его... и...

— И ничего, — пробормотала Лора. Но разум не соглашался с чувствами. В голове возникла четкая картина: их переплетенные тела на покрытом ковром полу в парадных покоях. Она отдает ему всю свою нежность, а он ей — всю ту страсть, которой так не хватает в ее жизни.

Слишком часто задумывалась Лора о его поцелуе. Он был просто оскорбительным. Она встречалась с мужчинами, с некоторыми — на протяжении нескольких месяцев, но ни один никогда не осмеливался целовать ее так возбуждающе. Это был самый сексуальный поцелуй из всех, что ей довелось испытать, а она хотела забыть о нем.

Тем не менее у нее сложилось впечатление, что она будет помнить этот поцелуй всю свою жизнь, и это ее тревожило. Так же хорошо она помнила ту ночь, когда он привез ее домой на мотоцикле. Джеймс Пейден так умел дотронуться до женщины, что это ощущение оставалось с ней навсегда — как татуировка, которую невозможно вытравить.

Но как бы ни был памятен для нее этот поцелуй, для него он был самым обычным и ничего не значил. Может, Джеймс уже и забыл о нем, подумала Лора с горечью. Она даже решила, что, возможно, ее он поцеловал только потому, что Трикс была занята в тот вечер.

Прежде чем она успела еще поразмышлять, за окнами послышался отчетливый звук мотора спортивного автомобиля. Лора встала за тонкими занавесями гостиной, откуда удобно будет рассматривать Джеймса и Трикс, а самой оставаться незамеченной.

Автомобиль наконец остановился. Его стекла были тонированными, и Лоре не было видно, что там внутри. Джеймс вышел первым. Он обошел автомобиль сзади, гордо поглядывая на дом.

— Хвастун, — одними губами произнесла Лора из своего укрытия. И он что, никогда не выглядит плохо? Сегодня утром на нем были джинсы, выглядевшие чуть лучше, чем те, в которых он работал всю неделю. Они были накрахмалены и обтягивали его стройные ноги, а спереди отчетливо виднелась стрелка. На нем была тенниска, но с небрежно поднятым воротником — что развеяло всякое впечатление о том, будто он специально готовился к встрече.

Джеймс нагнулся, открыл дверь машины со стороны пассажира и протянул руку внутрь. Лора закусила нижнюю губу и закрыла на секунду глаза.

Когда она их вновь открыла, то остолбенела и только тупо смотрела на пару, державшуюся за руки. Они уже поднимались по ступеням. Лора просто назло Джеймсу и его, как она думала, любовнице планировала заставить их очень долго прождать на крыльце, прежде чем откроет дверь. Но как только звонок пропел свою мелодичную песенку, она поспешила к парадной двери и открыла ее.

— Доброе утро, Лора.

— Доброе утро, — хрипло ответила она, не совсем уверенная в том, что голос ее послушается.

— Разрешите познакомить тебя с Трикс, — сказал Джеймс, подталкивая вперед свою спутницу. — Моя дочь.

Лора и Джеймс долго и пристально смотрели друг на друга, прежде чем бывшая хозяйка дома

посмотрела вниз, на стоящую между ними маленькую девочку.

— Здравствуйте, мисс Нолан. — Девчушка выговорила эти слова старательно и громко, так, как будто заранее их отрепетировала.

Сердце Лора растаяло, а в горле появился комок. Она присела перед девочкой:

— Здравствуй. И пожалуйста, зови меня просто Лорой.

— По-настоящему меня зовут Мэнди. Только папочка называет меня Трикс. — Она запрокинула голову и улыбнулась отцу.

— Объясни тете — почему, — предложил Джеймс, улыбнувшись в ответ.

Лора заметила, что у девочки зеленые глаза с золотыми крапинками.

— Он показывал мне разные волшебные фокусы. И мне они так нравились, что папа стал и меня называть Трикс. Но это еще когда я была маленькой. А теперь я уже большая.

— Она стала слишком умной для меня, — сказал Джеймс со смехом. — Различает даже самые неуловимые и ловкие движения рук.

— Вам нравятся волшебные фокусы? — серьезно спросила Мэнди Лору.

— Очень нравятся.

— Может быть, мой папочка вам когда-нибудь их покажет. У него это очень здорово получается.

Лора подняла глаза на предмет обожания Мэнди. Джеймс улыбался дочери, не скрывая любви и восхищения.

— Не сомневаюсь в этом. — Лора встала. — Я как раз собиралась попробовать кофейный торт. Кто-нибудь хочет присоединиться?

— Я хочу, — с готовностью откликнулась Мэнди, но потом, поморщившись, посмотрела на отца:

— Можно, папочка?

— Если Лора приглашает тебя, значит, можно.

— Пойдем, Мэнди. Я провожу тебя на кухню.

Лора протянула девчушке руку, и Мэнди без всякого колебания взяла ее. Девочка производила впечатление уравновешенного ребенка и явно не стеснялась незнакомых людей. Ее длинные волосы, такого же густо-каштанового цвета, как у Джеймса, были аккуратно расчесаны и заколоты по бокам заколками-пряжками. Ее сарафанчик был безупречно чистым, все оборки были аккуратно отглажены. Маленькие пухлые ножки были обуты в сандалии.

— Да, этот дом и вправду большой, — сказала она с благоговением, проходя через столовую.

— Ты освоишься очень быстро, вот увидишь, — с улыбкой заверила ее Лора. — Видишь, мы уже на кухне.

Они вошли в залитую солнцем комнату, и Лора усадила Мэнди за стол. Той Трикс, с перьями

марабу и подушками, Лора ничего не собиралась предлагать, кроме своего скверного характера. А вот ребенка благодаря Саре Ли она вполне могла угостить кофейным пирогом. Она отрезала Мэнди большой кусок, поставила рядом высокий стакан с молоком и дала ей салфетку и вилку. Джеймс от пирога отказался, но Лора налила им обоим кофе, и они присоединились к его дочери.

Мэнди ела с присущим всем детям аппетитом, но при этом прекрасно держалась за столом. Когда кусочек торта упал с вилки ей на колени, она с раскаянием взглянула на Джеймса.

— Ничего страшного, Трикс, — мягко сказал он. — Это вышло случайно. Положи кусочек обратно на тарелку.

— Сколько тебе лет, Мэнди? — спросила Лора, чтобы сгладить неловкость.

— Пять с половиной. А у вас есть кукла из лоскутков? — Гм, нет, — ответила Лора, издав легкий смешок. — А у тебя есть? — Угу.

— Скажи: «Да, мэм».

Она прикрыла рот пухлой ладошкой:

— Ой, я забыла.

Джеймс подмигнул, показывая ей, что он вовсе не ругает ее, а просто напоминает. Дочка просияла и снова повернулась к Лоре:

— Мою куклу зовут Эннмари. Я привезла ее с собой, но папочка сказал, что она должна подождать в машине. Как вы думаете, она сможет посмотреть потом нашу новую комнату?

— Конечно.

— Я думаю, вы красивая.

— Спасибо, Мэнди. Ты тоже красивая.

— Папа сказал, что вы красивая, но я думала, что вы окажетесь старой или еще чего-нибудь.

Ни за что в жизни Лора не согласилась бы взглянуть в этот момент на Джеймса.

— Если ты доела свой пирог, то давай я покажу тебе дом, хорошо?

Девочке не терпелось познакомиться с домом, хотя поначалу размер комнат ее просто испугал. Однако когда они добрались до второго этажа, она уже преодолела свою робость и глаза ее сияли.

— Это будет моя комната? — ахнула Мэнди, вихрем врываясь в спальню Лоры. Она кинулась к окнам, затем к трюмо в углу, потом к туалетному столику и кровати. — Она похожа на комнату принцессы. Папочка, я здесь буду спать?

— Посмотрим, — ответил Джеймс, заметив печальное выражение лица Лоры. — А пока я хочу показать тебе все вокруг дома.

— Давайте посмотрим, найду ли я сама дорогу к парадной двери, — предложила Мэнди, бегая между Джеймсом и Лорой.

— Счастливо погулять. Увидимся позже, — тихо сказала Лора, когда Джеймс пошел следом за дочерью из спальни. — Разве ты не идешь? Лора покачала головой: — Нет.

Мэнди, услышав это, остановилась на верхней ступеньке лестницы.

— О, пожалуйста, Лора. Пожалуйста. Папа сказал, что вы знаете все об Ин... Инди... об этом доме.

Завораживающие глаза Джеймса поддержали мольбу дочери. Против одной пары зеленых глаз Лора еще могла бы устоять, но не против двух.

— Ну хорошо.

Втроем они вышли из дома. Мэнди сразу направилась к заливу, но послушно, хотя и с нетерпением остановилась, когда Джеймс велел ей не ходить дальше без него. После того как они прошли до конца пирса и обратно, они осмотрели пустые конюшни. Как только Лора узнала о состоянии своих финансов, ей пришлось сразу расстаться с лошадьми.

— Папочка, а можно мне пони?

— Лошади требуют большого внимания. Ты будешь заботиться о своем пони?

Мэнди серьезно кивнула:

— Я обещаю.

— Ну тогда я буду присматривать пони, которому нужен дом.

Завизжав от восторга, Мэнди опрометью бросилась к свисавшим с массивных ветвей виргинского дуба качелям. Джеймс усадил ее на них. Смех девочки был заразительным. Когда Джеймс выдохся, Лора стояла, прислонившись к стволу дерева, и улыбалась.

— Поздравляю, Джеймс. Она чудесна.

— Да, чудесна. — Он считал себя вправе хвастаться. Несколько мгновений они наблюдали, как Мэнди разговаривает с улиткой, медленно ползущей по земле.

— Жаль, что ты не сказал мне о ней, — заметила Лора с мягким упреком. — Это избавило бы меня от потрясения.

Внимание Джеймса переключилось с ребенка на женщину, стоявшую рядом с ним. Она нервно срывала листья с нижней ветки дерева.

— Тебя шокировало то, что у меня есть дочь?

— Честно говоря, да.

Он наклонился к Лоре и обольстительно прошептал:

— Ты сомневаешься в моей потенции?

Она покраснела и попыталась скрыть смущение смешком:

— Конечно, нет.

— Буду рад продемонстрировать.

— Джеймс, — пожурела Лора, — просто ты не соответствуешь моему представлению о любящем отце.

— Вполне понятно, — сказал Джеймс, изобразив на лице огорчение. — В годы моей бунтарской юности я поклялся, что никогда не надену оковы.

— И не надел.

— Что, оковы?

— Ну ты же сказал, что не женат. — Не женат. — О!

Джеймса позабавило ее чувство такта.

— Если хочешь узнать что-то о матери Мэнди, почему бы тебе не спросить об этом прямо и открыто?

— А мать Мэнди?

Прямота Лоры удивила Джеймса, и он засмеялся. Но когда он начал говорить, лицо его стало серьезным.

— Я не сообщил тебе ни о Мэнди, ни о ее матери, потому что не хотел, чтобы у тебя сложилось предвзятое представление.

Мэнди, несомненно, была незаконнорожденной, но Лора никогда бы не заклемила ребенка так жестоко, и ее обидело, что Джеймс мог так о ней подумать.

— Я не настолько ханжа. — Единственное, в чем была виновата Лора, так лишь в непреодолимом любопытстве, которое вызывала у нее женщина, родившая Джеймсу Пейдену ребенка, — независимо от того, были ли они женаты или нет. — Она с тобой?

— Кто? Мать Мэнди? Боже упаси!

— Ты хочешь сказать... — Лора растерялась. — Я не понимаю.

Он оперся плечом о ствол дерева и взглянул на нее с высоты своего роста:

— Послушай, Лора. Она была дрянью, понимаешь? Фанатка, которая все время крутилась вокруг автогонщиков. Болталась в барах, которые мы посещали по вечерам. Она всегда была доступна, в любой момент. Обычно я более разборчив, но как-то раз проявил неосторожность, чуть перебрал, и эта девица оказалась в моей постели.

Лора, не в силах больше выдерживать его взгляд, опустила глаза куда-то к его горлу. Пейден действительно не признавал никаких условностей. Он вращался в кругах, которые Лора даже не могла себе представить. Их образы жизни были так же похожи друг на друга, как жизнь эскимоса на жизнь бедуина. Для скольких женщин встреча с Джеймсом заканчивалась его постелью — по неосторожности или по каким-то еще причинам? А она по своей глупости придала такое значение одному поцелую.

— В общем, — сказал Пейден, вновь привлекая ее внимание, — она сумела зацепиться, а мне было слишком все равно, чтобы прогнать ее. Когда она сказала мне, что беременна, я

отреагировал стандартно. Я был вне себя от возмущения. Прежде всего я хотел знать, мой ли это ребенок. Когда эта свежее испечённая мамаша поклялась мне в этом, я признал свою ответственность перед ребенком. Но все, что нужно было от меня этой дряни, так только деньги на аборт.

Он посмотрел на Мэнди, затем устремил взор вдаль.

— А потом, черт его знает, не знаю, что со мной случилось. — Джеймс вздохнул и провел рукой по волосам. — Понимаешь, я стал размышлять. Это был мой ребенок. А мы собирались убить его еще до того, как он родился. Бог свидетель, жизнь может быть непростой, но каждый должен иметь шанс отведать ее.

Джеймс не ждал ответа от Лоры. Он все еще продолжал анализировать такое необычное для него решение — оставить ребенка.

— Вот я и сказал матери Мэнди, что хочу этого ребенка. Эта сука несколько недель орала, что не хочет быть беременной. Но в итоге смирилась с моим упрямством. Чтобы заткнуть ей рот, я пообещал ей кругленькую сумму и свободу — как только родится ребенок. Я даже вынудил ее выйти за меня замуж, чтобы ребенок был законнорожденным. — Он посмотрел на Лору, но увидел лишь макушку — она стояла с опущенной головой, слушая его. — Это были самые долгие девять месяцев в моей жизни. За это время я не раз пожалел о своем решении. Я не хотел ни секунды находиться рядом с этой сучкой. Но потом я начинал думать о моем ребенке, и это давало мне силы вытерпеть ее еще один день, потом еще один, и так — до самого рождения Мэнди. — Счастливый отец снова посмотрел на дочь и не смог сдержать улыбки. — Но моя Мэнди стоила того. Боже, она была просто чудо!

— А что случилось с ее матерью? — хрипло спросила Лора, до глубины души тронутая его рассказом.

Он пожал плечами:

— Как только она поправилась, то сразу ушла, без проблем получив развод, и оставила Мэнди целиком на моем попечении. После этого я видел ее несколько раз. Она сшивалась возле трека. Но это было несколько лет назад. Ей нет до нас никакого дела. И меня это вполне устраивает.

— Но ведь Мэнди ее ребенок! — Лора не могла поверить, что женщина может быть так безразлична к своему ребенку.

— Человеку с твоими нравственными ценностями невозможно понять такое предательство, но я действительно не преувеличивал, когда говорил, что она дрянь.

— А когда ты стал преуспевать...

— Она пыталась получить с меня деньги. Однажды. Но я пресек это в корне.

Его лицо стало таким ожесточенным, что Лора сочла разумным не выяснять, что значит «пресек в корне».

— Трудно тебе было одному справляться с ребенком?

— К тому моменту, когда появилась Мэнди, я уже мог позволить себе нанять няню. Но мой тогдашний

образ жизни, с бесконечными переездами, не годился. Поэтому я и ушел из автогонок. Кроме того, это было слишком опасно.

Лора наконец начала понимать.

— Вот когда тебе перестало быть безразлично — жить или умереть.

— Да, — тихо сказал Джеймс. — Именно тогда я впервые почувствовал страх. Я не хотел оставить Мэнди сиротой. Поэтому я занялся бизнесом. Остальное ты знаешь.

— Ты никогда не думал отдать ее для удочерения? Понимаешь, я могу понять твоё желание дать ей жизнь. Но ведь ты взял на себя огромную ответственность.

Он иронически рассмеялся:

— Я знаю, что это звучит нелепо, но я очень хотел ребенка независимо от того, кем была ее мать.

— Почему, Джеймс?

— Я думаю, — медленно начал он, — это потому, что, когда я сам был ребенком, у меня никогда не было ничего совершенно нового. Все, что я имел, было подержанным. Мне всегда перепали чьи-то вещи. — Его пальцы сжались в кулак. — А Мэнди была моя. Она принадлежала мне. И она будет любить меня. — Тут Джеймс вызывающе выпрямился — видимо, пожалев, что слишком много о себе рассказал. — Наверное, такому человеку, как ты, это трудно понять.

Лора узнала Джеймса Пейдена с такой стороны, которая вряд ли была кому-нибудь известна. Он, как теперь стало ясно, был далеко не таким жестким и грубым, как хотел казаться другим. Просто жизнь обошлась с ним несправедливо, и в качестве выхода он выбрал вызов ей. Его грубость просто была защитной реакцией. Он был на самом деле таким же уязвимым, как любой другой, — по крайней мере в отношении дочери.

— Я понимаю. — У Лоры не было возможности продолжить, потому что в этот момент к ним подбежала Мэнди и взяла каждого из них за руку.

— Покажите мне вон тот маленький домик с дырочками, — попросила она, указывая на беседку. — Ну пожалуйста, Лора, папочка!

Следующий час они провели, осматривая имение — вернее, в поисках Мэнди, чья энергия не знала границ. К тому времени, когда они снова вошли в дом, Лора была без сил.

— Как тебе удастся поспевать за ней? — Она положила руку на вздымавшуюся грудь. Свой осмотр они завершили тем, что наперегонки бежали к дому, и Лора прибежала последней.

— Это непросто, — признался Джеймс, смеясь и вытирая рукавом пот со лба. — Извини за причиненные хлопоты.

— Не было никаких хлопот. Я была рада.

Он шагнул навстречу Лоре и пристально посмотрел в ее покрытое бисеринками пота лицо:

— Правда?

Их голоса зазвучали глуше в затененном холле.

— Да.

— Лора...

— Лора, а вот это Эннмари, — сказала Мэнди, врываясь в дом с улицы. Она достала куклу из машины и теперь гордо демонстрировала ее.

Лора с трудом оторвала взгляд от затуманившихся глаз Джеймса и нагнулась, чтобы быть официально представленной Эннмари. Когда она выпрямилась, момент был упущен, его уже было не вернуть. Она одновременно почувствовала и огромное облегчение, и смутное разочарование. Что он собирался сказать до того, как его перебила Мэнди?

— Мы планируем поздний ленч, Лора. Не хочешь присоединиться к нам?

— Ой, ну соглашайтесь, — умоляла Мэнди, дергая Лору за юбку и подпрыгивая. — Пожалуйста, скажите «да».

— Мне очень жаль, но я не могу. — Лора провела рукой по блестящим волосам Мэнди. — У меня встреча в городе.

Лора помнила, как Джеймс бесцеремонно сунул ей чек за обстановку. И теперь она собиралась немедленно передать чек в банк и уведомить своего адвоката о том, что он может начать оплачивать ее счета.

Никакие уговоры и увещевания со стороны Джеймса и Мэнди не изменили решения Лоры. В конце концов они сдались и попрощались. Лора нагнулась и ласково улыбнулась Мэнди:

— Надеюсь, тебе будет так же хорошо в Индиго-плейс, как и мне, когда я была маленькой девочкой.

— Вы спали в моей комнате?

— Да. Ты с Эннмари позаботишься о нем вместо меня?

Обычно оживленное лицо Мэнди на этот раз было серьезным, когда она кивнула.

— Хорошо. Спасибо. — Лора почувствовала, что вот-вот расплачется, и выпрямилась.

Джеймс сказал:

— У меня здесь есть кое-какая работа. Я приеду завтра утром. Увидимся.

Не доверяя своему голосу, Лора просто кивнула в знак согласия. Она помахала рукой Мэнди, которая вновь повеселела, когда они отъезжали.

Дела Лоры в городе не отняли у нее и той доли времени, на которую она надеялась. Она вернулась домой, когда садилось солнце. Сумерки всегда были для нее грустным временем. Когда она вошла в дом, комнаты порозовели от заката. Ее охватила невыносимая тоска.

Лора поднялась наверх и зажгла лампу в спальне. Длинные тени, которые она отбрасывала на стены, еще больше подчеркивали чувство всепроникающего одиночества. Негромкие звуки, которые издавала Лора, раздеваясь, практически не нарушали мрачную тишину.

Индиго-плейс нуждается в людях. Этому дому, как человеку, нужна семья. А Джеймс и Мэнди и есть семья. Смех ребенка вдохнул новую жизнь в величественные комнаты. Лора чувствовала, что поступает эгоистично, оставаясь здесь, в то время как Пейдены нуждались в своем новом доме.

Какие причины могли бы оправдать ее пребывание в доме до конца отведенного времени? Теперь, когда мебель была продана, не было никакой необходимости откладывать отъезд. Лора уже получила несколько ответов на свои запросы о месте преподавателя. Ей потребуется всего несколько дней, чтобы упаковать те немногие вещи, что у нее остались, загрузить машину и уехать. На период собеседований деньги можно расходовать экономно — до тех пор, пока она окончательно не определится с работой и жильем.

Помимо практических соображений, были еще и чисто эмоциональные.

Лора скучала по Джеймсу, когда его не было рядом. Его хмурое лицо и знойный взгляд стали ей так знакомы, они ей снились по ночам. Его голос, вызывающий и дерзкий, уже больше не раздражал, а стал близким и дорогим. Его движения, его запах, его одежда стали для нее нормой, по которой она теперь судила о других мужчинах.

Ее жизнь совершенно изменилась с тех пор, как Джеймс вылетел из темноты на ревущем мотоцикле. Он заставлял ее думать. Он ее смешил. Он вызывал у нее дрожь.

Ну разве можно быть такой глупой? Как она смешна и жалка! Влюбиться в такого мужчину могло означать лишь одно — катастрофу. И тем не менее именно это с ней и произошло. Точно так же, как и множество женщин до нее, Лора стала жертвой его обаяния, которого на самом деле и не было. Но именно это и делало его неотразимым. Его наплевательское ко всему отношение становилось вызовом для любой женщины, которая встречалась на его пути. Каждая представляла себя единственной женщиной, способной преодолеть его непоколебимое безразличие.

Но чопорная и правильная мисс Лора Нолан не могла и мечтать, чтобы увлечь Джеймса Пейдена, так что было просто смешно питать иллюзии насчет того, чтобы вызвать его интерес, не говоря уже о желании. Она должна уехать, пока не совершила какой-нибудь жуткой глупости и не выставила себя полной дурой.

Она скажет ему завтра. Будет больно. Но позднее будет еще больнее, потому что с каждым днем она любит его все сильнее.

Завтра.

К тому времени, когда Лора спустилась вниз, чтобы выпить утренний кофе, его машина уже стояла у дома. Лора выглянула из окон нескольких комнат, но самого Джеймса нигде не было видно. Выпив несколько чашек кофе, чтобы подкрепить силы перед встречей, которая была так необходима, Лора наконец решила выйти из дома. Только тогда она увидела, что небо затянуто тучами. Низко нависшие облака грозили дождем, и Лора вздрогнула на резком ветру.

Прежде всего она поискала Джеймса на пирсе, но безуспешно. Она уже возвращалась к дому, когда начался дождь. Это был не легкий дождик, медленно и постепенно переходящий в ливень. Дождь сразу полил как из ведра. Только что она была сухой, а через секунду на нее обрушились с неба потоки воды. Она побежала к первому попавшемуся укрытию — к конюшне.

В просторном здании было темно. Пахло сеном, лошадьми и кожей. Все эти запахи не могли

быть неприятны человеку, выросшему с любовью к верховой езде.

Лора стряхнула капли дождя с волос. Стоя на пороге, она смотрела на серебристую стену дождя, отгородившую ее от дома.

— Попалась!

Она резко вскрикнула от испуга и неожиданности, когда кто-то сзади взял ее за плечи. Потом эти же руки повернули ее, и Лора оказалась лицом к лицу с Джеймсом.

— Испугал тебя?

— Знаешь же, что испугал, — сказала она, притворившись сердитой. На самом же деле ее сердце сильно забилося при виде Джеймса. — Я не знала, что ты здесь.

— Ах, жалость-то какая! А я-то думал, что ты ворвалась сюда как раз из-за меня.

— Я ворвалась сюда, только чтобы укрыться от дождя.

Пейден взглянул поверх ее плеча:

— Действительно льет. — Потом он посмотрел ей прямо в глаза. — Мы можем застрять здесь довольно надолго.

Лора была уверена, что в свое время змей-искуситель сказал Еве что-то в этом духе.

Джеймс не отпускал ее. Его теплые руки держали ее за предплечья. Грудь Лоры была прижата к его груди. Он молча смотрел на нее. Лора нервно облизнула губы.

— Что ты делал тут?

— М-м-м? — рассеянно переспросил Джеймс. Его глаза любовались капельками дождя, покрывавшими ее волосы, словно тонкая паутинка. — О, я... гм...

Он сделал несколько шагов вперед, подталкивая Лору к стене.

— Джеймс?

Он продолжал изучать ее лицо. — Ты что-то хотел сказать. — Разве? — Да.

Держа Лору за плечи, Джеймс прижал ее спиной к стене, нагнул голову и коснулся губами ее губ. Немного изменив наклон головы, он захватил ее губы так, что любые протесты, которые могли бы последовать, просто застряли у Лоры в горле. Ее губы откликнулись на его порыв, но сама она все еще пыталась сдержать себя.

— Ну давай же, малышка, поцелуй меня.

— Не хочу, — проговорила она и застонала.

— Нет, хочешь. И ты знаешь, что я прошу. Поцелуй меня так.

Когда язык Джеймса коснулся ее сжатых губ, они раскрылись, словно хрупкие лепестки цветка. Застонав от удовольствия, он просунул язык между ними и проник во влажные глубины ее рта, осторожно и умело распалая Лору все больше и больше.

Умелые, опытные пальцы скользнули вниз, обвившись вокруг ее запястий. Он поднял руки Лоры себе на плечи и оставил их там, а сам прижал ладони к ее бокам, потом провел ими снизу вверх, слегка коснувшись ее груди.

Джеймс приблизился еще на шаг, но когда и это оказалось для него недостаточно близко, он обнял Лору за талию, положил ладони на поясницу и притянул ее к себе, прикинув к ней всем телом.

Лора ахнула от неожиданности, ощутив его возбуждение самой нежной, самой уязвимой частью своего тела. Он потерся о нее интимным, многообещающим движением, и Лора потеряла контроль над собой. Инстинктивно она обхватила бедрами его ноги.

Глубокий клокочущий звук раздался в груди у Джеймса, и его язык скользнул еще глубже в ее рот. Одновременно его руки ласкали ее ягодицы, приподнимая и прижимая ее еще сильнее к своему телу.

Джеймс оторвался от ее губ и прижался ртом к нежной шее.

— Я весь горю, — прошептал он хрипло. — И ты тоже. Давай погасим этот огонь.

Он потянул за ее рубашку, заправленную в брюки, и вытащил ее. Когда Лора почувствовала его руки на обнажившемся животе, ее словно что-то обожгло и одновременно показало, как далеко они зашли.

— Джеймс, нет, — слабо запротестовала она.

— Да, малышка, да. — Он расстегнул нижнюю пуговицу на ее рубашке.

Лора запаниковала.

— Нет! — Она достаточно сильно толкнула Джеймса, чтобы до него наконец дошло. Он поморгал, но прошло еще несколько мгновений, прежде чем его глаза, затуманенные желанием, прояснились.

— Почему? — Его густые брови сошлись к переносице. — Ты же хочешь этого.

Она резко затрясла головой:

— Нет, я хочу поговорить.

— Поговорить? — Протянув руку, он стал наматывать на палец прядь ее волос. Потом провел им по ее влажным от поцелуя губам. — Мне нравится, как ты... беседуешь.

— Нет, Джеймс, послушай меня. Я хотела сказать тебе сегодня, что уезжаю. Послезавтра, если получится. — Лора проигнорировала его удивленное выражение и торопливо продолжила. Она хотела побыстрее высказаться, прежде чем передумает. — Теперь, когда вопрос с мебелью решен, у меня нет никаких причин оставаться. За два дня я успею уложить вещи и буду готова к отъезду.

— Куда ты едешь? — Его лицо потемнело и напряглось.

— Я... Я пока точно не знаю. Но вы с Мэнди должны сразу переехать. Кстати, где она?

— В городе есть женщина, которая присматривает за ней в мое отсутствие.

Лора сочла бы логичным, если бы миссис Пейден заботилась о своей внучке, но не стала касаться этой темы. Она просто не успела, потому что едва об этом подумала, как Джеймс огорошил ее своими словами:

— Я хочу, чтобы ты осталась.

— Осталась? — спросила она ослабевшим голосом.

— Да, в качестве домоправительницы.

Лора расправила спину и вздернула подбородок:

— Мое положение не настолько плачевно, мистер Пейден. — Она бы обошла Джеймса, если бы он не схватил ее за руку и не прижал снова к стене.

— Выслушай меня, прежде чем выражать возмущение. Я не имел в виду управление домом в смысле уборки и готовки. Об этом я уже договорился.

— Домоправительница — достойная профессия. Я только хотела сказать, что не хочу работать на тебя.

— А откуда ты знаешь? Я же не сказал тебе о твоих обязанностях. — Когда Лора не ответила и посмотрела на Джеймса с холодным высокомерием, он продолжил: — Ты мне нужна как хранительница Индиго-плейс. Что-то вроде распорядительницы. Экономка знает, как проводить уборку, но знает ли она, как нужно расставить цветы и какие цветы вообще нужны для подобного дома? Мне необходим человек, который мог бы подобрать посуду для обеда, составить меню и все в таком духе. Теперь понимаешь?

— Да, я понимаю, но твоя идея просто смехотворна. При такой работе мне делать будет нечего. И если уж говорить без всяких церемоний, то мне необходима постоянная работа, причем оплачиваемая.

— Я намерен платить тебе.

— Сколько?

Джеймс назвал сумму, которая ее просто ошеломила.

— Только за икебану и подбор фарфора?

— И за работу с корреспонденцией, за помощь в воспитании Мэнди. Могу перечислить миллион обязанностей.

— Ну а я не могу. У меня здесь никогда не наберется столько дел, чтобы оправдать такую оплату.

Нетерпеливым движением Пейден откинул со лба прядь непослушных волос.

— Послушай, я предлагаю тебе работу. Работу, с которой ты чертовски хорошо справишься. Нам обоим это пойдет на пользу. Ты нужна мне, а тебе, я знаю, нужна работа.

Лора медленно выдохнула и закрыла глаза. Внутри ее боролись два чувства — ярость и унижение, и первое наконец взяло верх. Ей хотелось выместить на Пейдене все свое негодование. Вместо этого, когда она наконец открыла глаза, голос ее был спокоен, хотя и

вибрировал от презрения.

— Не смей жалеть меня. — Сейчас за ней стояла вся гордость ее предков. — Мне не нужно щедрости ни от тебя, ни от кого-либо. И я, безусловно, не хочу ни работать на одного из Пейденов, ни принимать милостыню от самого младшего из них.

Джеймс засунул большие пальцы за пояс джинсов и посмотрел на нее горящим взглядом. Отпустив закушенную зубами нижнюю губу, он медленно и через силу выговорил:

— Ладно. А как насчет того, чтобы выйти замуж за Пейдена?

Глава 6

— В... выйти замуж за Пейдена? За тебя? Он кивнул в знак подтверждения:

— Да, выходи за меня замуж.

— Но это же абсурд!

— Почему?

— Да по миллиону причин. — Лора широко развела руками, словно пытаюсь охватить все эти причины.

— Мы два взрослых одиноких человека, и оба согласны. Вот все, что нужно для того, чтобы пожениться.

Хотя все это звучало вполне разумно, идея по-прежнему казалась Лоре столь Нелепой, что она не находила слов. Пейден же, напротив, вооружился целым арсеналом аргументов.

— Лора, пожалуйста, выслушай меня, прежде чем дашь окончательный ответ. — Он помедлил, собираясь с мыслями. Лора сейчас в первый раз смогла представить его в роли бизнесмена. В таком настроении его нельзя было не послушать. — Я не строю иллюзий относительно того, как меня снова встретят здесь, в Грегори. Я вернулся в город с полными денег карманами, но есть много вещей, которые не купишь ни за какие деньги, как ты откровенно указала мне несколько дней назад. — Мимолетная усмешка тронула его губы. — Я уезжал из города отщепенцем, паршивой овцой. И именно так мое имя навсегда запечатлелось в памяти горожан. Потребуется годы, чтобы изменить ситуацию, если это вообще удастся. — Лора хотела его прервать, но он поднял обе руки, призывая ее к молчанию. — Как ты, наверное, знаешь, мне совершенно плевать на то, что думают люди лично обо мне, но я, черт побери, не позволю им третировать Мэнди только потому, что она моя дочь. Я не могу гарантировать ей заслуживающее уважения место в обществе, а ты можешь. С такой мачехой, как Лора Нолан, ей будет обеспечен

прием в любом кругу общества. Я презираю их, но так уж устроено общество в этом городе.

— Тогда почему ты не обосновался где-нибудь в другом месте?

Джеймс криво улыбнулся и пожал плечами:

— Здесь мой дом. — Он взял обе ее руки в свои и сжал их. — Если проникновение в эти закрытые для других круги является единственным способом обеспечить Мэнди хорошее положение в обществе, то так я и поступлю. Я не хочу, чтобы все праздники проходили мимо

нее, как это было со мной.

У Лоры хватило такта проявить сочувствие.

— Если это все, что ты хочешь, я бы смогла помочь, представив...

Он энергично покачал головой:

— Моей дочери нужна мать, Лора. Я не могу больше быть одновременно и отцом, и матерью. Я никогда не блистал в учебе, но достаточно умен, чтобы понять это. Ей нужно женское влияние. И чем старше она, тем это становится важнее.

— Ты можешь нанять кого-нибудь, как делал это раньше.

Джеймс пренебрежительно отмахнулся от столь неубедительного предложения:

— Это бесполезно. — Он пристально посмотрел на Лору. — Как ты думаешь, моя дочурка сможет тебе понравиться со временем?

— Мэнди? Понравиться? Джеймс, она просто чудо. Конечно, она нравится мне, и думаю, что со временем я бы полюбила ее без памяти. Но здесь все гораздо серьезнее.

— Например?

Лора раздраженно посмотрела на него:

— Например, у нас нет ничего общего. Например, ты можешь влюбиться в кого-нибудь другого. Как и я могу.

Джеймс нахмурился:

— Ты ведь ни в кого другого не влюблена?

— Нет. «Я тебя люблю, — подумала она. — И у меня сердце разрывается от того, что ты предлагаешь

мне брак как деловую сделку». — Просто ничего не получится — и все.

— Разве сохранение Индиго-плейс не стоит некоторых жертв?

«Один — ноль в твою пользу», — подумала Лора. Но она еще не готова была уступить.

— Просьбу провести с тобой всю жизнь вряд ли можно назвать «некоторыми жертвами».

Пейден оперся рукой о стену за ее головой и наклонился вперед:

— Неужели я так ужасен?

Нет. Именно в этом и было все дело. Лора хотела, чтобы Джеймс клялся в вечной любви и всепоглощающей страсти, а он говорил о гувернантке, о домоправительнице, имеющей вес в обществе. Пейден хотел, чтобы Лора проложила ему путь в общество, а она — проложить путь в его постель.

— От этого брака ты получишь мать для Мэнди и мое имя, для того чтобы быть принятым в

обществе.

— А ты сохранишь Индиго-плейс. Очень справедливая сделка, сдается мне. Я внес достаточно денег, чтобы покрыть долги твоего отца.

— Я не шлюха, которую ты можешь купить, Джеймс Пейден.

Раскаianie Джеймса было неподдельным.

— Прости. Это было непростительно бестактное замечание. Я вовсе не подразумевал, что ты продаешься. Видишь ли, Лора, мне, как и моей дочери, необходимы твои наставления. Я преуспел в бизнесе. Я научился играть в жесткие игры с сильными мира сего. Я привел в порядок свою речь — в большинстве случаев — и свои манеры за столом. Но я по-прежнему ничего не смыслю в светском обхождении. Научи меня.

— Я не могу сейчас думать. — Простонав, Лора прижала кончики пальцев к вискам. — Это так...

— Неожиданно? Да, я знаю. По крайней мере для тебя. Сам я уже много дней думаю об этом.

— Много дней! А почему бы не дать нам несколько недель, месяцев?

— Не могу позволить себе столько времени. Мэнди идет осенью в детский сад. Я хочу, чтобы к этому времени все уже утряслось.

Лора как-то сникла:

— Не знаю, почему я вообще говорю об этом. Это бессмысленно.

— Смысла как раз много. Скажи «да».

— Мы же практически не знаем друг друга.

— Мы знаем друг друга много лет.

— Но совершенно не... не...

— Не интимно, — выговорил он слово, которое никак не давалось Лоре.

— Да. — Она так низко склонила голову, что подбородок почти касался ее груди. — Будет ли это исключительно «договоренностью», или ты рассчитываешь, что я буду тебе женой в полном смысле этого слова? — Ее сердце так колотилось, что даже больно было груди.

Приподняв пальцем ее подбородок, Джеймс откинул ей голову назад, пока она наконец не взглянула ему в глаза:

— Ты думаешь, я бы женился на женщине, не ожидая, что она будет делить со мной постель?

Губы Лоры дрожали так сильно, что она не смогла ответить. Только покачала головой. Взгляд Пейдена был сейчас прикован к ее влажным дрожащим губам.

— Не могу дождаться, когда ты окажешься подо мной в постели, — отрывисто прошептал он. — И когда этот момент настанет, я доставлю тебе такое удовольствие, которого ты никогда в жизни не испытывала, мисс Лора.

Она тихо ахнула. — Скажи «да». — Я...

Он прижался горячим, неистовым поцелуем к ее губам, но тут же отстранился.

— Я не приму отказа. Скажи «да».

И он стал целовать ее по-настоящему, страстно захватив ее губы, пока они не раскрылись. Глубокий, опьяняющий поцелуй лишил Лору способности здраво мыслить. Она уступила этому властному диктату.

Пейден не пытался проявить ни малейшей сдержанности и целовал Лору так, словно она осталась последней из женщин на земле, а его время было на исходе. Он целовал ее с такой необузданной свободой, словно никогда и не подозревал о какой-то моральной норме, канонах, регулирующих отношения между мужчиной и женщиной, о каких-то там общественных и религиозных стереотипах, порицающих внебрачную любовь, восхваляющих всеобщую скромность нравов и особенно — женскую стыдливость. Похоже, его дикая и в то же время способная быть удивительно мягкой страстность никогда и не знала никаких рамок и границ.

Губы Лоры все еще трепетали, когда Джеймс наконец оставил их в покое.

— Ну?

— Да.

— Скажи это словами. По-настоящему.

— Да, я... я выйду за тебя замуж.

— Ты станешь женой Пейдена?

Лора кивнула, а ее губы уже с готовностью тянулись к его губам и к новому поцелую. И Джеймс ее не разочаровал. Если до этого его язык был неукротимым, то сейчас он просто неистовствовал, когда проник в ее рот. Она таяла в его руках, чувствуя себя невесомой и податливой, более женственной, чем когда-либо в жизни. Его мужественность требовала от Лоры истинной женственности. Джеймс требовал этого от каждой клеточки ее тела.

Пока губы Лоры продолжали с готовностью участвовать в этом совершенно фантастическом по своей чувственности поцелуе, Джеймс закончил расстегивать ее блузку. Обняв ее за плечи, он расстегнул лифчик. Руки скользнули по бокам, под расстегнутый лифчик, пока не легли на теплые и упругие холмики ее груди.

— Боже, мне всегда до смерти хотелось сделать это! — сказал, вернее, прорычал Джеймс ей в ухо. Губы его заскользили вниз по шее Лоры, пока руки знакомились с ее грудью. — Ты меня сводишь с ума, совершенно сводишь, — простонал он, когда кончики его пальцев легко коснулись нежных бутонов.

Лора издала стон, выражавший одновременно и желание, и стыд, когда ее соски налились под нажимом его умелых рук. Она почувствовала себя теплой и влажной в самом сокровенном уголке своего тела. Впервые в жизни она захотела принадлежать мужчине.

— Так, малышка, так. Ну-ка, хотя бы помурлыкай сейчас для меня. Потому что, когда я буду в тебе, наши тела воистину запоят. Обещаю.

Джеймс слегка согнул колени и потерся о ее груди открытым ртом. Его руки гладили бедра Лоры, слегка раздвинув их, так что, когда он выпрямился, его мужская плоть оказалось в мягкой, податливой впадине.

— Джеймс! — Лора затрепетала и одновременно занервничала.

Его неистовство тут же сменилось нежностью, и он стал тихо успокаивать Лору:

— Ш-ш-ш. — Он пропустил пальцы сквозь ее волосы и прижался губами к щеке, тяжело дыша, пока оба они не успокоились. — Не волнуйся. Я не хочу, чтобы в наш с тобой самый первый раз это случилось в сарае. Мне нужна постель. Брачное ложе. И ты на нем. — Он отодвинулся от Лоры и осторожно запахнул блузку у нее на груди. — У меня была жена, но это был лишь юридический термин. — Джеймс обхватил руками ее лицо и снова стал всматриваться в него, любуясь. — Ты будешь моей новобрачной.

Как только все было окончательно решено, Джеймса с его напором парового катка невозможно было остановить. Судя по всему, он думал об их женитьбе даже больше, чем признался. Иначе все не получилось бы так гладко, с точностью отлаженного часового механизма.

Джеймс позвонил Лоре вечером того же дня, чтобы сообщить, что свадьба состоится в здании суда в субботу. Таким образом, у нее оставалось меньше недели, чтобы подготовиться.

На следующее утро знакомый пикап с урчанием подкатил к парадной двери дома. Бо, муж Глэдис, бывшей экономки семьи Ноланов, даже не успел помочь супруге выйти из машины — так быстро она выбралась сама и с пыхтением одолела ступеньки переднего крыльца, чтобы обнять Лору, которая наблюдала за их неожиданным прибытием с открытым от удивления ртом.

— Ох, как я рада видеть вас! — воскликнула Лора. — Но что вы делаете здесь так рано утром?

— Вернулись обратно на работу, вот что, — ответила Глэдис.

— Обратно на...

— Мистер Пейден снова нанял нас, и, сдаётся мне, очень вовремя, — сказала Глэдис с напускнутой ворчливостью. — Не могу представить, что там творится на моей кухне.

Она вытащила фартук из огромной сумки и завязала его на своей внушительной талии.

— Бо, ты что, так весь день и будешь стоять столбом и глупо улыбаться или же наконец перенесешь наши вещи в дом и начнешь приводить двор в порядок? Боже, Боже, вы только посмотрите на эту клумбу! — Глэдис по-хозяйски обняла Лору за плечи. — Пойдем в дом, моя овечка. Уходи с этой жары. Я соображу тебе чего-нибудь на завтрак. А то ты тоньше, чем ивовый пруттик. Бьюсь об заклад, ты нормально ни разу не поела с тех пор, как уехала твоя Глэдис.

Со свойственной ей манерой командовать всеми Глэдис вновь приступила к выполнению обязанностей экономки. Заметив слезы в глазах Лоры, она тут же забеспокоилась и заключила молодую женщину в свои удушьющие объятия.

— Нет, нет, ничего не случилось, — заверила ее Лора. — Просто я так рада, что вы с Бо вернулись.

— Ну будет же, будет, моя овечка, перестань плакать. Мы о тебе позаботимся, как и обещали твоему папе. А теперь у меня есть еще кого баловать — это Мэнди Пейден. Девчушка напоминает мне тебя, когда ты была в ее возрасте.

Возвращение Бертонов освободило Лору от необходимости заниматься домашним хозяйством. Единственное неудобство, вызванное этим событием, состояло в том, что теперь у нее появилось больше времени размышлять о предстоящем браке с Джеймсом Пейденом.

Вскоре эта новость была объявлена официально. Лора действительно собиралась выйти замуж за Джеймса. Она надеялась, что об их свадьбе будет лишь небольшое сообщение в колонке светской хроники. Но оказалось, что городская газета напечатала о них огромную статью. Лора была представлена в ней ни больше ни меньше как самая очаровательная леди, — первая красавица светского общества в Грегори, а Джеймс изображен как вернувшийся с победой герой. Пейден посмеялся над помпезностью статьи, вспомнив то время, когда кто-то в этой же газете написал статью о «вандализме» в средней школе.

— Это было, когда мы с друзьями напились и решили, что пушка конфедератов перед зданием суда будет выглядеть лучше, если ее покрасить в розовый цвет.

— И вы действительно это сделали? — воскликнула Лора, со смехом вспоминая негодование, которое вызвал этот инцидент у граждан города. Они с Джеймсом сидели на крыльце Индиго-плейс в плетеном диване-качалке. Мэнди была на кухне, «помогая» Глэдис печь пирожные к чаю. — Ходили слухи, что это твоих рук дело, но я думала, что это просто сплетни.

— Мы использовали смываемую краску. — В голосе Джеймса прозвучало раскаяние, но при этом он лукаво подмигнул ей, и Лоре сразу подумалось, что он повторил бы эту выходку и сейчас, если бы только представилась хоть малейшая возможность.

— Какой ты плохой мальчик.

— Да уж, действительно. — Пейден притянул ее к себе для очередного весьма сексуального поцелуя. —

Я и тебя сделаю такой, — пообещал он страстным шепотом.

Именно этого Лора и боялась. С тех пор как она приняла предложение Джеймса, он не упускал случая, чтобы поцеловать или нежно погладить ее. Каждый из этих поцелуев заставлял ее трепетать от желания. И хотя ей нравилось это чувство, оно в то же время и пугало.

Внешне город радушно принял блудного сына, но Лора не обманывалась по поводу этой внезапной перемены. В представлении жителей Грегори Джеймс навсегда останется полубеспорядочным мальчишкой Пейденом, вечным сорванцом. Теперь, когда мисс Лора Нолан собиралась стать женой этого необузданного парня, она стала предметом косых взглядов и слухов — тех, что сопровождали раньше девочек, решавшихся отправиться с Пейденом в кино на его машине.

Лора ходила с гордо поднятой головой и сдержанно принимала поздравления со свадьбой. Сидевший же внутри ее чертик так и подмывал сказать: «Да, поцелуй этого дикаря действительно так хороши, как о них говорят, и даже гораздо лучше».

Если отношения между женихом и невестой вызывали у городских всезнаек лишь любопытство, то они совершенно исходили завистью по поводу бриллиантового кольца, отягощавшего левую руку Лоры шестью с половиной каратами.

— Но, Джеймс, это... я не могу... почему...

Когда он надел кольцо на указательный палец Лоры, она не смогла вымолвить ни слова.

— Бриллиант напомнил мне тебя, — сказал Пейден, глядя неотрывно в ее глаза. — Внешне такой холодный и гладкий, но внутри весь полыхает.

— Но он такой... огромный.

Последнее слово было произнесено слабым голосом. Джеймс в это время нежно покусывал мочку ее уха.

— Малышка, я жду не дождусь, чтобы разжечь в тебе этот самый огонь.

Руки Лоры свободно обвили его шею, и она полностью отдалась страстному поцелую.

— Где мы будем спать? — пробормотал он у самых ее губ, когда слегка отстранился от нее.

— Когда? — переспросила Лора, опьяненная поцелуем и почти уверенная в том, что он намерен прямо сейчас уложить ее в постель.

Он хмыкнул:

— Когда поженимся.

— О! — Покраснев до корней волос, она оттолкнула Джеймса и безуспешно попыталась пригладить волосы. — Не знаю, о чем я думала.

— Зато я знаю. — Лениво улыбаясь, Пейден скользнул пальцами по ее груди. — И мне нравится эта идея. Очень. Но я хочу подождать до субботней ночи. А пока просто хочу наслаждаться мыслями о тебе. Кроме того, боюсь, Глэдис отстегает меня, если я только допущу неверный шаг по отношению к ее милой овечке.

Лора задрожала от ощущений, которые вызвали его пальцы, но заставила себя сосредоточиться на вопросе, который затронул будущий супруг.

— Мэнди займет мою спальню, так ведь?

— Скорее всего. Она называет ее «комнатой принцессы», — сказал он с улыбкой, которая обычно предназначалась его дочери. — И в любом случае эта спальня теперь слишком мала для нас двоих, как ты считаешь?

— Пожалуй. И в парадных покоях есть камин, а это так приятно в холодные зимние вечера.

— Только для уюта. Для тепла он нам не потребуется.

— Да, система кондиционера действует в доме круглый год.

— Я совсем не это имел в виду. — Его рука обвилась вокруг Лоры, он прижал ее к себе. Джеймс нагнул голову, и последовал еще один продолжительный поцелуй.

На следующий день Лора старалась не думать об этом поцелуе. Они вместе с Глэдис начали готовить парадные покои для молодоженов. Со времени смерти ее матери спальня и прилегающие к ней гардеробная и ванная приобрели какой-то холостяцкий дух. Старый

Рэндольф Нолан на всем сумел оставить свой отпечаток.

Не лишая свою старую спальню очарования «комнаты принцессы», Лора перенесла кое-какие свои вещи в парадные покои. Застелила постель новым бельем, повесила в ванной новые полотенца. Они с Глэдис остались довольны результатом. Сейчас парадная спальня стала смотреться уютнее, приобрела какие-то мягкие тона. «Романтично», — подумалось Лоре, но она решительно отогнала от себя это, как ей показалось, неуместное слово.

За день до свадьбы Джеймс и Мэнди официально переехали, привезя с собой совсем мало вещей — только одежду, книги и игрушки Мэнди. Пейден продал всю мебель вместе со своим домом в Атланте.

К наступлению темноты все устали, но это была приятная усталость. Мэнди немножко покапризничала, что придется провести еще одну ночь в отеле, но Джеймс пообещал дочери, что это будет последняя ночь. У Лоры после его прощального поцелуя перехватило дыхание и ослабели ноги.

— Потом, — с сожалением сказал Джеймс, когда наконец отпустил ее.

Невесте совершенно нечем было занять себя на следующее утро. Оставалось только страшиться предстоящей церемонии и «делать из себя красавицу», по выражению Глэдис.

И если бы не успокаивающее присутствие Глэдис рядом на лестнице, то Лора, может быть, так и не решилась бы сойти вниз навстречу Джеймсу, который приехал, чтобы отвезти ее в город.

— Что я наделала? — спрашивала она себя вновь и вновь.

Но когда вместе с Джеймсом она вошла в кабинет судьи и они начали давать брачный обет, Лора поняла, почему приняла предложение Пейдена. Она любила его. Теперь действительно любила. Хотела быть с ним. То, что она будет жить с ним не где-нибудь, а именно в Индиго-плейс, было дополнительной наградой. Но не такой уж значительной, подумала она, когда в конце короткой церемонии повернулась к Джеймсу и просто взглянула на его счастливое лицо.

— Привет, малышка, — прошептал он.

Его одежда полностью соответствовала случаю, поведение было безупречным. Но за всей этой внешней благопристойностью, подобающей торжественности момента, Лора по-прежнему видела мужчину необузданного, яростного и опасного — вечное заманчивое искушение для «порядочных девушек». Поцелуй, который он запечатлел на губах Лоры, был далек от общепринятых приличий. Он длился бесконечно, и судья дипломатично покашлял.

На церемонии бракосочетания присутствовали только Глэдис, Бо и Мэнди. До этого Лора осторожно спросила Джеймса, будет ли присутствовать его мать, но он резко ответил «нет». Лора сочла разумным оставить эту тему.

После церемонии Джеймс настоял на том, чтобы угостить их ужином с шампанским в самом шикарном ресторане города, где он заранее заказал столик.

К тому времени, как они вернулись в Индиго-плейс, голова у Лоры раскалывалась от боли. Нервы ее были на пределе. Джеймс, должно быть, почувствовал это. Он подошел к ней сзади, когда Лора помогала Мэнди распаковывать ее последний чемодан. Он мягко положил руки ей на плечи и сказал:

— Я плачу Глэдис за то, чтобы она делала эту работу. Иди в нашу комнату и отдохни. Я скоро приду.

— Но Мэнди...

— Я прослежу, чтобы она легла. — Он поцеловал Лору сзади в шею. — Сними это платье. Оно прекрасно, и ты отлично выглядишь в нем, но я уверен, что ты найдешь что-нибудь более... удобное... чтобы набросить. Прошу прощения за клише.

Лора поцеловала Мэнди, поблагодарила Глэдис и Бо, который вносил оставшиеся чемоданы Джеймса, и пожелала всем спокойной ночи.

Проглотив две таблетки аспирина, она приняла ванну, надеясь, что теплая вода снимет нервное напряжение. Долго просидела у зеркала, расчесывая волосы, втирая в кожу лосьон, пока она не стала как шелк. Лора даже подушилась в таких интимных местах, что это бросило ее в краску. Приготовив себя к брачной ночи, она стала зажигать в комнате ароматизированные свечи и наконец занялась постелью.

Ее усилия были вознаграждены. Когда Джеймс вошел в комнату, то на несколько мгновений замер на пороге, прежде чем тихо закрыл дверь. Увиденное приятно удивило его.

Лора, стоявшая посреди комнаты, нервно перебирая пальцами, спросила:

— Как Мэнди?

— Она уже спит. Уговорила Глэдис спеть ей колыбельную. Глэдис чуть не заснула раньше Мэнди. — Джеймс хмыкнул, снимая с себя пиджак. Он замечательно смотрелся в мастерски сшитой жилетке, которая облегалась его стройный торс, сужаясь к талии.

Он бросил пиджак на кресло-качалку, которую Лора распорядилась перенести в их спальню. Лора взяла его пиджак и понесла в гардеробную. Джеймс последовал за ней, расстегивая пуговицы на жилетке. Она повесила пиджак на вешалку и протянула руку к жилетке, которую он бросил на пуфик у трюмо.

— Что ты делаешь? — Он поймал ее руку на полпути, когда она тянулась к вешалке.

— Вешаю твою одежду.

Он выдернул жилетку у Лоры из рук и небрежно бросил ее на пол.

— Это замечательно, что ты такая заботливая жена, но... — Он нагнул голову и потерся губами о ее шею. — Я в состоянии придумать кое-какие иные обязанности жены, которыми ты могла бы сейчас заняться.

Джеймс подхватил ее на руки и прижал к груди. Лора схватилась за его рубашку и держалась, пока он нес ее в спальню. Пристально и напряженно глядя Лоре в лицо, он подошел к кровати и опустил ее на пол.

— Я сказал тебе, какой прекрасной невестой ты была?

Лора покачала головой, и от этого движения ее волосы скользнули по пальцам, ласкавшим ее шею. Он осуждающе поцокал языком:

— Мне должно быть стыдно. Ты была... прекрасна. Платье сидело на тебе великолепно. — Его

глаза пробежали вниз по ее телу, разглядывая нежно-голубое negligé из шелка и кружев. — Но так ты мне больше нравишься.

Он прижался губами к ее рту. Их губы раскрылись, их языки переплелись, и поцелуй становился все глубже и глубже. Джеймс сбросил с плеч Лоры кружевной халат, и он скользнул на ковер к ее ногам. Лора задрожала от наслаждения, когда руки Джеймса легко пробежали по ее телу, часто задерживаясь, чтобы познакомиться с изгибом ее стана, с каждым укромным уголком.

Когда Джеймс поднял голову, он посмотрел на ее груди, поддерживаемые прозрачными чашечками, ничего не скрывавшими от его взора. Глаза его сузились, и он застонал:

— Боже, ты меня...

Он сжал зубы, из груди его вырвался хрип. Он зажмурился. Нашупав руку Лоры, он взял ее и прижал к рвавшейся из брюк плоти.

Лора побледнела, потом густо покраснела. Но Джеймс не видел этого, потому что его глаза были по-прежнему закрыты. Он лишь наслаждался восхитительным ощущением ее нежных пальцев, касавшихся его тела. Он шептал слова, которые шокировали Лору и одновременно заставляли трепетать.

— Хорошо, как хорошо, — бормотал Джеймс, словами возбуждая свою жену.

Спустя несколько мгновений он открыл глаза и глубоко вздохнул, улыбнувшись ей с явным сожалением. Он отпустил ее руку, и Лора тут же отстранилась.

— Я хочу, чтобы мы не торопились. А я не смогу сдержаться, если мы слишком увлечемся этим.

Лора молча кивнула, не уверенная в том, что вообще сможет когда-нибудь заговорить. Она стояла неподвижно, словно статуя, пока он расстегивал пуговицы рубашки. Потом он небрежно бросил рубашку на ковер рядом с халатом. Оставив жену стоять, он сел на край кровати, чтобы снять туфли и носки. Лора же, казалось, ничего не могла сделать без подсказки, как будто утратила способность мыслить и тем более действовать самостоятельно.

Джеймс расстегнул пряжку на ремне и брюки, но дальше не продвинулся. Его взгляд не мог оторваться от прелестной картины, которую представляла грудь Лоры в соблазнительной ночной рубашке. Наконец он посмотрел на ее лицо.

— Я даже раздеться не могу: мои руки так и рвутся к тебе.

Он слегка сжал руками ее талию и притянул Лору к себе так, что она оказалась у края кровати, между его широко расставленными коленями. Он потерся лицом о ее грудь, затем коснулся ее раскрытыми губами. Его язык обжигал даже сквозь кружево. Руки заскользили вниз, от талии к бедрам, лаская, обнимая. Он все крепче и крепче прижимал к себе жену.

— Ты божественно пахнешь. Я помню, как хотел поближе подойти к тебе, чтобы просто вдохнуть твой запах. Мне казалось, что никто не может быть свежее и чище, чем мисс Лора Нолан. Только ты способна быть такой. — Из груди Джеймса вырвался вздох глубочайшего желания, и он зарылся лицом в грудь Лоры, подчеркнутую плотно облегающим фасоном ночной рубашки.

Впереди на рубашке был ряд перламутровых пуговиц. Они служили скорее украшением, потому что рубашку можно было легко снимать и надевать, не расстегивая их. Но Джеймс предпочел расстегивать их одну за другой. Он делал это очень медленно, останавливаясь после каждой расстегнутой пуговицы, чтобы воздать должное тому, что открывалось ему с каждым следующим движением. Когда пуговицы освобождались из тонких петель, груди Лоры вздымались между раскрывающимися краями кружева, пока наконец полностью не обнажились.

Лора даже не представляла себе, насколько чувственным и соблазняющим может быть рот мужчины. Она заворожено следила, как рот Джеймса поочередно ласкал ее груди. Она видела ищущее движение его губ, сжимающиеся щеки, проворные движения языка. А потом наслаждение стало так велико, что она закрыла глаза. Лору бросило в жар, она почувствовала, как вся вспотела. Ночной воздух слегка охладил ее кожу, когда голова Джеймса опустилась ниже и он стал целовать живот Лоры.

Пуговицы продолжали расстегиваться под его опытными руками. Джеймс снял с ее плеч бретельки ночной рубашки, которая стала спадать, и повторил руками это скользкое движение мягкого шелка вдоль тела Лоры. Рубашка упала и легла вокруг ее ног, но Джеймс даже не дал Лоре возможности переступить через нее.

Он поцеловал жену в пупок, потом ниже, еще ниже. Он целовал такие места, которые Лора всегда считала запретными для поцелуев.

Она плыла в океане новых, неизведанных, восхитительных ощущений. Ее пальцы запутались в его волосах, невольно сжимая шелковистые пряди. Джеймс стал крепче прижимать ее тело к своему лицу, к ласкающим губам. Лора выгнула спину и подчинилась ему, даже не задумываясь теперь о том, что же вообще можно считать в сексе неприличным.

Она почувствовала способность что-то соображать, лишь когда Джеймс взял ее на руки, осторожно уложил на кровать и лег сам, частично накрыв жену своим телом. Лора открыла глаза, и томный голубой взгляд встретился с напряженным зеленым. Муж с трудом сдерживал дыхание, которое теплыми волнами вырывалось ей в лицо.

— Я хочу тебя.

Не отрывая от нее разгоряченного взгляда, он опустил руки вниз и расстегнул брюки. Лора смотрела на Джеймса заворожено, словно лань, попавшая в поле зрения охотника. За скрежетом молнии последовало шуршание ткани о кожу, когда он спустил брюки и резко отбросил их в сторону. Упругое бедро мужа коснулось ее ног.

— Приготовься. Я собираюсь поцеловать тебя так, как давно хотел. — Его голос звучал отрывисто, глубоко и агрессивно.

Его рот буквально обрушился на Лору, но она уже ждала его. Язык Джеймса грубо раздвинул ее губы, но, когда он проник в ее рот, она сжала губы и втянула его в себя еще глубже. Ногти ее впились в крепкие мышцы его спины.

Коленом он раздвинул ее бедра и лег на бок так, что Лора в полной мере могла почувствовать его возбуждение. Он потерялся о ее бедро. Вырывавшиеся из его груди звуки были полны жажды и страсти.

Джеймс оторвался от губ Лоры, порозовевших и влажных, и скользнул ртом к груди. Его горячие и пылкие поцелуи сдерживались лишь желанием доставить ей такое же наслаждение,

которое испытывал он сам. Его язык был проворен и игрив. Он выполнял каждый каприз хозяина, осуществлял любую изощренную фантазию.

Рука Джеймса как бы разгладила внешнюю сторону бедра Лоры, добралась до колена и, обхватив его снизу, слегка приподняла, чтобы погладить чувствительную нижнюю часть бедра. Рука пробиралась выше и еще выше, к источнику сжигавшего ее пламени.

Когда он коснулся ее между ног, реакция Лоры была неистовой и преисполненной дикой красоты. Она выгнулась на постели и резко вскрикнула в исступленном восторге. Джеймс, тяжело дыша и едва сдерживаясь, чтобы немедленно не овладеть ею, кончиком пальца очертил круг вокруг средоточия ее женственности. Лора буквально выдохнула его имя и вцепилась в его плечи. Палец Джеймса проник во влажную глубину, лаская мягкую плоть, наслаждаясь влагой, пробираясь все глубже.

Еще один удар сердца — и... И Джеймс уже сидел на краю постели, упершись локтями в колени и сжав ладонями голову. Он тяжело дышал, и этот звук резко контрастировал с романтическим видом спальни.

Лора, закрыв одной рукой глаза — другая рука в это время лежала как-то беспомощно и уязвимо, ладонью вверх, — прикусила нижнюю губу, чтобы Джеймс не услышал ее плач.

— Почему ты мне не сказала?

— Я не понимаю. Чего не сказала?

— Не сказала, что ты девственница.

— Я... — Лора попыталась избавиться от сухости во рту, несколько раз сглотнув, но это не помогло. — Я думала, ты знаешь.

— А вот и не знал.

Рассердившись, Джеймс быстро встал с постели и в несколько шагов пересек комнату. Испугавшись его резкого движения, Лора вздрогнула. Он направился к антикварному складному столику для чая, который сейчас служил баром. Лора думала, что этот вроде бы бесполезный предмет обстановки просто добавит уюта комнате, и никогда не предполагала, что ему найдется применение. Но Джеймс вытащил пробку из хрустального графина и налил себе щедрую порцию бурбона в стакан для коктейля. Он осушил виски в два глотка.

От ужаса перед этим внезапным приступом ярости Лора натянула простыню до подбородка: ей почему-то вдруг захотелось скрыть свою наготу. На ее груди все еще виднелись небольшие царапинки — следы от заросшего к вечеру подбородка Джеймса. Лора по-прежнему ощущала на губах его поцелуи, а что касается других частей тела, то они все еще пульсировали от неудовлетворенного желания.

— Разве моя девственность что-то меняет? — спросила она дрожащим голосом.

— Меняет? — Джеймс резко обернулся. — Да, черт возьми, меняет!

Его вид на мгновение зачаровал ее. Наготу скрывали лишь плавки, и он выглядел неистовым, мужественным и крайне возбужденным. Его страсть еще не улеглась, как отметила про себя Лора, взглянув на его тело, туда, где туго натянулись плавки.

Тело Джеймса покрывал равномерный загар. Волоски на груди и животе были Светло-каштановые и слегка позолоченные солнцем. Они становились темнее только в той густой поросли, что окружала его пупок.

— Почему? — Лора искренне недоумевала как из-за этой внезапной и бурной перемены настроения, так и по поводу названной им причины.

Он запустил руки в волосы, еще сильнее взлохматив их. Казалось, он не замечает, что практически совсем раздет и это приводит в смятение его новобрачную.

— Разве ты не понимаешь, какую ответственность взваливает на себя мужчина, когда лишает девушку невинности?

Лора, широко раскрыв глаза, непонимающе посмотрела на Джеймса и покачала головой. Он витиевато выругался и налил себе еще порцию бурбона. Выпив содержимое одним глотком, он с такой силой поставил стакан на столик, что зазвенела другая посуда.

Проходя по комнате, он погасил свет, затем, вызывающе покачиваясь, подошел к кровати. Он сильно нахмурился, отчего на лбу образовались морщины. Рот его был таким же капризным, как у маленького мальчика, чей воздушный змей только что запутался в ветвях дерева.

Он засунул пальцы за резинку плавок.

— Ты вообще когда-нибудь видела обнаженного мужчину?

Лора сильно сглотнула и покачала головой:

— Только в журналах.

Джеймс вновь выругался — не так громко, но более грубо.

— Ну так приготовься.

Она попыталась, но он совсем не дал ей времени. Да это и не имело значения, потому что ничто не могло бы подготовить ее к тому виду, в котором предстал перед ней Джеймс. Он все еще был возбужден. Но вместо того чтобы почувствовать страх или отвращение, как он, вероятно, предполагал, Лора была заинтригована, возбуждена — и глубоко разочарована, когда он погасил свет.

Она почувствовала, как матрас прогнулся под весом его тела, когда он устроился рядом с ней. Натянув на себя простыню, Джеймс повернулся к Лоре спиной.

Никогда в жизни Лора не чувствовала себя более отвергнутой. Она лежала в темноте, вся сжавшись, пытаясь не сотрясать постель своими рыданиями. Слезы лились у нее по щекам ручьем. Она не сдержалась и шмыгнула носом.

Джеймс повернулся к ней:

— Лора?

Когда она ответила тихим, прерывающимся от рыданий голосом, он чертыхнулся, но подвинулся к ней и обнял рукой за плечи.

— Не надо. Не плачь. Я не сержусь на тебя.

— Я всегда думала, что мужья хотят, чтобы их жены достались им девственницами. Вот никогда бы не подумала, что лично у тебя, наоборот, из-за этого пропадет желание.

Желание у Джеймса отнюдь не пропало, только он не стал сообщать об этом Лоре.

— Ты здесь совершенно ни при чем, — сказал он виновато, пропуская ее волосы сквозь свои пальцы. — Просто я никогда не рассчитывал на то, что именно я лишу девственности мисс Лору Нолан. Вот и все.

— Миссис Лору Пейден, — прошептала она в темноте.

Джеймс улыбнулся и, рискуя потерять выдержку, наклонился и нежно поцеловал ее в висок.

Глава 7

Джеймс сидел на пирсе, свесив ноги над водой, и обзывал себя самыми скверными ругательствами, которые только вообще мог припомнить. Когда он исчерпал весь свой запас, то начал придумывать их.

Прошлой ночью у него в постели была прекрасная женщина. Обнаженная — и жаждущая. Прекрасная, обнаженная, жаждущая женщина, которая к тому же еще и его жена... А он, как идиот, не стал заниматься с ней любовью. Впервые с тех пор, как он потерял невинность в нежном тринадцатилетнем возрасте с опытной девицей восемнадцати лет, взявшей на себя инициативу, Джеймс Пейден оказался неспособен взять женщину.

Неспособен не в физическом смысле. Черт, нет, конечно, не в физическом. В этом смысле он до сих пор был готов. Несколько раз в течение ночи Джеймс просыпался, мучаясь от желания. Рядом с ним спала Лора. Он чувствовал ее запах, исходящее от нее тепло, слышал ее мягкое дыхание.

На рассвете, разозлившись на себя, он встал и потихоньку покинул спальню, стараясь не разбудить жену. Надев только шорты, которые бесшумно достал из ящика комода, он вышел из дома.

Утро было влажным и безветренным. Гардении и жимолость, в изобилии росшие в лесу, окружавшем Индиго-плейс, 22, наполнили своим ароматом теплый воздух. Солнечные лучи пробивались сквозь туман, нависший над заливом Сент-Грегори, — пока еще недостаточно теплые, чтобы разогнать его.

Почему? — спрашивал он себя. Почему то, что Лора оказалась целомудренной, явилось для него таким мощным сдерживающим моментом? Джеймс все думал и думал над этим вопросом и наконец пришел к некоторым выводам.

Во-первых, у него никогда не было девственницы — по той самой причине, что он назвал Лоре прошлой ночью. Он не хотел брать на себя ответственность. Странно, что такой ловелас, как он, испытывал подобные угрызения совести — но так оно и было.

Его никогда не останавливало то, что он может еще больше испортить плохую или сомнительную репутацию женщины, но совесть не позволяла ему скомпрометировать девушку. Ему также было неприятно причинять боль. Секс для Пейдена всегда был чистым удовольствием. Ему было невыносимо думать, что его партнерша не получает от этого хотя бы какого-то удовлетворения.

«Но она же моя жена!» — спорил он сам с собой.

И все же для Джеймса оказаться первым возлюбленным Лоры Нолан означало огромную ответственность. Он не был уверен, что выдержит ее. Его раздражало то, что он чувствовал себя недостойным такой женщины, но именно в этом и была причина его колебаний.

Когда тебя изначально окрестили отщепенцем, то постепенно и сам начинаешь думать, что, может, люди и правы. Вряд ли можно было бы найти более разных людей, чем они с Лорой. В глазах всего общества они абсолютно не подходили друг другу. Лора Нолан представляла одну из самых аристократических семей Джорджии. А Джеймс Пейден всегда считался оборванцем и изгоем. Он сам глубоко верил в то, что действительно недостаточно хорош для Лоры.

Джеймс выругался, разбрызгал ногой воду и встал. Сгорбив плечи, он сердито направился по пирсу к берегу.

Разве он уже не доказал всем, что можно преодолеть свое прошлое, если только проявить настойчивость? Разве его слава и его деньги не обеспечили ему приглашения в самые известные дома Юга? Какого черта он пытается доказать этим беднякам из Грегори?

Пейден пережил свое прошлое, оставив все позади, как бы отмежевываясь от него. Он практически перестал общаться с собственной матерью, лишь посылая ей ежемесячно щедрое пособие. Почему же он должен чувствовать себя неполноценным по отношению к кому-то?

И все же он жутко испугался, когда Лора так доверилась ему.

Потому что дело было не только в комплексе неполноценности, но и в том чувстве вины, которое испытывал Джеймс. Ему страшно не хотелось, чтобы Лора узнала, что он вернулся в Грегори не только с намерением купить Индиго-плейс, 22, но и жениться на ней. Кажущаяся спонтанность его предложения была обманчивой. На самом деле он все тщательно подготовил.

Лора и Индиго-плейс были неотделимы друг от друга. Они были единым целым. И Джеймс хотел получить все целиком. Лора и этот адрес символизировали все, к чему он когда-либо стремился и не мог получить... до нынешнего момента.

Когда нанятые им люди сообщили, что на продажу выставляется Индиго-плейс, 22, Пейден немедленно привел в действие свой план переселения. Время совпало так удачно, что лучшего и пожелать было нельзя. Мэнди предстояло пойти в детский сад после окончания летних каникул. В кратчайший срок Джеймс продал в Атланте дом и всю обстановку, завершил продажу своей фирмы и теперь был полностью готов пустить корни в Грегори. Живя в Индиго-плейс и имея женой Лору Нолан, он станет вхож в те дома, двери которых ранее для него были закрыты.

Однако, подумал Пейден, замедляя свои решительные шаги в направлении дома, Лора Нолан оказалась совсем иной, чем ему представлялось. Она была по-прежнему красива неброской, утонченной красотой. Ее лоск и манеры по-прежнему были безупречны. Она говорила все так же ярко и выразительно. Без всяких сомнений, это была истинная леди.

Но она еще оказалась и настоящей, страстной женщиной, а на это Джеймс не рассчитывал. Он думал, что уговорит ее выйти за него замуж, без всяких эмоций утвердит свои права мужа, а затем между ними установятся сдержанные и достаточно дружеские отношения на благо им обоим. Но эти отношения не будут слишком касаться личной жизни каждого. Ему представлялось, что он заведет себе любовницу, где-нибудь вне города, милую, услужливую женщину, удовлетворяющую его страсть, которую его жена наверняка сочтет пошлой и

отвратительной.

Джеймс испытал глубокое потрясение, обнаружив, что та чопорная и воспитанная девочка, которую он помнил, тоже сгорает от страсти. За ее холодной внешностью крылся тлеющий огонь в ожидании того единственного мужчины, который придет и разожжет его. Лора сразу вытеснила из его мыслей планы завести любовницу или вообще иметь какую-то связь на стороне. Если кому-то и суждено удовлетворить его страсть, то Джеймс теперь хотел, чтобы это была его жена.

В дни, предшествовавшие свадьбе, он думал гораздо больше о предстоящей брачной ночи, нежели о том, что его цель вот-вот осуществится. Присутствие Лоры в его жизни стало для него намного важнее, чем обретение нового социального статуса. Пейдена тревожило то волнение, которое охватило его перед свадьбой. Ему было страшно признаться себе, что Лора — женщина, достойная того, чтобы ею дорожили. А не просто трофеем, венчающий его достижения.

Джеймса никогда не волновало, любит его кто-нибудь или нет — за исключением Мэнди. А теперь ему нужна была еще и любовь Лоры.

— Папа! — прокричала Мэнди, стоя у задней двери. — Глэдис говорит, что, если ты сию минуту не придешь, твой завтрак остынет.

Джеймс помахал дочери рукой и остаток пути к дому пробежал трусцой. Пока он размышлял на пирсе, Глэдис и Бо всю занялись работой по дому. Бо уже вскапывал землю на клумбе для азалий. До Джеймса донесся запах жареного бекона.

Как только он вошел в дом, Мэнди протянула ему чистую футболку. Он крепко обнял и поцеловал дочь, и вместе они сели за стол, который Глэдис оставила тарелками с едой.

— Когда закончите, я подготовлю поднос с завтраком для Лоры, — сказала экономка, наполняя чашку Джеймса кофе. — Она, пожалуй, слишком устала, чтобы спуститься сегодня к завтраку, — подмигнула ему Глэдис. Джеймс болезненно скривился, глядя в свою тарелку с блинчиками.

Как и обещала, Глэдис приготовила поднос для Лоры.

— Можно я тоже пойду ее будить, папа? — спросила Мэнди, когда Джеймс взял поднос и направился к выходу из кухни.

— Нет, душечка, побудь со мной. Мне может понадобится твоя помощь, — сказала Глэдис.

— Да нет, пусть идет, Глэдис. — На самом деле Джеймс даже рад был присутствию Мэнди в качестве буфера между ним и его девственной новобрачной. — Лоре не удалось вчера побыть с Мэнди подольше. Я уверен, что она не будет возражать.

Мэнди взлетела вверх по лестнице впереди отца, но у двери парадных покоев Джеймс остановил ее, чтобы она не ворвалась туда.

— Давай сначала я войду, — предложил он, вспомнив, что Лора была совсем раздета. Когда он покинул ее, одна нога жены лежала поверх покрывала, а из-под простыни выглядывал розовый венчик груди. — Ты оставайся здесь и сторожи поднос, пока я не позову тебя.

На лице Мэнди было написано разочарование, но она повиновалась отцу, когда он опустил

тяжелый поднос на столик в коридоре. Джеймс осторожно открыл двери спальни и на цыпочках вошел в затемненную комнату. Направившись сначала к окнам, он открыл ставни, наполнив комнату солнечным светом.

Взяв ночную рубашку и халат Лоры, которые в его больших руках казались всего лишь полоской ткани и кружева, он понес их в гардеробную. Там он поменял их на более скромный халат и вернулся с ним к кровати.

Он присел на край постели. Во сне Лора выглядела наивной и совсем еще юной. Ее каштановые, чуть высветленные солнцем волосы разметались по подушке. Картина была настолько пленительной, что Джеймс не смог удержаться от искушения дотронуться до них и пропустить прядь между пальцами. Глаза его с пристрастием изучали очертания ее тела под простыней. Плечи, выглядывавшие из-под простыни, были кремовыми и гладкими, словно лепестки магнолии, и, как Джеймс уже знал по опыту, столь же благоухающими.

Отделанный кружевом край простыни все еще ласкал один сосок, розовый и разгоряченный от сна, каждый раз, когда она делала вдох. От этого касания сосок слегка напрягся. Джеймс почувствовал возбуждение, и хотя он только что поел, внутри появилось сосущее чувство, словно от голода.

— Лора. — Ему было так приятно выговаривать ее имя. До этого момента он не знал, что Лора — самое любимое его имя. — Лора. — Джеймс повторил ее имя не только чтобы разбудить ее, но и просто ради удовольствия произнести его еще раз.

Ее веки сонно затрепетали.

— М-м-м?

— За дверью одна очень нетерпеливая приемная дочь ждет, чтобы пожелать тебе доброго утра.

Она наконец открыла глаза. То, с чем столкнулся ее взгляд, сразу окончательно разбудило ее. Ноги Джеймса чуть выше коленей. Одеты в плотно облегающие мягкие шорты, со всей очевидностью подчеркивавшие его пол.

Отбросив волосы с лица, она села, потянув на себя простыню.

— Доброе утро.

— Привет.

В этот момент Лора задумалась о том, была ли исходящая от него сексуальная притягательность намеренной, или же это просто его естественное состояние? Была ли эта сексуальность такой же неотъемлемой его чертой, как зеленые глаза и пухлая нижняя губа?

Исходящая от Джеймса мужественность всегда намекала на то, что он постоянно либо думает о сексе, либо планирует заняться им, либо вспоминает о нем. И не важно, был ли он при этом одет в костюм с галстуком, шорты с футболкой или же был голым. При виде его невольно возникала мысль о хищнике, который ищет добычу и совершенно уверен в том, что поймает и одолеет ее. Пейдену была присуща какая-то постоянная неудовлетворенность, которая импонировала каждой женщине и заставляла ее стремиться стать той, которая наконец утолит этот его постоянный голод.

— Проголодалась?

Лора быстро взглянула на него. Он что, прочитал ее мысли?

— Да, пожалуй, голодна.

— Хорошо. Глэдис приготовила тебе завтрак, прямо как для лесоруба. Ты не против, если мы с Мэнди побудем с тобой, пока ты завтракаешь?

— Буду рада.

— Я позову ее. Но пожалуй, тебе лучше прежде накинуть вот это. — Джеймс протянул халат, который принес из гардеробной. Поскольку муж не оставил ей выбора, Лоре пришлось отпустить простыню. Она скользнула к ее талии, обнажив грудь.

Джеймс помог ей продеть руки в рукава, но, когда она по привычке потянулась к пуговицам, он мягко оттолкнул ее руки.

Не торопясь, он сам застегнул каждую пуговку, а потом завязал бант, который был продет в прорези под грудью. Когда он коснулся мягкой выпуклости груди, оба сделали вид, что не заметили этого.

Закончив, Джеймс отодвинулся и посмотрел на нее с удовлетворением, заправил ей за ухо выбившийся локон и сказал:

— Ну вот, замечательно.

Потом, просто потому что не в силах был устоять, он взял ее грудь в ладонь и подтолкнул вверх так, что она приподнялась над скромным вырезом ночной рубашки. Он нагнулся и прижался губами к гладкой коже, подарив ей неторопливый поцелуй.

Лора была так растрогана этим нежным жестом, что едва совладала с голосом, когда несколько мгновений спустя Джеймс открыл дверь и в комнату ворвалась Мэнди. Она прыгнула на середину постели и приветствовала Лору бурным поцелуем.

— Это здесь спал папа? — спросила она, взбивая пустующую рядом с Лорой подушку.

— Да, — ответила Лора, нервно покосившись на Джеймса, который в это время ставил поднос ей на колени.

— Прямо как по телевизору, — сказала Мэнди, сияя.

— По телевизору? — Лора пила кофе, который Джеймс так заботливо налил ей, прежде чем снова сел на край постели, так, что их бедра соприкоснулись.

— По телевизору всегда показывают мамочку и папочку, и они всегда спят в одной постели. А у меня мамочки не было, и поэтому папе всегда приходилось спать одному. А сейчас уже не нужно. Я рада, что ты теперь моя мамочка.

Лора поставила свою чашку. От волнения у нее перехватило горло.

— Я тоже рада, Мэнди. — Она протянула руки к девочке. Мэнди бросилась к ней и крепко прижалась к ее груди.

Лора посмотрела на Джеймса поверх головы Мэнди. Он поцеловал свой палец и приложил его к мягким губам Лоры.

В их семейной жизни установился определенный распорядок. Джеймс часто работал у телефона по утрам и во второй половине дня. Лора подозревала, что он делает то, что и собирался: ищет интересный способ вложить капитал, что бы заработать свой следующий миллион. Даже в юности, при всей его необузданности, он никогда не был увальнем, никогда не плелся в хвосте.

Джеймс обсуждал с Лорой некоторые свои идеи об инвестициях. Она была потрясена его честолюбием. Ничто не пугало его. Он шел напролом и расправлялся с препятствиями, расшвыривая их в стороны, но, если нужно, был гибок и ловок. Самые невероятные идеи он мог представить как вполне осуществимые. Почта, которую Пейден получал от известных промышленников, свидетельствовала, что не только Лора считала его идеи практичными и осуществимыми.

Они часто ездили в город. Лора перестала стесняться показываться на людях с Джеймсом и свыклась с ролью матери Мэнди. Она упивалась ощущением того, что она частичка этой семьи. От ее внимания не ускользали оценивающие взгляды, которых удостаивался Джеймс, и втайне Лору радовало, что именно она рядом с ним.

Горожане разговаривали с ними радушно, но общество еще не до конца приняло Джеймса. Всех поражало его богатство, но никто не торопился раскрыть ему свои объятия. Джеймс никогда не заговаривал на эту тему, но Лора знала, что это беспокоит его, и скорее из-за Мэнди, чем лично из-за самого себя.

— Джеймс, — решила Лора как-то вечером. Они сидели в передней гостиной. Мэнди заснула, положив голову на колени Лоры, пока та читала ей. Джеймс изучал газету «Уолл-стрит джорнэл». («Уолл-стрит джорнэл» — газета финансовых кругов США. Уолл-стрит — главная улица финансового центра г. Нью-Йорк.)

— М-м-м?

— Почему бы нам не устроить вечер? Он опустил краешек газеты.

— Вечер?

— В Индиго-плейс так давно не было вечеров, последний был задолго до смерти отца.

— А что ты предлагаешь?

Он задал вопрос почти сердито, но Лора чувствовала, что он заинтересовался.

— Ну, что-нибудь не очень официальное, с массой людей и оркестром. Пока еще погода теплая. Мы могли бы тогда открыть все двери, чтобы гости выходили в сад. Можно повесить фонарики на деревьях и на пирсе. Глэдис и Бо с удовольствием бы похвастались домом теперь, когда ты столько здесь изменил. Как ты думаешь?

Муж свернул газету, отложил ее и пристально посмотрел на нее:

— Будет ли это вечер просто ради удовольствия, или же у тебя есть какие-то иные мотивы?

— Какие же у меня могут быть мотивы?

— Это будет наш с Мэнди дебют, не так ли?

Лора не отвела взгляда. Они были женаты уже несколько недель, но она все еще была его женой только формально. Она знала, что Джеймс хочет ее. Часто она ловила на себе его взгляд — то тоскливый, то откровенно страстный. Желание, которое он не мог скрыть, вызывало у Лоры такую же ответную жажду. Днем они ладили очень хорошо. У них никогда не было недостатка в интересных или забавных темах. Их разговоры постоянно сопровождались смехом.

Но когда они каждый вечер входили в спальню, то становились совершенно другими, чувствуя неловкость по отношению друг к другу. От напряжения, казалось, вибрирует воздух. Раздевались они в темноте. Уже в постели они поворачивались друг к другу лицом. Всегда в темноте. Джеймс ласкал ее, но никогда — в интимных местах. Иногда он целовал ее, но поцелуи теперь никогда не были долгими и пылкими. Нервы Лоры всегда были напряжены до предела. Лора была на взводе — словно пружина. И постоянно начеку, чтобы ненароком не спугнуть Джеймса.

Она хотела, чтобы муж овладел ею, вот и все. Она хотела почувствовать мощь его требовательного напора внутри себя. Почему Джеймс избегал близости, оставалось загадкой. Ведь не собирался же он навсегда оставить ее девственницей. Теперь уж он должен был привыкнуть к этой мысли и что-то решить для себя. Может быть, он ждет какого-то ободряющего знака с ее стороны? Может быть, именно сейчас ей представилась та самая возможность показать ему, как она жаждет его?

Откинув назад волосы и глядя Джеймсу прямо в глаза, Лора сказала:

— Я горжусь тобой и Мэнди и хочу вами похвастаться перед моими друзьями. Я хочу, чтобы все в городе знали, как я рада быть твоей женой.

Чтобы она не увидела, как эти слова подействовали на него, Джеймс резко встал и направился к окну, стараясь держаться спиной к Лоре. Ему хотелось спросить: «Ты делаешь это для меня? Почему?» И в ответ ему так хотелось услышать слова: «Потому что я тебя люблю».

Однако Джеймса можно было обвинить в чем угодно, только не в отсутствии реализма. Жизнь научила его этому. Он боялся форсировать этот вопрос с Лорой, потому что сам еще испытывал двойственное чувство по отношению к ней.

А что, если, упаси Господи, он неверно истолковывает ее чувства? Может быть, Лора рада быть его женой просто потому, что теперь у нее неограниченный счет в банке.

Да, конечно, она не транжирит деньги и даже с большой неохотой взяла чековую книжку, которую он вручил ей. Но он достаточно общался с коварными женщинами, чтобы не доверять мотивам, которые на первый взгляд кажутся искренними. Неоспоримым фактом остается то, что он вытащил Лору Нолан из серьезной переделки. Возможно, то, что он видел в ее глазах каждый раз, когда она смотрела на него, было не более чем простой благодарностью.

Менее всего он хотел от нее благодарности. Какой мужчина с мозгами захочет благодарности от прелестной, чувственной женщины? Только не он! Поэтому когда Джеймс ответил ей, его голос звучал более раздраженно, чем ему хотелось бы.

Сникнув от отсутствия энтузиазма у Джеймса, Лора извинилась и повела Мэнди наверх. А ночью, когда Джеймс присоединился к Лоре в постели, он снова отвернулся.

Не было никакой ласки, не было поцелуев. Даже в темноте.

Лора тем не менее упорно стала готовиться к проведению вечера. На следующее утро она заказала карточки для рассылки приглашений. Неделю спустя, когда она размышляла над списком гостей, сидя в гостиной за секретером, туда вошел Джеймс, громко стуча каблуками по деревянному полу.

Опершись руками о спинку стула, он наклонился и через ее плечо стал читать список вещей, которые необходимо было заказать. Сбоку от этой колонки Лора составила другую, где аккуратно указала, сколько планирует выделить денег на каждый пункт.

— Не экономь ни на чем. Давай сделаем все как следует: покажем этим грегорианским задавакам, что к чему.

— Ты уверен, что хочешь предоставить мне карт-бланш? — спросила Лора, поддразнивая. — У меня дорогой вкус.

Джеймс чмокнул ее сначала в кончик носа, потом в губы.

— Твой дорогой вкус — это один из моментов, который мне нравится в тебе больше всего. — Когда он улыбнулся своей многозначительной улыбкой, внутри у нее все растаяло, сердце сильно забило. — Ты не уделишь мне минутку?

— Да, — хрипло ответила Лора. Она надеялась, что муж может предложить направиться вверх, в спальню.

Вместо этого он взял ее за руку и повел к выходу:

— Давай выйдем. Я хочу кое-что показать тебе. Скрыв разочарование, Лора позволила ему проводить ее до входной двери, которую Джеймс торжественно открыл. В его зеленых глазах плясали озорные огоньки.

Когда Лора перешагнула порог, то раскрыла рот от удивления. У дома были припаркованы три трейлера для перевозки лошадей. Она мгновенно узнала своих лошадей, которых в это время осторожно выводили из трейлеров.

— Это... они... — Ее глаза наполнились слезами.

— Я так и думал, что, может, они тебе знакомы.

— Ох, Джеймс! — Она повернулась к нему лицом. — Как ты их нашел?

— Связи, — ответил он с ленивой и хвастливой улыбкой.

— Джеймс! — Она бросилась к нему и порывисто обняла. — Спасибо, — горячо прошептала Лора, потом отпустила его и быстро пошла вниз по ступенькам, чтобы вновь увидеть лошадей, проданных много месяцев назад.

Трудно было определить, кто больше взволнован, Лора или Мэнди, ставшая восторженной владелицей маленького пони. Лошадей отвели в стойла, которые Бо тайно готовил заранее. Мэнди вручили седло, и Лора лично дала ей первый урок верховой езды. Лишь обещание Лоры вновь позаниматься с ней на следующий день смогло убедить Мэнди покинуть конюшню и принять ванну перед обедом.

Лора в сумраке конюшни заботливо чистила после езды свою любимую лошадь. Вошел Джеймс

и стал ей помогать.

— Спасибо еще раз.

— Мне больше понравилось, как ты поблагодарила меня первый раз.

Он опирался спиной о столб, согнув одну ногу в колене. Взгляд его был, как всегда, дерзок. Но Лора увидела в нем еще и вызов. Бросив щетку, она вышла из стойла и, подойдя к нему, встала перед ним, прямо между его бедрами.

— Вот так, ты хотел сказать? — Она обхватила его шею руками.

— Угу. — Джеймс сцепил руки у нее на талии.

— Почему ты сделал это?

— Что, выкупил лошадей назад? — Когда Лора кивнула, он объяснил: — По двум причинам. Думал, заработаю себе несколько очков в твоих глазах.

— Заработал. А вторая причина?

— Мне нравится видеть, что может сделать твоя прелестная маленькая попка с обыкновенными джинсами. — Джеймс скользнул руками в задние карманы ее джинсов и притянул ее к себе так, что их тела тесно прижались друг к другу.

— Искренне благодарю вас, сэр, но какое это имеет отношение...

— Ты едешь верхом, значит, надеваешь джинсы.

— Гм-м... начинаю понимать направление твоих мыслей.

— Еще одно такое движение, малышка, и ты получишь нечто большее, чем направление мыслей.

Едва он выговорил эти слова, как его губы слились с ее губами в жарком поцелуе. Но к сожалению, прежде чем поцелуй мог превратиться в нечто большее, им помешали.

— Прошу прощения, Джеймс, но вас — к телефону, срочно: междугородный звонок. — В дверном проеме, держа в руке шляпу, неуверенно топтался Бо.

Рассерженный Джеймс пробормотал что-то очень неприличное, покидая конюшню.

После этого, как ни странно, их отношения стали еще более напряженными.

Лора была уверена, что той же ночью Джеймс наконец займется с ней любовью. И умом, и сердцем она была готова к этому. Целый час она прихорашивалась перед зеркалом, затем скользнула между душистыми простынями.

Джеймс очень долго обсуждал свои дела по телефону, и Лора снова почувствовала себя униженной и отвергнутой. К тому моменту, когда муж поднялся наверх, она так накрутила себя, что просто кипела.

— Обязательно нужно так топать, когда поднимаешься по лестнице? — Лора накинулась на него, как только он закрыл за собой дверь спальни. — Войска Шермана (Генерал Шерман —

командующий западной армией северян в Гражданскую войну в США 1861 — 1865 гг.) не шумели так, когда шли маршем через Джорджию.

Джеймс обзвонил всех по своей телефонной книжке, пока пытался решить, достаточно ли у него тонкости и умения, чтобы обладать девственницей. Он знал, что Лора, наверняка наслышанная о его репутации непревзойденного любовника, ожидает от него многого. Он сейчас воспринимал все, мягко выражаясь, очень болезненно. Поднимаясь в спальню, он рассчитывал встретить нежность, а столкнулся с громом и молниями. Он тут же обиделся:

— Глубоко сожалею, мадам, что потревожил ваш прекрасный сон.

Лора с раздражением откинулась на подушки. Когда Джеймс лег, воздух между ними накалился от взаимной враждебности. Не было не только ласк и поцелуев — они даже не пожелали друг другу доброй ночи, хотя оба долгое время лежали без сна.

На следующий день супруги продолжали дуться друг на друга и умудрились не один раз вспылить. Как только Джеймс и Лора оказывались в одной комнате, обстановка в доме становилась такой бурной, что Лора решила: будет разумно, если они немного побудут друг без друга. Она вызвалась выполнить несколько заказов Глэдис и за компанию взяла с собой Мэнди.

Хозяйственный магазин был последним в их списке. Чтобы попасть туда, им нужно было проехать мимо дома, где жила Леона Пейден. Подчиняясь внезапному порыву, Лора повернула на узкую дорожку и поставила машину рядом с неброским автомобилем одной из последних моделей.

— Куда мы идем, мамочка? — спросила Мэнди. Обращение, которое так естественно использовала

Мэнди, всегда вызывало у Лоры довольную улыбку.

— Навестить одну даму. Постарайся вести себя прилично, хорошо?

Лора почувствовала внутреннюю дрожь, когда они вышли из машины. То, что она собиралась сделать, было рискованным шагом. Она играла с огнем, вмешиваясь в дело, которое ее совершенно не касалось. Но ее страшно беспокоило то, что Джеймс просто игнорировал существование своей матери. И Лора намеревалась исправить это, если таковое вообще было возможно.

Кирпичный домик был небольшим, но аккуратным, по обе стороны дорожки высажен барвинок. Держа Мэнди за руку, Лора нажала на кнопку звонка. Спустя мгновение входная дверь отворилась. На пороге стояла мать Джеймса. Ее потрясение было неподдельным. После нескольких мгновений напряженной тишины она спросила:

— Лора Нолан, не так ли?

— Здравствуйте, миссис Пейден. Я не знала, помните ли вы меня. — Вы замужем за Джеймсом. — Да.

— Я читала об этом в газете. Не хотите ли войти? Ее приглашение прозвучало почти извиняющимся тоном, и сердце Лоры рванулось навстречу женщине, которая ужасно настрадалась за свою жизнь.

— Я бы хотела погостить у вас минуту. Если мы вам не помешаем.

— Господи, да нет же. — Миссис Пейден толкнула дверь, затянутую сеткой, и отошла в сторону, чтобы Лора и Мэнди могли войти в безупречно чистую гостиную. Она посмотрела на Мэнди и протянула к ней руку, отдернув ее, когда уже почти коснулась девочки. — Это?.. — Ее была дрожь, и она не смогла закончить свой вопрос. Лора ответила за нее:

— Это Мэнди. — Она мягко подтолкнула девочку вперед.

Но в этом даже не было необходимости. Сказался мягкий характер Мэнди.

— Здравствуйте. Меня зовут Мэнди Пейден. А это Эннмари. — Она подняла куклу, с которой почти не расставалась. — Эннмари самая моя лучшая подруга. Не считая мамочки и папочки. Вы знаете моего папочку?

Последовавший за этим час был одним из самых эмоционально изматывающих в жизни Лоры. Она не знала, то ли улыбаться наивной болтовне Мэнди, то ли плакать над той явной жадностью, с которой миссис Пейден слушала ее. Когда они уезжали, Лора обняла пожилую женщину и пообещала:

— Мы скоро еще приедем.

Мэнди говорила о своей новой знакомой весь обратный путь. Когда они подъехали к дому, Лора попросила:

— Мэнди, насчет того, куда мы сегодня ходили. Давай сохраним это...

— Вон папуля!

И прежде чем Лора успела предупредить Мэнди с необходимости сохранить в секрете их визит, та открыла дверь машины и побежала встречать Джеймса, спускавшегося с переднего крыльца. Он подхватил дочку на руки и высоко поднял над головой, а Мэнди верещала от восторга.

К тому времени как Лора подошла к ним, Мэнди уже захлебывалась словами:

— И она живет в хорошеньком домике, только не таком большом и красивом, как Индиго-плейс. У нее волосы вроде белые и вроде коричневые, а глаза у нее зеленые, как у нас с тобой, только у нее больше мор-шинок. Она сказала, что я могу называть ее бабушкой, если захочу. А еще она дала мне печенье из коробочки. Но она сказала, что, когда я в следующий раз приду к ней, она мне испечет печенье. И у нее на телевизоре твоя фотография, и ты на ней такой смешной. Наверное, это было еще до того, как ты отрастил бакенбарды. Она была такой хорошей, только мне кажется, она немного грустная, потому что, когда она смотрела на меня, я думала, что она заплачет. И она сказала, что умеет шить и сделает нам с Эннмари одинаковые платья.

Мэнди затихла, когда со свойственной детям пронизательностью поняла, что папа не разделяет ее энтузиазма по поводу нового друга. Напротив, она никогда раньше не видела у него такого лица. Оно напомнило ей о плохих дядях в телевизоре.

— Глэдис приготовила тебе вкусный ленч, — сказал он, внося Мэнди в дом. — Она рассердится, если мы позволим остыть твоей куриной лапше.

Джеймс усадил дочь за стол в кухне, накрытый на троих. Радостная улыбка Глэдис угасла, когда она увидела напряженное лицо Лоры.

Стало совершенно очевидным, что Джеймс вот-вот взорвется.

— Глэдис, когда Мэнди закончит есть, — сказал он отрывисто, — предлагаю тебе уложить ее отдохнуть. У нее было очень активное утро.

— А вы разве не будете есть? — спросила Глэдис, у которой в данный момент нашлось больше смелости, чем у Лоры.

— Нет. Лора, я бы хотел поговорить с тобой наверху.

И чтобы пресечь какие-либо возражения с ее стороны, он схватил ее за руку и практически протащил за собой до самых парадных покоев.

Как только они вошли в спальню, он разразился гневной тирадой:

— Я хочу знать, о чем ты, черт побери, думала, когда повезла мою дочь к ней?!

— Не кричи на меня.

— Отвечай мне! — заорал он в ответ.

— Она же твоя мать, Джеймс.

— Это одна из самых жестоких шуток судьбы. Лора вздрогнула.

— Твое отношение к ней просто ужасно. Как тебе не стыдно, Джеймс!

— Я посылал ей деньги каждый месяц. — Его губы скривились в презрительной усмешке.

— Ну конечно! — сердито воскликнула Лора. — Я видела новый дом и новую мебель, машину. Ее одежда, несомненно, гораздо лучше той, что она носила тогда, много лет назад. Она хорошо питается и выглядит здоровой. Но я также увидела ее одиночество и отчаяние. Она просто изголодалась по общению, ей так хотелось поговорить. Тебе нужно было видеть ее с Мэнди. Она...

— Ты не имела права везти туда мою дочь без моего разрешения, Лора.

Она пропустила эти слова мимо ушей.

— Не могу даже описать тебе, как она была нежна с твоим ребенком. Я видела, как ей хочется стиснуть Мэнди в объятиях.

— Я не хочу этого слушать. — Он рассек воздух руками.

— И каждый раз, когда упоминалось твое имя, она ловила каждое слово. На столе в ее гостиной я видела статью из газеты о нашей свадьбе. Она лежала на целой стопке таких вырезок. И все они — о тебе. Их разворачивали и складывали столько раз, что они уже совсем истерлись.

Из глаз у нее потекли слезы при воспоминании о тех газетных вырезках. Это было жалкое зрелище. Нетерпеливым жестом она смахнула слезы, не столько расстроенная, сколько

рассерженная.

— Как ты можешь быть таким жестоким? Как ты можешь так бессердечно не пускать в свою жизнь родную мать?

— Это мое дело, — процедил он сквозь зубы.

— Не знаю, что она совершила, чтобы ты так ожесточился, но ведь...

— Не вмешивайся в это. Тебя это не касается.

— Нет, касается. Я твоя жена.

— Не совсем. — Он захлопнул за собой дверь. — Но я намерен исправить это прямо сейчас.

Глава 8

— Что ты собираешься делать? — Лора осторожно отступила назад.

— Я собираюсь сделать тебя своей женой. Сделать тебя женщиной. — Джеймс резко шагнул вперед и схватил ее за плечи.

— Нет! — Она попыталась высвободить руки, но он был слишком силен.

— Хочешь совать свой нос в то, что тебя не касается? — с издевкой спросил Пейден. — Так знай: главное твое место — в моей постели.

Он толкнул Лору на постель. Она упала на спину и попыталась откатиться, но он тут же накрыл ее своим телом.

— Прежде чем вы начнете управлять моей жизнью, миссис Пейден, вам следует научиться управлять лично мною.

— Ты груб! — Ее голубые глаза метали молнии, когда она практически выплюнула эти слова ему в лицо. — Отпусти меня.

— Ни за что, малышка.

— И прекрати называть меня малышкой. Я не одна из твоих случайных подружек.

— Это уж точно, черт побери, — сказал Джеймс, коротко хохотнув. — Ты что, думаешь, я тогда стерпел бы твой гонор? Постель — это не то место, где следует выказывать высокомерие. До сих пор, мисс Лора, вам не удалось произвести на меня впечатление.

Он обрушился на нее, словно утверждая свои права. Его губы безжалостно впились в ее губы. Пальцы пробрались сквозь волосы, сжав голову, словно тисками, а язык пошел в наступление.

Лора, негодуя, стала извиваться под мужем и бить его кулачками по спине и плечам. Этим она ничего не добилась, но Джеймсу скоро надоело неумелое сопротивление, и он, обхватив одной рукой оба ее запястья, закинул ей руки за голову и сильными пальцами прижал их к постели. Пуговицы полетели во все стороны, когда он рванул полы блузки. Та же участь ожидала и лифчик. Свободной рукой он сжал ее грудь.

Ладонью Джеймс чувствовал удары ее сердца, и они сказали ему нечто очень важное. Он резко

вскинул голову, приподнялся на руках и посмотрел Лоре в лицо. Жена дышала так же тяжело, как и он, а милое лицо выражало вовсе не отвращение или страх. Это было желание — совершенно явное.

И вновь его рот овладел ее губами — только на этот раз это был совсем иной поцелуй. Да, он был столь же жадный и неистовый, но без капли ожесточенности. Джеймс уже больше не стремился наказать жену, а напротив — жаждал доставить ей удовольствие.

Гнев Лоры постепенно перерастал в другое чувство. Из самого-средоточия ее женственности поднималась горячая волна. Лора по-прежнему пыталась освободить руки, но не для того, чтобы оттолкнуть его, а чтобы активно участвовать в этом бурном обмене поцелуями. Когда Джеймс наконец отпустил их, Лора вцепилась ему в волосы, притянув голову к себе, чтобы удержать его рот.

Застонав, он нагнул голову и стал целовать ее шею так пылко, что на нежной коже выступили чуть заметные отметины.

— Я больше не смогу ждать, малышка. Ты должна быть моей. Сейчас!

Он просунул руку между их телами и поднял ее юбку. Лора помогала ему, приподняв бедра, когда он спускал ее трусики. Джеймс стал судорожно дергать молнию на джинсах, чтобы освободиться от них. Его плоть была твердой и теплой, когда он приник к Лоре.

— Я сделаю тебе больно?

— Не знаю.

— Тебя это пугает? Она помотала головой: — Нет.

Джеймс вошел в нее очень осторожно. Затем, ободренный тем, как ее тело подчиняется ему, завершил вхождение одним быстрым толчком.

Сжав зубы от обуревавших его чувств, Джеймс зарылся лицом в пышную шевелюру Лоры. Он давал ее телу время освоиться с его вторжением, но даже самая невероятная сдержанность не смогла предотвратить то, чего требовала природа. Ритм движений Джеймса нарастал до тех пор, пока пик блаженства не сотряс его, словно взрыв.

Он навалился на Лору, тяжело дыша.

— Тебе больно?

— Нет, — честно ответила она. Боли не было — только огромное чувство неудовлетворенности. Ее тело все еще не успокоилось.

— Прости, — сказал он, поцеловав ее в ухо.

— За что?

Мягко засмеявшись, Джеймс поднял голову и посмотрел в ее озадаченное лицо. Она все еще не знала, чего ей не довелось испытать.

— Моя дорогая, невинная, интеллигентная девочка.

Глаза его были полны тепла, когда он вновь потянулся к ее губам. Его поцелуй был бесконечно

нежен. Это было его извинение за то, что он так грубо целовал ее чуть раньше, хотя Джеймсу казалось, что с тех пор прошла целая вечность, словно это было в другой жизни.

Лора отвечала на его поцелуй с неожиданным для него пылом.

— Лора! Лора! Малышка.

Губы Джеймса еще сильнее прижались к ее губам. Его язык проникал все глубже во влажную теплоту ее рта. Она обняла руками его спину, ноги обхватили его бедра.

— Я снова хочу тебя.

— Мы что, опять этим займемся?

— А мы можем?

— Разве не можем?

— Ты хочешь? — Он с удивлением посмотрел на Лору.

Она решительно кивнула.

Джеймс тут же соскочил с кровати и стал раздеваться с безрассудной небрежностью, отбрасывая одежду в стороны, как только срывал ее с себя. Лора, оставшаяся в постели, раздевалась с такой же торопливостью.

— Черт, что это я такое делаю? — спросил Джеймс вслух сам себя. Стоя обнаженным у постели, он запустил руку в волосы и покачал головой, удивляясь самому себе.

Лора облизнула губы.

— Я думала, мы будем...

— О да, малышка, будем, конечно. Но что за спешка?

Лора выразительно взглянула на нижнюю часть его тела, которая явно говорила о необходимости поторопиться. Он хмыкнул, нагнулся и нежно поцеловал ее в губы.

— Это никуда не денется.

— Обещаешь?

— Обещаю, — хрипло проговорил Джеймс. Он приподнял жену на подушки и откинул покрывало, прежде чем присоединился к ней в постели. А потом нежно заключил ее в объятия. — Ты прекрасна. Ты мне нравишься обнаженной. — Он безудержно целовал ее. Язык любовно изучал ее тело. Лора, испытывавшая поначалу застенчивость, постепенно отдалась во власть ощущений, вызванных его губами, знакомившимися с ее телом.

Каждая частичка ее тела испытала его нежные ласки — грудь, живот, бедра. Укромный уголок между бедрами. Джеймс рассказывал ей хриплым шепотом, как ему нравится целовать ее там, где оставила след его плоть.

И он продолжал целовать Лору, пока она наконец не поняла, за что он извинялся совсем недавно.

Даже после того как она впервые испытала высшее наслаждение, ее вгоняли в краску дерзкие руки и бесстыдные слова, которые он ей шептал. Но постепенно Лора привыкла и теперь краснела не от стыда, а от непередаваемого наслаждения. Его ласкающие руки и рот не унижали Лору, они изучали и мягко раскрепощали ее тело. И через ласки Джеймса она познавала саму себя.

И познала его. Никогда в жизни она не могла себе представить, что тело мужчины может быть таким чувственным пиром. Она ощутила, как прекрасен ее муж. И как только Лора сумела преодолеть застенчивость, так умилившую Джеймса, она сказала ему об этом.

Джеймс нежно обхватил ее голову руками и направил ее вниз, туда, где кончики ее пальцев с любопытством изучали и ласкали его.

— Поцелуй меня. — Он прерывисто вздохнул, когда Лора не только выполнила эту просьбу, но пошла еще дальше, капризно проведя языком по его коже. — Черт, — простонал он. — Я знал, что ты будешь хороша. Я знал.

Всю вторую половину дня супруги провели в постели, любя друг друга так много и так часто, что в спальне стало душно. Их тела стали скользкими от пота. Солнечный свет пробивался через частично открытые ставни, образуя полосы теней на их обнаженных телах. Постепенно эти тени становились все длиннее, падая уже на стены и на пол. А Джеймс и Лора все еще лежали среди смятых влажных простыней, совершая все новые и новые открытия и упиваясь ими.

Джеймс предложил немного остыть, приняв прохладную ванну. Лора сидела между его бедер, спиной прислонившись к его груди, а он откинулся на стенку

ванны. Ленивыми движениями муж лил воду ей на грудь, наблюдая, как струйки стекают по ее телу и уходят между бедер, словно в воронку.

— До сих пор не могу поверить, что я занимаюсь этим с тобой, — задумчиво сказала Лора. Ее пальцы сжимали бедра Джеймса, проверяя силу твердых мышц под покрытой волосками кожей.

— Мы, кажется, женаты.

— Я и в это не могу поверить, — мягко засмеялась Лора.

— Почему?

Она пожала плечами, и Джеймс с наслаждением наблюдал, что этот невольный жест делает с ее грудью.

— Я не знаю. Я думала, что выйду замуж за мужчину совершенно иного типа.

— Ты собиралась выйти замуж за какого-нибудь тихоню, который не имел бы понятия, как доставить тебе удовольствие в постели.

Лора сильно дернула мужа за волосы, росшие на бедре, так резко, что он вскрикнул.

— Не будь таким самодовольным. Отчего это ты так уверен, что доставляешь мне удовольствие в постели?

— Могу доказать это боевыми шрамами. — Он показал на небольшую царапинку у себя на плече.

— Может, я просто из вежливости, — сказала Лора, вновь повторив то движение плечами, которое Джеймс находил столь восхитительным.

— Из вежливости! — Его громкий хохот гулким эхом отразился от покрытых кафелем стен ванны. —

Малышка, даже Эмили Пост (Эмили Пост (1873-1960) — американская журналистка и писательница по вопросам этикета.) не трактовала хорошие манеры так широко.

— Ш-ш-ш. — Лора приложила палец к его губам. — И пожалуйста, впредь уволь меня от хвастливых рассказов о твоих сексуальных талантах. Они только напоминают мне о том, как много у тебя было любовниц. Мне никогда не нравилось слушать о твоих победах — даже в средней школе.

Кончиком пальца Джеймс вывел на ее плече свои инициалы.

— Я могу понять твою реакцию сейчас. Но почему еще тогда?

— Думаю, я уже тогда ревновала.

— Ревновала? — От удивления муж даже привстал, выплеснув часть воды на пол. — Но ты даже никогда не заигрывала со мной.

— Я бы не осмелилась. С тобой было слишком опасно флиртовать. Если бы ты положительно отреагировал, я бы тут же убежала в противоположном направлении. — Она застенчиво опустила ресницы. — Это отнюдь не означает, что ты меня не интересовал. Меня интересуют и тигры, но я не хотела бы остаться с ними наедине.

— Значит, я как тигр, а? — Он обвил руками талию Лоры, подтянул жену повыше к себе на колени и зарычал ей в ухо.

— Да, — пробормотала она, закрывая глаза от удовольствия. — Только более голодный. И более неистовый.

— И более возбужденный.

Джеймс повернул ее лицом к себе. Лора устроилась поудобнее. И к тому моменту, когда они вылезли из ванны, чтобы вытереть друг друга, на полу было больше воды, чем осталось в ванне.

— Как ты считаешь, нам стоит выйти к обеду? — спросила Лора.

— А нужно? — Джеймс держал ее груди в ладонях, игриво дразня большими пальцами чувствительные соски.

— Думаю, нужно.

— Уверена? — Он опустился на колени.

— М-м-м... да.

— Уверена?

В ответ Лора лишь выдохнула его имя.

Гораздо позже, одевшись, они спустились рука об руку по лестнице и вошли в столовую. Стол был сервирован тончайшим фарфором и серебром. Хрусталь отражал мерцающий свет свечей, установленных в середине стола в цветочном обрамлении.

— Мамочка, папочка! — воскликнула Мэнди, соскользнув со стула, когда увидела их. Она подбежала и обхватила обоих за ноги. — Я думала, вы уже никогда не спуститесь. Глэдис велела мне сидеть тихо и смирно, пока вы не придете. Она никак не разрешала мне пойти в вашу комнату и разбудить вас и еще ничего не давала есть, потому что говорила, что я перебью аппетит. Я есть хочу. Почему вы так долго? Сколько вы спали!

— Прости, что заставили тебя ждать, Трикс, — сказал Джеймс без малейшего угрызения совести. Он подхватил Мэнди одной рукой, а вторая все еще обнимала Лору. — Что это все значит? — спросил он, кивая в сторону парадно накрытого обеденного стола.

В это время в столовую торопливо вошла Глэдис. Из двери, которая вела в кухню, доносились восхитительные запахи.

— Это особенный обед, потому что, я так думаю, нам всем есть что отпраздновать. — Она широко улыбнулась им всепонимающей улыбкой.

— Безусловно, есть, — ответил Джеймс, украдкой опустив руку и слегка ущипнув Лору.

— Садитесь, пока обед не остыл. Я знала, что вы голодны. — Экономка многозначительно закатила глаза. Когда Лора покраснела, Глэдис довольно засмеялась.

Обед был роскошным. Это был один из самых счастливых моментов в жизни Лоры. Раньше она думала, что любит Джеймса. Но то чувство, которое появилось у нее сейчас, просто переполняло ее. Его невозможно было сдержать, и не раз на глазах у нее появлялись слезы. Они блестели в свете свечей каждый раз, когда она смотрела на мужа.

— Счастлива? — спросил Джеймс, сжимая ее лежавшую на накрахмаленной скатерти руку.

— Очень.

— И я к этому близок, — протянул он дразнящим голосом. Взгляд его неповторимых зеленых глаз, чуть прикрытых веками и манящих, сосредоточился на губах Лоры.

Вместе они отвели Мэнди наверх, в ее комнату, где переодевание вылилось в настоящий турнир по борьбе. Когда девочка наконец успокоилась, они уложили ее в постель и стали терпеливо выслушивать ее вечернюю молитву. Мэнди просила Бога за всех, кого знала и кого не знала. Когда же она начала перечислять имена звезд рока, Джеймс завершил затянувшуюся молитву решительным «аминь» и погасил свет.

— О чем так глубоко задумалась?

Он подошел к Лоре сзади и положил руки ей на плечи. Она сидела перед своим туалетным столиком, невидящим взглядом уставившись в зеркало. Вернувшись в свою спальню, она разделась и набросила шелковый халат. Джеймс был раздет до пояса.

— Я просто задумалась.

— О чем? — непринужденно спросил он.

— О... — Лора скромно потупила глаза. — Я не принимаю ничего противозачаточного, а ты не...

— Не волнуйся, я об этом позабочусь. — Он помассировал ей шею. — Но ведь тебя беспокоит не только предотвращение беременности, да?

— У меня так много причин, чтобы быть счастливой. — Лора потянулась вверх и накрыла его руку своими ладонями.

— Кажется, мне слышится в твоем голосе невысказанное «но».

Она робко улыбнулась:

— Просто я не решаюсь затронуть тему, которая может испортить сегодняшний день.

Их взгляды пересеклись в зеркале. Он снял руки с ее плеч и без единого слова покинул гардеробную. Лора вздохнула, встала и выключила свет. Когда она вошла в спальню, Джеймс стоял у окна, глубоко засунув руки в карманы брюк.

— Ты был прав, Джеймс. Это совершенно не мое дело.

Он медленно обернулся.

— Позволь мне быть откровенным. — Лора приготовилась к его гневу и была потрясена, когда муж сказал: — Я рассердился не на тебя сегодня днем. Я был зол на себя, потому что ты абсолютно права.

Лора быстро пересекла комнату, взяла его за руку, потянула к постели и усадила на чистые простыни, которые незаметно поменяла Глэдис, пока они обедали.

— Я знаю, что тебе это непросто, но попытайся поговорить со мной об этом, — тихо сказала Лора и ободряюще сжала его руки.

— Да не о чем особенно говорить. Я действительно сукин сын по отношению к матери. Я признаю это. Помимо заботы о ее материальных нуждах, я не хочу иметь с ней ничего общего.

— Почему?

— Потому что она олицетворяет все то, от чего я бежал, когда покинул город десять лет назад. Нищету. Безрадостное существование впроголодь. Репутацию самой жалкой, самой бедной семьи в городе.

— Но ты поднялся выше этого.

— А она нет! — Джеймс встал и начал мерить шагами комнату. — Я умолял ее уехать со мной, но она предпочла остаться с ним.

— С ним? С твоим отцом?

— С отцом? — презрительно спросил он. — Тот пропойца даже не понимал значения этого слова.

Его зеленые глаза наполнились болью, откровенной острой болью.

— Когда я был маленьким мальчиком, я хотел любить его. И я его любил. Я хотел хвастаться своим отцом так, как другие ребята хвастались своими. А потом, когда понял, что за ничтожество мой отец, мне стало стыдно. Другие ребята смеялись над ним, показывали на нас пальцем. И я стал притворяться, что я не его сын, а он вовсе не настоящий мой отец. Чтобы не признаваться в родстве с этим человеком, я выдумал воображаемого мужчину, который якобы когда-то жил с моей матерью.

Лора прижала пальцы к губам, чтобы сдержать готовые вырваться слова утешения, глаза ее наполнились слезами. Боль Джеймса глубоко тронула ее. Неудивительно, что он был таким скандалистом. Его бунт был стремлением хоть как-то привлечь внимание, как-то компенсировать отсутствие любви в его жизни. Он стремился доказать своим протестом, что заслуживает понимания и любви.

— Он взял себе за правило бить нас с матерью. Ты знала об этом?

Лора ахнула и покачала головой.

— Да, бил. Я постоянно боялся спровоцировать его. Потом, когда я уже попрос, то начал давать ему сдачи. Но это только еще больше злило его, и матери здорово доставалось, когда меня не было дома, чтобы защитить ее.

Плечи Лоры поникли, и она закрыла лицо руками:

— О Господи! Джеймс резко обернулся.

— Вот именно! — гневно воскликнул он. — Где был он? Почему он допускает, чтобы подобное происходило с ни в чем не повинными людьми?

— Я не знаю, Джеймс. Не знаю.

Слезы потекли у Лоры из глаз, когда она покачала головой.

— Я решил во что бы то ни стало окончить среднюю школу, чтобы не быть таким же невежественным, как мой старик. Потом я работал в том чертовом гараже, пока не накопил достаточно денег, чтобы уехать. Но прежде — прежде я умолял мать уехать со мной. Но она отказалась покинуть его.

Даже сейчас Джеймс был, похоже, озадачен ее решением и растерянно качал головой.

— Я не мог понять, зачем ей оставаться. Но мама все же осталась. Когда отец умер, я даже не приехал домой на похороны. Я посылал матери деньги, чтобы она не бедствовала, но поклялся никогда не жалеть ее. Она сделала свой выбор.

Джеймс тяжело дышал от гнева и напряжения; он опустил голову, подперев ее руками. В таком подавленном состоянии он выглядел непривычно уязвимым.

Лора положила руку на его взъерошенные волосы и, тщательно подбирая слова, прошептала:

— Может быть, ты судишь ее слишком строго. Ведь могла быть масса причин, которые помешали ей уехать с тобой.

— Например? Что могло бы заставить человека остаться с таким буйным пьяным дьяволом,

каким был отец?

— Страх мести, например. Или любовь.

— Любовь? — недоверчиво переспросил Джеймс.

— Может быть. Любовь невозможно объяснить. Возможно, она любила его, несмотря на буйный характер. Или может быть, она была слишком горда, чтобы уехать. Я понимаю: женщине очень трудно признаться, что муж так мало ценит ее или что поднимает на нее руку. — Лора нежно коснулась его лица. — Или может, она осталась, чтобы защитить тебя, Джеймс. Я уверена, что она хотела для тебя лучшей доли, чем имела сама. Она, возможно, боялась, что отец будет преследовать вас обоих, если она не останется. Я думаю, твоя мать пошла на огромные жертвы ради тебя. Вплоть до того, что рисковала своей жизнью.

Лора ощутила раздвоенность чувств, отразившихся на лице Джеймса, пока он, глубоко задумавшись, разглядывал свои ладони. Она почувствовала, что сейчас ее муж воспринимает решение Леоны Пейден совершенно в ином свете. Его прежняя убежденность заметно поколебалась.

— Джеймс, — тихо спросила Лора, — ты что, стыдишься своей матери? Боишься, что общение с ней напомнит людям о твоём происхождении? Это потому ты не хочешь видеть ее или чтобы тебя видели с ней?

Джеймс долго молчал. Потом повернул голову:

— Фью! Больно бьешь, а? Это удар ниже пояса. — Он снова встал с постели и стал вышагивать по комнате. — Если бы это было так, я был бы настоящим подлецом, да? — Он не ожидал ответа, и его не последовало. — Но наверное, где-то подспудно так оно и было. — Вздохнув, он провел рукой по лицу. — Кто же я после этого, Лора?

— Просто человек.

Она протянула к нему свою руку. Он благодарно принял ее и позволил Лоре притянуть его и уложить рядом с собой. Она прижала его голову к груди и стала гладить его волосы.

— Твоя мать — настоящая леди, Джеймс. Мне она очень нравится.

— Правда?

— Да. Она милая и добрая. Всегда готова угодить.

— У нее что, и правда есть моя фотография?

— В серебряной рамочке. Стоит на самом видном месте в доме.

— Это, должно быть, единственная моя фотография. Ее сделали еще до того, как я уехал из дома. — В его голосе вновь зазвучали нотки былой горечи.

— Может, поэтому она так ею дорожит. Спокойный ответ Лоры окончательно погасил вспышку его враждебности.

— Думаю, меня не убудет, если я позвоню ей.

Поскольку Джеймс не мог видеть ее лица, Лора закусила губу и закрыла глаза, испытыв

огромное чувство облегчения. Спустя мгновение она сказала:

— Твоя мать сама не сделает первого шага к примирению. Она слишком уважает тебя. Думаю, она просто благоговеет перед тобой.

— Ну не знаю, Лора, — скептически пожал плечами Джеймс. — Прошло десять лет. С тех пор много воды утекло. Я, возможно, совсем не такой, каким она меня представляет, совсем не то, что ей нужно.

— На этот счет можешь не сомневаться. Ты ее сын, ее родной ребенок, плоть от плоти, кровь от крови. Она любит тебя и простила бы тебе что угодно. Я убеждена, что та неуверенность, которую ощущаешь ты, не может и сравниться с ее чувством неполноценности.

Еще долго Лора продолжала держать мужа в своих объятиях, одаривая материнской лаской, которой он был лишен в детстве. Лора поняла: Леона Пейден любила сына. Но для жены никчемного озверевшего алкоголика каждый день был борьбой за их выживание — ее и Джеймса. Она просто не находила в себе сил, не могла позволить себе роскошь одаривать сына теплотой и лаской.

Теперь, в тридцать три года, Джеймс Пейден искал этой ласки в объятиях своей любящей жены. Лора провела пальцами по его спине и слегка царапнула, шепча ласковые слова. Она была уверена, что Джеймс помирится с матерью, но ее еще кое-что беспокоило.

— Джеймс?

— Гм-м?

— Ты все еще сердит на Бога? Спустя некоторое время он ответил:

— Он наградил меня любовью — и мы примирились. Да, он все-таки воздал мне добром.

— Как воздал? Каким образом? — поинтересовалась Лора.

Не мудрствуя лукаво Джеймс пояснил:

— Он дал мне Мэнди.

У него чуть не вырвалось: «И тебя», — но все же он так и не сказал жене этих слов. И очень скоро они оба заснули.

Когда на следующее утро Лора проснулась, Джеймс уже спустился вниз. Губы Лоры сами расплзались в улыбку, когда она торопливо принимала душ и одевалась. Затем Лора спустилась в столовую. Джеймс и Мэнди завтракали. Мэнди над чем-то смеялась.

— А что тут у вас такого смешного? — с порога спросила Лора.

Джеймс резко обернулся, чтобы посмотреть на жену, и сердце Лоры безудержно забилось, когда она увидела обращенный на нее горящий взгляд. Она вспомнила, сколько раз он тянулся к ней ночью. Он стремился к ней словно ребенок, отчаянно испуганный тем, что если отпустит ее, то она исчезнет, испарится. Но Лора была с ним рядом, и у нее всегда находились для мужа слова утешения, нежная ласка, поцелуй.

— Папочка щекочет меня. Пощекочи мамочку, пощекочи мамочку, — твердила Мэнди,

подпрыгивая на стуле.

— С огромным удовольствием выполню просьбу. — Джеймс встал из-за стола и направился к Лоре. Ради Мэнди он провел руками вдоль тела жены, словно щекоча ее. Но не забыл при этом и себя, припав к податливым губам Лоры. Губы скользнули вдоль волос к уху. — Какая жалость, что не могу пощекотать тебя так, как вчера. Вот уж когда я заставил тебя поизвиваться. Помнишь?

Лора вспыхнула до корней волос. Джеймс засмеялся довольным смехом мужчины-собственника. После еще одного быстрого и крепкого поцелуя он проводил жену к столу. Сразу после завтрака он извинился, сказав, что ему надо выполнить ряд поручений, и быстро ушел. Лора велела Мэнди помочь Глэдис отнести тарелки в раковину и последовала за Джеймсом. Она вышла в прихожую как раз в тот момент, когда муж натягивал спортивный пиджак.

— Куда-нибудь собираешься? — спросила Лора с притворной невозмутимостью.

Он криво улыбнулся и достал из нагрудного кармана квадратный конверт кремового цвета. Это было одно из приглашений на их вечер. Поперек конверта было написано: «Леоне Пейден».

— Разве тебе не нужна марка?

— Это приглашение будет доставлено лично.

— О, Джеймс, я... — Лора чуть не сказала, что любит его. Вовремя спохватившись, она ограничилась тем, что вошла в кольцо его распростертых рук и крепко обняла мужа. — Хочешь, я поеду с тобой?

— Да, — признался он, еще теснее прижав Лору к себе. Но тут же покачал головой и отстранил ее. — Я очень хочу, чтобы ты была там со мной для моральной поддержки. Но я должен это сделать сам. — В его коротком смешке не было радости. — Я перед гонками никогда не волновался так, как волнуюсь сейчас, перед встречей с собственной матерью.

Лора провела руками по отворотам его пиджака.

— Она будет нервничать гораздо больше, чем ты. Джеймс нагнул голову набок и, прищурившись,

взглянул на жену:

— Надо же, такая сексуальная штучка — и столько человеческой доброты.

— Ах, мистер Пейден, — жеманно проговорила Лора тоном южной красавицы. — Ну, скажу я вам! Никогда не думала, что вы так ловко обращаетесь со словами.

Джеймс рассмеялся, оценив ее шутку, но затем вновь посерьезнел:

— Спасибо, Лора, за то, что заставила меня сделать это.

Лора покачала головой, отвергая благодарность:

— Ты бы и сам это сделал рано или поздно. Я лишь подтолкнула тебя.

— И все равно...

Джеймс намеревался ограничиться только нежным поцелуем в знак благодарности. Но его руки обвились вокруг податливого тела жены, поцелуй все продолжался и становился все горячее, пока не откликнулась его мужская плоть. Джеймс отстранил Лору от себя:

— Потом, малышка.

И чтобы не поддаваться порыву, он решительно вышел, и наружная дверь с защитным экраном захлопнулась за ним.

Следующие несколько дней были отданы подготовке к вечеру. Список гостей постоянно обновлялся, и приглашения срочно доставляли на почту, чтобы успеть к отправке во второй половине дня.

— Почему бы нам просто не опубликовать объявление в газете и не пригласить сразу весь город? — сухо спросил Джеймс, когда Лора вручила ему еще одну порцию конвертов с марками. — Шутка, — объяснил он, когда жена подняла на него глаза в ужасе от этого предложения.

Несмотря на бурные протесты Глэдис, Лора наняла поставщика провизии для помощи в организации стола. Поставщик и экономка жутко ругались между собой, но в конце концов меню как-то согласовали и утвердили. Было решено устроить типично южный стол с вареными крабами и креветками, жареной рыбой в тесте, жареным картофелем, кукурузой, печеными бобами, икрой, не говоря уже о салатах, закусках, арбузах и знаменитых пекановых пирожных — фирменном блюде Глэдис — на десерт.

Джеймс нанял группу мальчишек, у которых еще не закончились летние каникулы, чтобы помочь Бо привести в порядок обширные лужайки вокруг дома. Нижние ветки деревьев были украшены крошечными прозрачными рождественскими лампочками, что придавало двору сказочный вид — к огромному восторгу

Мэнди. На невидимых проводах между деревьями висели разноцветные фонарики, а вдоль пирса в ведрах с песком торчали факелы. Из Атланты ожидался ансамбль музыкантов с танцевальным репертуаром.

— Только один момент беспокоит меня, — размышляла Лора вслух, когда они вели своих лошадей к конюшне после прогулки с Мэнди.

— Какой? — Джеймс соскочил со своего коня, чтобы помочь Лоре спешиться, а Бо в это время уже помог Мэнди. — Что может случиться? Лора, весь штат сотрудников Белого дома не предпринимает столько усилий для организации официального обеда в честь китайского премьер-министра. Ты ведь уже горы свернула. Что же ты могла упустить?

— Погоду. — Лора обеспокоено посмотрела на небо. — В Карибском море назревает шторм, и синоптики говорят, что к концу недели у нас может пойти дождь. Тогда все пропало.

— Не думаю. — Джеймс схватил ее за талию и приподнял. — Тогда мы сможем пораньше отправить всех домой и устроить вечеринку только для нас двоих в спальне. — Он потерся носом о ее кожу, видневшуюся в вырезе расстегнутого воротничка. — Только одни мы. Голые и непристойные.

Лора улыбнулась, но тревожная морщинка не исчезла с ее лба.

— Послушай, малышка, — сказал Джеймс с терпеливым вздохом, — дождя не будет. Хорошо? Хо-ро-шо? — повторил он, слегка потряхивая жену, пока она не согласилась.

— Хорошо, — пробормотала Лора.

Джеймс передразнил ее, только надутые губы у него получались гораздо лучше. Он выглядел очаровательно.

— Хорошо! — наконец рассмеялась Лора.

Накануне торжества, где-то около полудня, Джеймс ' спустился по тускло освещенным ступенькам в подвал.

— Э-ге-гей!

— Здесь я, внизу.

— Я знаю, но где? — спросил он, спустившись вниз.

— Тут я. Глэдис отправила меня вниз, чтобы еще раз проверить наши запасы. Она, представляешь, последний раз на сегодня, отправляется за продуктами. — Лора стояла перед полкой с продуктами, внося дополнения в растущий список. — Что ты делаешь дома? Я думала, у тебя дела в городе. Что, уже время ленча? — Изучая список, она задумчиво похлопывала карандашом по щеке. — Ты видел Леону? Я попросила ее помочь Глэдис расставить цветы.

— Да, у меня были дела в городе, но я закончил их раньше, чем думал.

Джеймс схватил жену за талию и повернул к себе лицом. Он отобрал у Лоры блокнот и карандаш и швырнул их на стол, так предусмотрительно установленный здесь одним из ее предков.

— Да, уже время ленча. Да, я видел маму, Глэдис и Трикс на террасе: они расставляют цветы. Именно они сказали мне, где найти тебя, и теперь, когда ты наконец вся внимание, как насчет того, чтобы поздороваться с мужем поцелуем?

Прежде чем Лора успела ответить, он припал губами к ее рту, раздвинул приоткрывшиеся от удивления губы жены еще шире, и его язык неистово рванулся в глубину ее рта.

— Вот так, — пробормотал Джеймс через несколько мгновений, — это больше похоже на мое представление о том, как надо встречать мужа.

— Всегда пожалуйста, — сказала Лора, задыхаясь.

— Правда? — Уголок его губ приподнялся в чувственной улыбке. — Не могу передать тебе, как я рад слышать это, дорогая, потому что я жутко хочу тебя прямо сейчас.

— Прямо сейчас?

Джеймс двинулся вперед, прижав жену спиной к краю стола.

— Угу. Я хочу тебя попробовать. — Он потянулся к пуговицам на блузке и расстегнул их, прежде чем Лора поняла, что происходит. Под блузкой он обнаружил кружево тедди (Тедди — женское нижнее белье, сочетающее в одном предмете верх в виде рубашки и необлегающие

трусики) и удовлетворенно пробормотал: — Я хотел увидеть твоё нижнее бельё.

— Что? Когда?

Его руки двигались по её груди, и у Лоры стали путаться мысли.

— Всегда. Когда видел тебя идущей по городу и когда встречал в коридорах школы. Мне до смерти хотелось узнать, какое бельё носят богатые девочки. Какое бельё носит Лора Нолан. Я бы точно спятил, если бы представил что-нибудь вот такое. — Он опустил кружевные чашечки, поддерживавшие груди, и склонился, чтобы захватить губами один из холмиков.

Чтобы не потерять равновесие, Лора ухватилась за его волосы.

— Джеймс, — простонала она, когда его язык продолжил своё соблазнительное движение.

— Ты восхитительна. — Губы мужа сомкнулись вокруг набухшего соска и мягко втянули его в себя.

Она застонала:

— Кто-нибудь может... — Её взгляд скользнул к верхней площадке лестницы, где из открытой двери в подвал пробивался свет. Но прежде чем это запечатлелось у неё в мозгу, её глаза непроизвольно закрылись.

Руки Джеймса двинулись вверх по её бедрам, под широкую юбку. Не переставая ласкать её, эти сильные руки скользнули выше — на талию — и приподняли Лору, усадив на стол. Джеймс встал между её бедер.

— Посмотри, что ты делаешь со мной. — Он прижал её руку к переду своих брюк.

— Сейчас середина дня.

Никогда ещё возражения Лоры не звучали так слабо. Джеймс потерся о её ладонь:

— Я такой с самого утра.

— Даже после вчерашней ночи?

— Каждый раз, когда я вижу тебя, каждый раз, когда думаю о тебе.

Лора вскрикнула от неожиданности, когда он расстегнул тедди и стал ласкать её там, где она была влажной и теплой. Их прерывистое дыхание заглушило звуки расстегиваемой молнии.

— Всегда такая сладкая и такая маленькая.

Это было то последнее, что он даже не выговорил, а простонал. После этого их слова уже невозможно было разобрать.

Через несколько минут Джеймс отстранился и помог жене сесть на край стола.

— А как ты теперь чувствуешь себя в подвале? — мягко спросил он, проводя пальцем по её щеке.

— Ну если это не развеет мои страхи — тогда ничего уже не поможет. — Застенчивая улыбка

так контрастировала с ее недавней страстью, что Джеймс ухмыльнулся.

Он заботливо передал жене носовой платок. Воспользовавшись им, Лора засунула платок в карман юбки и стала приводить в порядок одежду. Джеймс между поцелуями помогал ей. Именно он застегнул последнюю пуговичку на блузке Лоры, но только после того, как еще раз взглянул на ее грудь.

— Джеймс, ты опять не воспользовался...

— Все время забываю зайти в аптеку.

— Ты же знаешь, как мы рискуем.

— Ты действительно хочешь говорить об этом именно сейчас?

Он снял Лору со стола. Когда она попыталась встать, то обнаружила, что колени у нее ослабли. Прислонившись к Джеймсу, она обхватила его руками за шею и прижалась щекой к груди.

— Да нет, наверное.

Он успокаивающе погладил ее спину.

— А о чем бы ты хотела поговорить?

— О том, какой я стала испорченной. В его груди заклокотал смех.

— Разве нет закона против развращения весьма добропорядочной дамы?

— Не думаю, что ты была уж настолько добропорядочной, — прошептал он прямо ей в ухо. — Думаю, ты всегда была испорченной маленькой распутницей. И только пряталась за фасадом чопорности и строгости. Ты изначально была готова к тому, чтобы такой развратный тип, как я, пришел и увлек тебя.

Лора смиренно вздохнула:

— Да, наверное. Иначе бы тебе не удалось меня так легко развратить.

— Ты действительно с самого рождения была падка на соблазны.

Вместо того чтобы обидеться, она только улыбнулась, вдыхая уже знакомый запах его тела. \

— А правда ли то, что мужчина хочет, чтобы его жена была в гостиной леди, а в спальне — шлюхой?

— Откуда ты это откопала? — Джеймс склонил голову набок и пристально посмотрел на жену.

— Так это правда?

— Ну пожалуй... Ну, в целом это близко к общей сути.

— Помнишь прошлую ночь, когда ты выключил кондиционер и разжег огонь в камине?

— Да. Ну и что?

— Я стала шлюхой и в гостиной.

Ее лицо и тон были такими встревоженными, что Джеймс расхохотался. Крепко обняв жену, он стал покачивать ее взад и вперед.

— Вы воистину редкая женщина, мисс Лора. Боже мой, крошка, как мне с тобой хорошо!..

Он снова с чувством поцеловал ее. Потом, не отрывая губ от ее рта, умудрился произнести:

— У меня к тебе вопрос, малышка.

— Какой? — спросила Лора с надеждой.

Он улыбнулся ей той медленной, вызывающей улыбкой, которая стала ей так знакома и которую она полюбила:

— А что у нас на ленч?

Глава 9

Назначенный для проведения званого приема день оказался серым и пасмурным. Область низкого давления, так тревожившая Лору, официально была названа тропическим штормом. Предполагалось, что скорость ветра в его эпицентре достигнет пятидесяти миль в час.

— Я уверен, что нас это не коснется, — заверил ее Джеймс, когда Лора, послушав прогноз по телевидению, вновь завела об этом разговор. — Это же далеко в море. Даже если шторм двинется к берегу, то, пока достигнет его, наверняка уже потеряет силу. Это первый шторм в этом сезоне, и он редко бывает очень сильным.

Лора заставила себя отогнать тревожные мысли и настроиться на праздничный лад. Было влажно и душно, но потом постепенно погода немного улучшилась, а вместе с ней — и настроение Лоры. Ближе к вечеру Индиго-плейс приобрел праздничный вид.

Возбуждению Мэнди не было предела. словно непослушный щенок, она все время путалась под ногами, выводя всех из себя.

— Мама, пожалуйста, не могла бы ты чем-нибудь занять Мэнди, пока мы с Лорой одеваемся? — спросил Джеймс Леону, когда она приехала в Индиго-плейс в том самом платье, которое сын специально купил ей для этого приема.

Леона сделала себе прическу и маникюр в салоне красоты. Сама она давно уже была лишена какого бы то ни было тщеславия и старалась не ради себя, а ради Джеймса: знала, насколько для него важен этот вечер, и не хотела, чтобы сыну было стыдно за нее. Морщинки — свидетельство многолетних забот и тревог — сейчас не так бросались в глаза, потому что теперь она часто улыбалась и вообще выглядела необычайно симпатичной.

Леона стала частым гостем в доме сына с тех пор, как они помирились. Лора не спрашивала Джеймса о подробностях их примирения, но, вернувшись тогда домой, он долго сжимал Лору в объятиях, а потом заявил:

— Ты была права. Моя мать действительно настоящая леди.

В ответ на просьбу сына Леона ласково улыбнулась ему и взяла внучку за руку.

— Не беспокойтесь обо мне и Мэнди. Мы позаботимся друг о друге, правда, Мэнди?

— Конечно, бабуля! Пойдем нарядим Эннмари к празднику.

Леона увела девочку, и Джеймс заторопился наверх, чтобы закончить одевание.

— Как я выгляжу? — обеспокоенно спросил он Лору, критически глядя на себя в зеркало. — Может, мне надеть что-нибудь другое?

— Ты выглядишь непринужденно и элегантно. Одним словом, просто замечательно.

На Джеймсе были льняные брюки цвета болотной зелени, рубашка того же цвета, но более тонкой выделки и кремовый спортивный пиджак из полотна. Эти лесные оттенки очень хорошо сочетались с цветом его глаз и волос. Он был красив, как никогда.

Лора обвила руками его шею и нежно поцеловала.

— Не волнуйся, Джеймс. Ты произведешь на всех должное впечатление. А если даже и нет, то какая разница? Дело совсем не в них.

Но Лора знала: для него очень важно, что подумают люди. В конце концов для этого и устраивался званый вечер.

— Я не хочу выглядеть как отщепенец, решивший принарядиться.

Любовь к нему переполняла сердце Лоры. Ей было больно за каждое пережитое мужем унижение. Обхватив его лицо ладонями, она прошептала:

— Ты смотришься именно тем, кто ты есть, — преуспевающим бизнесменом, сельским землевладельцем, имеющим прекрасный дом. Отцом, чья дочь боготворит его, и мужем, чья жена...

— Не останавливайся. Чья жена?..

«Любит тебя всем сердцем», — хотелось сказать Лоре. Вместо этого она кокетливо наклонила голову набок и сказала:

— ...тоже не против получить комплимент, пусть и неискренний.

Джеймс стал неторопливо рассматривать Лору. На ней было платье пурпурного цвета, который обычно редко идет женщинам. Но яркий цвет подчеркивал голубизну ее глаз, розовый румянец на щеках и солнечно-золотистый оттенок волос. Платье было без рукавов, с гофрированным вырезом, проходящим ровной линией по ключицам, а сзади вырез доходил до самой талии. Широкая юбка колоколом развевалась вокруг икр, почти касаясь ремешков босоножек. Волосы были зачесаны наверх и закреплены там белыми камелиями.

— Ты выглядишь восхитительно, так что я серьезно подумываю над тем, чтобы овладеть тобой. А если ты сомневаешься в моей искренности, то... — Он схватил Лору за бедра и, потянув на себя, прижался к ней всем телом. — Вот тебе искренний комплимент.

Губы Джеймса, приоткрытые и теплые, неторопливо заскользили по губам Лоры, потом по ним легко пробежал кончик языка. Руки наслаждались нежной кожей ее обнаженной спины. Затем одна рука скользнула к груди и накрыла ее.

— М-м-м, Джеймс, прекрати! — ахнула Лора, оторвавшись от его губ. — Мы сейчас не можем.

Муж отпустил ее без всякого сопротивления.

— Как я тебе уже говорил раньше, это никуда не денется.

Он многообещающе подмигнул жене, и его взгляд был таким чувственным, что у Лоры не возникло ни малейших сомнений относительно того, как они отметят окончание вечера. Она уже сейчас не могла думать ни о чем ином.

Все волнения Джеймса были напрасны. Он был не только принят, перед ним буквально лебезили те, с кем он знакомился впервые, и те, с кем он возобновлял знакомство после долгого перерыва. Вокруг него все время была толпа, и ему с трудом удавалось поговорить со всеми.

Лора часто брала его под руку, чувствуя вспышки ревности, когда дамы становились слишком экспансивными в своих приветствиях. И каждый раз она испытывала благодарность, когда Джеймс накрывал ее руку своей и нежно сжимал ее. Как бы ни были привлекательны и решительны женщины, добивавшиеся внимания Джеймса Пейдена, жене всегда удавалось отвлечь его от милых дам.

Если бы Джеймс только сказал, что любит ее — хотя бы один раз, — Лора сочла бы себя самой счастливой женщиной на свете. Но даже в самые бурные мгновения их любви он ни разу не произнес этих трех простых слов.

Глядя на профиль мужа, пока он пожимал руку городскому мэру и договаривался с ним поиграть в гольф, Лора понимала, что достаточно и того, что она имеет. Она дала Пейдену респектабельность, к которой он так стремился. И если он не любил ее, то по крайней мере был очень благодарен. Этого было достаточно.

Пейден с гордостью представлял гостям свою мать и дочь. Вряд ли у кого-нибудь в городе возникали ассоциации между бедно одетой женой городскою пьяницы и этой сдержанной, любезной женщиной, которая явно наслаждалась успехом своего сыпи и любовью внучки.

Гости вдоволь насплетничались о хозяине и хозяйке дома и о том, как они явно равнодушны друг к другу. Приглашенные наслаждались едой, напитками и пейзажем, которыми всегда славился Индиго-плейс, 22.

Только где-то около полуночи последние гости направились к своим машинам, переговариваясь между собой о том, что это был самый лучший вечер сезона и вряд ли кому-нибудь скоро удастся превзойти Пейденов.

— Ох, как хорошо! — сказала Лора, сбрасывая босоножки. Она с самого утра была на ногах, и теперь, сидя за столом, вращала пальцами, чтобы кровь прилила к онемевшим ногам.

— Эй, малышка, налетай. — Джеймс поставил перед ней доверху наполненную едой тарелку. — За весь вечер ты ни крошки не съела. — Он наполнил тарелку и для себя, и они с жадностью принялись есть. — Мама, ты ведь у нас ночуешь? — спросил Джеймс Леону, едва прожевав.

— Если ты так хочешь.

— Да, хочу. Глэдис уже приготовила для тебя спальню. Почему бы вам с Мэнди не отправиться наверх? Вы обе едва на ногах держитесь.

Мэнди, уже совершенно сонная, обошла всех, целуя на ночь, прежде чем позволила бабушке

отвести ее наверх. Глэдис суетилась вокруг Джеймса и Лоры, отчитывая их за то, что они не отужинали на собственном празднике. Приводя в порядок кухню, она все время что-нибудь подкладывала им на тарелки.

Задняя дверь скрипнула, когда с улицы вошел Бо. Он проследил за тем, чтобы погасили все фонарики и факелы и чтобы на ночь все было закрыто. Он был явно встревожен.

— Джеймс, Лора, я только что услышал по радио, что к нам приближается не шторм, а ураган.

Внезапно потеряв аппетит, Лора оттолкнула тарелку в сторону.

— Глэдис, включи телевизор.

Глэдис потянулась к кнопкам на портативном телевизоре, который она держала в кухне для того, чтобы во время работы смотреть свои любимые «мыльные оперы».

«Бетти», как теперь назывался ураган, был главной новостью вечерних выпусков. Он бушевал уже несколько часов. Военные моряки сообщили, что скорость ветра превышает сто миль в час. Даже на фотографиях со спутника ураган выглядел устрашающим и, похоже, грозил большими разрушениями. Сейчас на его пути находилось побережье трех штатов — Джорджии и обеих Карелии.

— Индиго-плейс! — произнесла Лора слабым от ужаса голосом. Лицо ее побелело, когда она повернулась к Джеймсу. — Что же нам делать?

— Сегодня мы все равно ничего не сможем сделать — разве что только хорошо выспаться, — сказал Джеймс, обнимая ее. Он похлопал ее по спине, губы нежно касались волос. — А утром мы заново оценим ситуацию. Эти ураганы могут менять направление в считанные часы.

Бертоны отправились к себе. Плечи их поникли от тревоги. Джеймс попытался увести Лору из кухни, но она уперлась:

— Нет, ты иди. А мне лично спать не хочется.

— Лора, ты же не останешься внизу, прилипнув к радиоприемнику?

— Почему бы и нет? Я волнуюсь.

— И я тоже. Но какой смысл сидеть здесь и отмечать продвижение урагана? Мы не в состоянии ничего сделать.

Лора прикусила нижнюю губу, нервно перебирая руками.

— Я не могу просто так идти спать, как будто это такая же ночь, как и все остальные. Это все равно что отвернуться от Индиго-плейс. Все равно что бросить его.

Джеймс посмотрел на нее, словно на капризного ребенка, и мягко взял за плечи.

— Какой от тебя будет толк нашему Индиго-плейс, если ты выбьешься из сил? Пошли. Никаких споров.

Она пошла неохотно, но покорно, двигаясь словно во сне, полностью подчинившись его воле. Руки ее тяжело повисли вдоль тела. Поскольку она сама была не способна даже раздеться, Джеймс пришел ей на помощь. Раздев жену, он быстро снял с себя одежду и повел Лору к

постели. Она дрожала под простыней, хотя было тепло.

Руки Джеймса обвили вокруг талии жены, и он так тесно прижал ее к себе, что тела их просто слились. А потом он любил ее, но сейчас это не имело ничего общего с сексом.

Пропуская сквозь пальцы ее волосы, которые он сам распустил, Джеймс шептал ей в темноте ласковые, успокаивающие слова, пока она не перестала дрожать.

Его губы были недалеко от виска Лоры, и Джеймс часто касался его легким поцелуем, говоря жене, как много для него значит вечер, который она устроила ради него, и как замечательно он прошел.

И наконец, уткнувшись лицом в его покрытую пушком грудь, она уснула.

Новости на следующее утро были мрачными.

Лора и Джеймс сидели бок о бок на диване в кабинете ее отца и смотрели телевизор. Вся программа была изменена, чтобы уступить место выпускам новостей об урагане «Бетти».

Забылись все слова утешения, которые Джеймс шептал ей прошлой ночью. Лору приводила в уныние мысль о потере Индиго-плейс, потому что это означало и жизнь без Джеймса. Уничтожение дома будет равносильно крушению ее брака, который фактически опирался на этот дом. Нет дома — нет и брака.

У Глэдис постоянно был наготове горячий кофе, хотя никто не испытывал никакого желания есть или пить. Леону попросили остаться и помочь занять Мэнди. Девочка не могла играть на улице, потому что начался дождь. Ей было скучно в такой тоскливой обстановке, и она капризничала, заставляя всех еще больше нервничать.

По радио призывали население покинуть прибрежный район, когда стало ясно, что именно на побережье Джорджии ураган вырвется на сушу. Залив Сент-Грегори уже весь клокотал.

— Я не уеду, — сказала Лора, упрямо качая головой. — Я никогда не оставлю Индиго-плейс.

Такой неразумный подход разозлил Джеймса; он скривил рот, но промолчал. Натянув высокие резиновые сапоги и плащ с капюшоном, он решил бросить вызов стихии. Доски, которые они вместе с Бо прибавали к окнам, не спасли бы от урагана, но Джеймс должен был чем-то заняться, иначе можно было сойти с ума. Он не мог сидеть просто так, словно дежуря у постели умирающего. Ему ненавистно было бессилие и раздражало то, что ураган диктует им свою волю.

Хотя население уже начало уезжать из прибрежных городов и движение по дороге на запад стало очень оживленным, Джеймсу удалось пригнать несколько трейлеров для лошадей. Лора печально наблюдала с переднего крыльца, как перепуганных животных завели под проливным дождем в трейлеры и увезли.

Ее отчаяние было столь же глубоким, сколь мрачной была погода на улице. Лоре потребовалось достаточное усилие, чтобы вдохнуть тяжелы и воздух грудью, которую переполняли тревожные предчувствия.

— Ты не сможешь сложить вещи для Мэнди? Мама может забыть что-нибудь важное.

Джеймс нашел жену сидящей в одиночестве в гостиной. Все окна были закрыты, и атмосфера в доме была похоронной. Он подумал, что Лора его не слышит, и собирался уже повторить просьбу, когда жена повернулась и посмотрела на него отсутствующим взглядом:

— Вещи?

— Я отправляю маму и Мэнди с Бертонами. Я дозвонился по телефону до мотеля в Мейконе, где еще оказались свободные номера. Я забронировал им номер, но, если они не приедут к определенному времени, его отдадут другим.

Она рассеянно кивнула и пошла наверх помочь Леоне уложить вещи Мэнди в чемодан. Когда все были готовы к отъезду, Лора присела на корточки, чтобы поцеловать Мэнди на прощание.

— Мне не страшно, а вот Эннмари боится, — произнесла девочка дрожащими губами. — Я сказала ей, что не надо бояться.

— Вы обе очень храбрые, — сказал Лора, глядя Мэнди по голове.

— Я не хочу оставлять тебя и папу. Но он сказал, что вы позаботитесь друг о друге. Это правда?

— Конечно.

— Вам не будет страшно?

— Нет, нам не будет страшно.

— Я люблю тебя, мамочка.

Лора прижала к себе теплое, полное жизни тело ребенка, буквально впитывая в себя его силы, страстно желая, чтобы вера Мэнди передалась и ей.

— Я тоже люблю тебя, дорогая. Будь умницей, слушайся бабушку, Глэдис и Бо.

— Пойдем, Трикс, — мягко сказал Джеймс, отрывая их друг от друга. — Ты ведь не хочешь, чтобы в мотеле отдали комнату кому-нибудь другому?

Губы Мэнди сильно дрожали, когда Бо нес ее под проливным дождем к машине и передал на заднее сиденье в руки ожидавшей там Леоны. Она трогательно смотрела на Джеймса и Лору через заднее стекло и махала рукой до тех пор, пока машина не скрылась за поворотом.

У Лоры защемило сердце, но она знала, что эта боль ничто по сравнению с той, что ей придется испытать, если Джеймс и Мэнди навсегда уйдут из ее жизни.

— Жаль, что ты не передумала, Лора. Нам бы следовало уехать с ними в Мейкон.

Лора сжала губы, упрямо посмотрела на Джеймса и покачала головой. Однако несколько часов спустя ей уже было не до выбора, когда в переднюю дверь забарабанил заместитель шерифа.

Всю вторую половину дня продолжал лить дождь, скорость ветра возрастала. Ураган не собирался утихать. Напротив, метеорологи, следившие за «Бетти», предсказывали, что это будет один из сильнейших ураганов за последние годы.

— Простите, мистер Пейден! — прокричал заместитель шерифа сквозь ревущий ветер. Дождь

капал с краев его широкополой шляпы. Блюститель порядка весь был укутан в желтый плащ, от подбородка до колен. — Похоже, ураган обрушит на нас всю свою силу. Всем нужно уезжать. У вас есть полчаса на сборы. — Мы уедем, — мрачным голосом пообещал Джеймс.

Закрыв дверь, он повернулся к Лоре, которая стояла позади него:

— Ты хочешь что-нибудь взять с собой?

Она готова была пожертвовать жизнью не ради спасения Индиго-плейс, а ради спасения ее брака. Время! Почему судьба отвела ей так мало времени? Если бы только у нее был еще один день, одна неделя, один месяц — она бы добилась любви Джеймса. Сейчас же Лора была вынуждена сдаться еще до того, как прозвонил последний удар гонга. Бой закончен.

Силы покинули ее, тело обмякло, смирившись с поражением.

— Нет, я не хочу ничего брать с собой.

Ничто материальное больше не представляло для нее никакой ценности. Боже, как же глупа она была, придавая так много значения вещам! Имущество. Родословная. С пеленок Лору Нолан учили дорожить всем этим, но ей следовало бы давным-давно понять, что люди намного важнее вещей. Она усвоила этот урок дорогой ценой, вынужденная расстаться с тем, кого любила больше всего.

Они собрали только туалетные принадлежности и сменное белье, сложив все в сумку. Джеймс подогнал машину к крыльцу. Лора заперла переднюю дверь и приложила ладонь к растущему у крыльца прохладному дереву, словно к сердцу любимого человека, как будто опасаясь, что в любой момент оно перестанет биться.

Наконец, проглотив слезы, она повернулась и побежала вниз по ступенькам к машине.

Стекло хрустело под каблуками Джеймса.

— Все хуже, чем я думал, — сказал он, наклоняясь, чтобы поднять осколок бесценной люстры, которая раньше висела в столовой.

Вид у него был сердитый. Пейден швырнул кусок хрусталя вниз, и тот застучал по куче осколков у него под ногами. Лора, следившая за ним, отвернулась, стараясь не выдавать своего отчаяния.

Преыдущие сорок восемь часов были просто кошмаром. Дорога в Мейкон оказалась одним из самых тяжелых испытаний за всю ее жизнь. Машины двигались бампер к бамперу, и ситуация еще более усугублялась дождем. Такие же испуганные люди, как и Лора, спешно покидали свои дома, не зная, будет ли у них куда вернуться после того, как «Бетти» вдоволь нарезвится.

Когда они добрались до мотеля, вся их семья уже устроилась в небольшом номере. Во всем Мейконе больше не было ни одной свободной комнаты. Джеймс и Бо галантно предложили поспать в машинах, предоставив комнату дамам. В первую ночь Лора почти не могла заснуть. Мэнди, спавшая вместе с ней, брыкалась, как молодой жеребенок; Глэдис храпела; Леона во сне постанывала. Но главной причиной бессонницы была тревога.

Худшие опасения Лоры оправдались на следующее утро, когда газеты и телевидение сообщили, что Грегори сильно пострадал от урагана. Город оказался в самом его эпицентре,

так что на него дважды обрушивались ураганный ветер и страшный ливень. Город пережил несколько шквалов, которые оставили после себя массу повреждений.

Только через сутки, когда вода стала спадать и опасность миновала, горожане получили разрешение вернуться в Грегори. Джеймс решил пока оставить всех домашних в Мейконе. Чтобы им было удобнее, он снял еще одну комнату, как только та освободилась.

— Пока я не узнаю, как дела дома, вам лучше побыть здесь, — сказал он оставшимся, увидев, как они расстроены и удручены. — Мы свяжемся с вами, как только что-нибудь узнаем.

Перед тем как они с Лорой отправились в Грегори, Пейден заставил Бо взять деньги, поцеловал мать и Мэнди, а строгой Глэдис велел присматривать за ними.

Возвращались обратно в Грегори в полном молчании. Бесплезно было строить предположения о том, как сильно пострадал Индиго-плейс. Когда супруги подъехали к побережью, представшая перед глазами картина разрушений подготовила их к худшему.

Но сердце Лоры радостно забилось, когда они въехали в ворота и она увидела, что внешние стены уцелели. Конечно, на побеленном кирпиче выделялась грязная черта, показывавшая, как высоко поднялась вода. Часть крыши снесло, окна были без стекол, но сам дом устоял.

Джеймс, бормотавший ругательства, явно не способствовал улучшению ее настроения. Изучая нанесенный ураганом ущерб, Пейден наверняка думал о том, что неудачно вложил капитал. Он истратил на этот дом целое состояние, а отдачи не получил. Потребуется еще одна такая же кругленькая сумма, чтобы убрать всю грязь и отремонтировать дом, — и это еще без учета фамильных ценностей, которые придется заменить. Страховка покроет лишь часть убытков. Но если смотреть на вещи реально, зачем ему все это? Зачем такие заботы и такие затраты теперь, когда в этом нет необходимости? Джеймс Пейден, бывший изгой, уже достиг своей цели. Город, который когда-то насмеялся над отщепенцем, теперь преклонялся перед ним. Джеймс выполнил то, что наметил. Он показал себя достойным уважения всего города. Если он собирается еще раз вложить целое состояние в собственный дом, то это может быть и в Атланте или еще где-нибудь. Ему больше не нужен свой дом именно в Грегори.

Когда он уедет, позовет ли он ее с собой, думала Лора. Сейчас этот вопрос был для нее самым главным. Ее миссия была выполнена. Пейден женился на ней ради ее имени и ее знаменитого адреса. Больше они ему были не нужны, а за пределами Грегори ценность их равносильна стоимости кучки бобов. А то, что у них с Лорой было в постели, Джеймс может запросто получить где угодно от бесчисленного числа женщин — ему не привыкать.

— Пойду, проверю конюшню. — Лора поспешила уйти, прежде чем он заметит слезы, нахернувшиеся ей на глаза, или услышит, как предательски дрожит ее голос.

Она брела через целое море грязи, не обращая внимания на то, что пачкает ботинки и нижние края джинсов. У нее все похолодело внутри, когда она увидела, что одна из больших веток виргинского дуба оторвалась от величественного ствола, выдерживавшего ураганы на протяжении столетия. Пирс, на ремонт которого у Джеймса ушло столько сил и времени, просто исчез. Но все это не причиняло такую боль, как мысль о том, что придется расстаться с Джеймсом и Мэнди.

Индиго-плейс, 22, был не вечен. Доказательства этому сейчас были повсюду, куда бы она ни посмотрела. А ее любовь к Джеймсу никогда не умрет. Индиго-плейс был ее прошлым. Джеймс стал ее будущим.

Лора вошла в сумрачную конюшню, чудом оставшуюся совершенно нетронутой. Вода залила огромный сарай, но Лора забралась по лестнице на сеновал, где было сухо и приятно пахло сеном, легла на старое одеяло, свернулась в плотный клубочек и зарыдала.

— Лора?

Она не знала, сколько времени проплакала, но, услышав голос Джеймса, резко села. Тыльной стороной ладони торопливо вытерла залитое слезами лицо.

— Я здесь, наверху, — сказала она.

Слабые лучи полуденного солнца пробивались сквозь черепичную крышу. Поднявшиеся пылинки плясали в золотистых лучах света. Конюшня пахла сыростью, но этот запах не был отталкивающим.

— Я обыскался тебя, — сказал Джеймс, пролезая в люк.

— Я раньше сюда часто приходила, когда мне нужно было побыть одной, чтобы подумать.

— Или поплакать, — сказал Джеймс без обиняков и сел на сено рядом с ней.

Лора опустила глаза:

— Разве я не имею на это права? Хотя бы немножко поплакать?

— Наверное, имеешь.

Его голос звучал холодно и отчужденно, и Лора промолчала. Когда напряжение стало невыносимым, она спросила:

— Что ты думаешь делать?

Обхватив руками колени, он жевал соломинку, гоняя ее от одного уголка рта к другому.

— Думаю, мы начнем с крыши, чтобы сделать дом неподвластным стихии. Наверное, нам придется нанять людей для расчистки... В чем дело? — Он заметил, как Лора остолбенела.

— Ты... ты собираешься восстанавливать Индиго-плейс?

— Конечно, черт побери. Ты что, думаешь, мы сможем жить в нем в его нынешнем состоянии?

— Значит, ты планируешь продолжать жить здесь?

— Нам придется пожить где-то в городе, пока не закончится ремонт.

Джеймс все время употреблял слово «мы», и сердце Лоры забило в надежде. Он опять увидел на ее лице удивленное выражение и немедленно обиделся:

— В чем дело? Ты что, не доверяешь мне? Думаешь, я не смогу восстановить дом? Боишься, испорчу твоё фамильное имение?

Слезы заблестели у нее в глазах. Она покачала головой:

— Нет. Совсем не то. Я не думала, что ты вообще будешь восстанавливать дом.

Несколько мгновений он пристально смотрел на нее.

— Не хочешь объяснить, почему это пришло тебе в голову?

— Ты женился на мне из-за Индиго-плейс. Теперь, когда его больше нет и я тебе уже не нужна...

Она так и не смогла закончить свою мысль, потому что Джеймс резко схватил ее за руку и дернул на себя так, что она оказалась лежащей у него на коленях, а его лицо нависло над ней.

— Ты мне больше не нужна? Малышка, ты просто не знаешь, как ты мне нужна. Я и представить раньше не мог, что можно так нуждаться в ком-то, особенно в женщине.

Сильной рукой он обхватил ее подбородок, откинул назад ее голову и горячо поцеловал в губы. Они не касались друг друга с той ночи, когда закончился праздник, и их тела истосковались друг по другу. Жар его тела немедленно воспламенил Лору. Она жадно вернула ему поцелуй, обхватив голову Джеймса руками.

Когда они наконец отстранились друг от друга, дыхание их сбилось.

— Как это ты не нужна мне? — требовательно спросил Джеймс. — Ты что, не чувствуешь этого? Разве ты не видишь это в моих глазах каждый раз, когда я смотрю на тебя? Да я не могу тобой насытиться.

— Тебе нужно было мое имя и мое положение в обществе.

— Да, поначалу. Я вернулся в город исключительно с целью купить Индиго-плейс и жениться на тебе, и именно по тем причинам, что ты назвала. Но сейчас мне нужна только ты, будь ты хоть сборщицей хлопка, это все равно. — Джеймс крепко сжал руками ее голову, почти до боли, и пристально всматривался в ее лицо. — Почему ты проплакала весь день? Потому что думала, что потеряла Индиго-плейс?

Он чуть-чуть ослабил руки, только чтобы Лора могла покачать головой.

— Потому что я думала, что, потеряв дом, я потеряю тебя. Мне невыносима была мысль о расставании с тобой. Без дома можно обойтись. А без тебя я не могу.

Бранные слова, которые на этот раз могли сойти за молитву, отразились гулким эхом от стен сарая.

— Ты никак не могла потерять меня, мисс Лора. — Нагнув голову, он стал покрывать горячими, влажными поцелуями ее грудь. — Как ты думаешь, почему я так старался, чтобы ты забеременела? Малышка, я так надеялся на это. Таким образом я хотел получить гарантию, что ты никогда не уйдешь от меня.

Лора стонала от пылкого натиска его губ и возвращала поцелуи с неистовством, которому он ее научил.

— Тогда почему ты так сердился? Я боялась, что ты счел Индиго-плейс и меня плохим вложением капитала.

— Нет, нет же. — Он словно втирал губами эти слова в ее шею. — Я злился потому, что ты так переживала из-за урагана и так беспокоилась о доме. Я хотел, чтобы ты волновалась больше

обо мне и Мэнди, чем о доме.

— Джеймс, так оно и есть! Разве ты не понял этого? — Лора тянула его за волосы до тех пор, пока ему не поднял голову. — Я поступила очень глупо, не сказав тебе то, что давно уже знаю. — Она заколебалась.

— Ну?

— Я люблю тебя. Он замер:

— Правда?

— Ты мне всегда нравился. Еще до той ночи, когда ты спас меня от тех парней и привез домой на мотоцикле. Меня тянуло к тебе, потому что я знала, что ты никогда не будешь моим. Потом, когда ты вернулся в город... все началось снова. Мне не было покоя из-за тебя, и сначала я думала, что просто опять тобой увлеклась. Но уже давно я поняла, что это увлечение превратилось в любовь.

Он убрал выбившиеся пряди волос с ее лица.

— Я тоже люблю тебя, Лора. Я совершенно испорченный тип. Нет смысла скрывать это. А ты такая леди, аристократка. Я думал, ты будешь смеяться надо мной, если я признаюсь тебе в своих чувствах, поэтому и не рискнул. Но сейчас я тебе это говорю. Я люблю тебя.

Лора коснулась его лица. Она любила и задумчивую сосредоточенность его губ, и дерзкое выражение его глаз, но более всего — его незащищенность. Джеймс раскрыл эту восприимчивую сторону своего характера только ей, и это было подлинным проявлением его любви.

— Ты совсем не такой уж плохой парень, Джеймс Пейден, каким хочешь казаться.

— Никому не скажешь?

— Обещаю.

Тишина окружала их, когда они стали медленно раздеваться. Солнце садилось, отбрасывая на стены сарая длинные тени, хотя несколько ярких лучей еще пробивалось сквозь щели в черепице над головой, словно крошечные прожектора. Конюшня была полна запахов сена и земли, дождя и плоти.

Обнаженные, они опустились на одеяло, лицом друг к другу, соприкасаясь только губами. Потом его руки скользнули ей на грудь, нежно поглаживая ее.

— Родишь мне ребенка?

— Да, да.

— Когда он родится, можно мне будет попробовать твое молоко?

Джеймс опустил голову. Его дыхание было мягким, но прерывистым, рот был нежным и чувственным.

Вздыхнув от наслаждения, Лора раздвинула колени:

— Коснись меня.

Он повиновался, накрыв ее ладонью, которая затем скользнула между бедер, а большой палец проявил поразительную изобретательность.

Протянув руки, Лора стала ласкать Джеймса. Под ее ищущими пальцами ему становилось все жарче, он весь уже трепетал от возбуждения.

Ласками они привели друг друга в состояние восхитительного неистовства. Буквально за секунды до взрыва страсти Джеймс приподнял Лору над собой и овладел ею.

Позже они расслабленно и удовлетворенно лежали лицом друг к другу, тела их блестели от капелек пота.

— Я люблю тебя, — прошептала Лора, обводя пальцем его пухлую нижнюю губу.

— Я люблю тебя.

Она поцеловала его быстрым легким поцелуем и попыталась встать.

Джеймс схватил ее за запястье:

— Куда это ты собралась?

Солома запуталась в ее сбившихся локонах, губы полыхали от его горячих поцелуев. Она смотрела на него невинными небесно-голубыми глазами женщины, совершенно одурманенной любовью.

— Я... я думала, мы оденемся, поедem в город... найдем где переночевать... поищем...

Постепенно голос ее затих. Уголок рта Джеймса был приподнят в многозначительной улыбке. Он смотрел на нее завораживающим взглядом из-под отяжелевших век. Его страстный взгляд мог бы уговорить ангела расстаться с крыльями. И даже больше.

— Ничего не выйдет, малышка. Я только что обнаружил, что кое-какая работа у меня лучше всего получается на соломе. — И, обняв ее за шею, он вновь притянул Лору к себе.